

От редактора

В своём предисловии к предыдущей книге Александра Костюнина «Дагестан» я пытался подобрать ключи к мастерской художника, определить для себя типологические особенности его творческой манеры, понять, кто он по своим убеждениям и предпочтениям — экстраверт или интроверт, сатирик или романтик, неуязвимый рыцарь служения добру и красоте, легкоранимый лирик или плутоватый глумящийся над «свинцовой мерзостью быта» живописатель трагикомических ситуаций, подсмотренных им в реальной жизни? Насколько мне это удалось — судить не мне, во всяком случае, я очень старался...

Для меня несомненно одно: о чём бы и как бы ни писал Костюнин, он всегда и везде предельно искренен, честен перед собой и людьми, встреченными в бесконечных скитаниях во времени и пространстве (ведь автор — и историк-этнограф, и путешественник-географ), он по своему душевному складу неутомимый и неустрашимый бродяга, отважный авантюрист-путешественник — первопроходец, своего рода странствующий рыцарь от литературы с открытым сердцем и забралом, родной брат по духу и по крови Дон-Кихота и Тура Хейердала, Афанасия Никитина и Марко Поло, Миклухи Маклая и Семёнова, Пржевальского и Арсеньева, Фёдора Конюхова и Чилингарова, Шпаро и Френсиса Дрейка — словом, компания ещё та!

Пишет Костюнин азартно, размашисто, вкусно, читаешь его взахлёб — не оторваться, он не боится просторечия, не чурается сленга и жаргона, коими нас всех стремительно ошастливило смутное постперестроечное время, столь щедрое на неологизмы, англицизмы и даже архаизмы (вспомним, не к ночи будь они помянуты, дерьмократов и либерастов, совков и бандерлогов, укропов и почвенников, трансвеститов и прихватизаторов «большого хапка», вспомним навязшую в зубах толерантность и политкорректность, святителей, угодников, чудотворцев, экстрасенсов, телепатов, магов и шарлатанов всех мастей) — увы, до чего же всё это уже привычно узнаваемо! Но, как справедливо заметил поэт, «времена не выбирают, в них живут и умирают...»

В условиях этой вакханалии перманентного и глобального отката к мракобесию особенно отраднo осознавать, что на свете живёт, путешествует и не щадя живота своего работает Александр Костюнин! Каждая новая книга его — это покорение новой вершины, и пусть на таких творческих высотах воздух разряжён, но зато он пронзительно чист и лучезарен!

Самоотверженность, упорство и надёжность в дружбе, желание и умение доверять тому, с кем ты в одной упряжке, в одной альпинистской связке — вот что позволяет Костюнину одолевать самые крутые подъёмы Дагестана и Абхазии, вот что даёт ему силу и право на своё честное незаёмное слово в жизни и в литературе!

В предисловии к предыдущей книге Костюнина «Дагестан» было выделено несколько характерных типологических технологических особенностей его творческой манеры: это эрудиция, душевная неуспокоенность сродни пассионарности, саркастический, но и самокритичный юмор на грани фола, синкретическое «скрябинское» обращение ко всем органам чувств читателя, отвага в ломке устоявшихся догм, стереотипов и клише общественного сознания, анализ и синтез современных искусственно насаждаемых прикормленными политиками мифологем, безукоризненный вкус стилиста и эстета в изображении фактуры и пластики самых рискованных натуралистических реалий — этот список черт «лица необщего выражения» Костюнина без труда можно было бы продолжить и за рамками предисловия, но штрихи к психологическому портрету Костюнина — это предмет дальнейшего специального научного изучения.

Тем не менее позволю себе дополнительно дорисовать здесь ещё несколько штрихов общей картины: юмор Костюнина не натужно-пародийный, по законам сегодняшнего шоу-бизнеса непременно сопровождаемый бесцеремонным заранее проплаченным хохотом клаки, а органичный, естественный, восходящий к классическим образцам Салтыкова-Щедрина и Булгакова, Зощенко и Платонова. Ювеналов бич в руках Костюнина хоть и бьёт наотмашь, но не убивает истязаемых, а перерождает, возрождает трудновоспитуемых, не глумления ради, а лишь в стремлении к катарсису нравственного очищения, к кантовской этике эстетического послевкусия...

Задавшись благой целью хотя бы в тезисной форме определить жанровую принадлежность новой книги Костюнина, я скоро понял, что задача эта многосложная и многотрудная — в самом деле, что это — подробный дневник путешествия, развёрнутый

командировочный отчёт, психологические зарисовки, этнографические очерки нравов, кроки-ориентиры для будущих скитаний и творений, набор топонимов и энтонимов аборигенов, дежурный бортовой журнал военного штурмана или просто эскизы, заготовки, черновые наброски вольного художника слова?

И то, и другое, и третье, и десятое!

В моём представлении Костюнин — настоящий былинный богатырь и рыцарь чести в жизни и в литературе, а посему добр и великодушен по определению, он — убеждённый интернационалист, гармонично объединивший в своей крови и биографии северную флегму угрофинна и удалую азиатскую размашистость обитателя ковыльных степей, неизбывную любовь к «родным осинам» и «отеческим гробам» и уважительное понимание и признание огнедышащего темперамента, незыблемости вековых адатов пылких горцев Дагестана и Абхазии!

В кризисные лихие времена лишь горячим, отважным сердцам дано работать и воевать в «горячих точках» планеты, и Александр Костюнин не раз подтвердил правоту этого тезиса: ему не даёт покоя задорный адреналин заядлого искателя приключений, он явно не обделён бойцовским, истинно мужским темпераментом военного корреспондента, убедительным подтверждением чему может служить вся его «Абхазия», Костюнин сполна наделён свыше харизматической коммуникабельностью, профессиональным умением расположить к себе собеседника в процессе обстоятельной беседы с объёмистым путевым блокнотом в руках, за традиционным застольем серией наводящих вопросов вывести интервьюируемого на доверительный, конфиденциальный уровень общения. Костюнин никогда не спешит, но всегда успевает, свою трудную и опасную работу странствующего журналиста делает легко и непринуждённо, но при этом предельно дотошно и ответственно, по ситуации перемежая солёными шутками и каламбурными афоризмами самые острые и животрепещущие вопросы быта и бытия...

Особо хочу подчеркнуть, что книгу сопровождает прекрасный видеоряд фотографий, ибо Костюнин — не только талантливый писатель, публицист и общественный деятель, но и зрелый фотохудожник, чьи цветные фотографии своим настроением, колоритом и чистотой во многом способствовали популярности электронно-интернетной «Абхазии», всё ещё ищущей просвещённого спонсора и мецената для полноценного полиграфического издания...

Хотелось бы, чтобы книга эта как пепел Клааса стучалась в сердцах неискушённой в политическом лукавстве молодёжи, чтобы юная поросль титульной нации ксенофобски не искала в своём окружении «чужаков», не вешала на них ярлыки «кинородцев» и «басурман», не воевала с ними в мыслях и наяву, а вовлекала их в свою культурную орбиту, в свою очередь духовно обогащаясь в благодатном процессе этого взаимного дружеского общения...

Закончу в стилистике заздравного горского тоста: литература письменная и изустная — дело чрезвычайно опасное, кому неизвестно, что в позапрошлом веке дипломат и поэт Грибоедов трагически погиб в Персии, отважно защищая за рубежом честь и достоинство своей Отчизны?! Прах Грибоедова покоится в склепе на горе святого Давида, нависающей над городом моей молодости — легендарным Тифлисом, на хладном граните саркофага творца «Горе от ума» его юная вдова, красавица княжна Нина Чавчавадзе написала такие пронзительные слова: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но зачем пережила тебя любовь моя?»

Убеждён, что и книги Костюнина переживут отпущенный ему век земного существования!

Сегодня именно Александр Костюнин — достойнейший Чрезвычайный и Полномочный Посол российской культуры в России и за её пределами, а распахнувшаяся ныне перед равнодушным читателем книга «Абхазия» — это его верительная грамота, надёжно скреплённая раскалённым чеканом пылающей вдохновением души дипломата и поэта!

Глан Онанян

Заслуженный работник культуры России
Кавалер орденов Почёта и Чести
Доктор философских наук

Нугзару Нуриевичу Салакая,
заоблачной вершине, восьмому святилищу Абхазии!
моему другу и проводнику, открывшему путь в обитель души,
посвящается эта книга

На страницах этих путевых заметок в реальности всё пристойно: в бокалах безалкоголь,
табакокурение невзятяг, ни одно из животных не пострадало,
комбинация букв исключительно цензурная.
Гибли только люди. Реально.
И продолжают...

Нугзар сказал:

— В стаде баранов, дабы беду упредить, есть вожак с колокольчиком на роге. В сообществе людей эта обязанность возложена на писателя. Писатель умолчит, так камения возопиют.

Гварамия Руслан, фото

Наказ

Катясь, камень мхом не покрывается.

Абхазская пословица

Давно замечено, нам не даёт вести оседлый образ жизни, навек прирасти к одному месту, гонит из дому и заставляет выбирать дорогу то, что внутри нас самих. По сути я — бродяга, моя шапка — небо. И вновь собираюсь в дальний путь. А у Васи, соседа, как раз сегодня торжественное мероприятие: за многолетнюю самоотверженную работу ему вручили медаль «Ветеран труда». Не зайти, не поздравить нельзя — обидится. Надо уважить.

Гостей немного, хозяин встретил уже навеселе:

— Что, Александр, опять в горы потянуло?

Солнце светит прямо в спину —
Надо двигать к магазину.
Солнце светит в левый глаз —
Надо ехать на Кавказ! [1]

— На этот раз Закавказье, в Абхазию.

— Вот объясни мне, — Вася с ходу протянул штрафной бокал, — почему Абхазия? Ты же вроде сочинял про Дагестан?

— Про Дагестан закончил, рукопись готова [2].

— И сколько времени ушло на работу?

— Почти пять лет.

— Заплатили много?!

— Вася, ты опять?..

— Честно скажи, крупный гонорар? — не унимался сосед. — Нет?! И не зап-ла-тят!!!

Знаешь почему?

— Почему?

— Да потому, что пишешь для народа, а надо так, чтоб нравилось вла-а-асти. Тогда у тебя кинжал будет торжественно висеть на поясе, а не из ...опы торчать. Уа-хха-ха!!!

— Спасибо за совет.

— Ну, чего стоим, — он напялил будёновку, — давайте за стол. Медаль нужно как следует обмыть.

— Тебе только б «обмыть», только б «обмыть» — урчала жена. — Когда кончится эта пьянка?..

Вася манжетой рукава полирнул латунную медаль:

— Зинаида, терпи, нах..., раз за героя замуж вышла.

Мне тоже хотелось посидеть в весёлой компании (в последние годы редко собираемся), послушать Васю, выпить, побалагурить, но пора в путь-дорогу...

Главное, как писать, я теперь знал.

Наказ получен.

Примечания:

[1] Советский фольклор;

[2] «Дагестан (дневник поездки)». Материал можно скачать одним файлом в формате PDF на сайте <http://kostjunin.ru/konkurs.html>. На страницах книги размещено много уникальных авторских фотографий, публикуемых впервые.

Экскурс в историю

*Кто в Абхазии не бывал,
тот Кавказа не видал.*

Абхазская пословица

Штрихи времени:

Истинное положение дел, честная информация — кислород.

Без кислорода жизни нет! Но благо он и лекарство лишь... в дозах умеренных.

Правда без купюр, без прикрас, такая, как есть, — равносильна кислородной бомбе!..

Посему девизом советских газет был лозунг: «Меньше знают — крепче спят!» В годы юности моей за этим следили бдительно, правду сужали строго по буквам, под роспись в рамках «грифов»: «для служебного пользования», «секретно», «сов-секретно». Однако в 1988-м железный занавес закачался, затрещал... Герметичность нарушилась, в щели стало пробиваться солнце.

Страшно!..

В описавшемся от страха и растерянности СССР мне довелось присутствовать на партхозактиве.

Зал — битком: не только мы, номенклатура по списку, пропустили ещё «представителей общественности» — критиканы, оруны-бузотёры (те топтались позади). Я отчётливо-резко помню день и час, когда Правда впервые прозвучала открыто, публично!..

Да, ящик Пандоры открывали при мне...

Раздался тревожный сигнал: «Пи-пи-пи-пи-пи-пи...»

На трибуну вышел бледный Руководитель, выдержал мхатовскую паузу и без бумажки объявил:

— Товарищи, московское время пятнадцать часов...

В мёртвой тишине бухнуло упавшее тело, приглушённая суতোлка:

— Воды... Кто-нибудь! Во-ды!

Поволокли женщину на свежий воздух.

Меж тем оратор грозно вещал:

— В Волгограде и Куйбышеве шестнадцать.

Зал напряжённо затаился. И... как гром среди ясного неба:

— ...В Свердловске, Уфе и Челябинске семнадцать!

Сводки шипением расплзались по рядам:

— Слыш-ш-ш, «в Свердловске семнадцать», «сем-над-цать в Свердловске...» —

А с трибуны зловещим набатом неумолимого рока неслось:

— В Омске и Новосибирске восемнадцать!

По рядам пробежал неодобрительный шепоток, а сзади, среди диссидентов — наоборот с робкой надеждой:

— Ты слышал?!

— Теперь и умирать можно...

— В Кемерово девятнадцать, в Иркутске и Улан-Удэ двадцать.

Гул перерос в смешки. Свекольный лик оратора передёрнуло. Поверх роговых очков он выскивал взглядом нарушителей:

— Да, в Иркутске — двадцать.

— Быть такого не может! — не удержался кто-то с места. — Неделю как оттуда, встречался в трудовых коллективах, беседовал с товарищами.

— Я вам больше скажу, в Якутске и Чите двадцать один, — игнорируя реплику, не унимался Первый.

— «В Якутске и Чите двадцать один!» — победным эхом вторила галёрка.

— В Хабаровске и Владивостоке двадцать два, в Магадане двадцать три часа.

— «В Ма-га-дане двадцать три!!!»

— Совсем зарпортовался!.. Его самого за это в Магадан...

— Мы не верим! Покажите бумаги!!!

— Пусть покажет!!!

— Мал-ча-аааать!!! — докладчик кулаком ...бнул по трибуне так, что сомнений не осталось — раздавит.

Размозжит любого.

Но... чудо! зал вольнодумно гудел.

Первый, перекрывая шум, смертельно раненным зверем почти прорычал:

— В Петр-ропавловске-Камчатском!.. полночь!

«Полночь!» Видано ли?! Полночь... Полночь, — я, не слыша никого, словно обкуранный, сомнамбулой пробирался к выходу... невпопад кивая знакомым:

— Да и вам!.. Ничего... Спасибо, застегну...

«В Петропавловске-Камчатском полночь!..» Полночь!..

Понятно... всего не скажут. Можно себе представить, что там на самом деле...

Всё!.. Жизнь кончилась.
Тогда так казалось не только мне.

Прошли годы...

Я опять направлялся в беспокойный регион планеты, опять за правдой!

Двадцать лет тому назад между Абхазией и Грузией произошёл вооружённый конфликт. Не мышьяная там возня, не тараканы бега — настоящий, полномасштабный. Сперва шла война законов, потом разразилась кровавая битва... с тысячами раненых, убитых. После войны 1992—1993 годов, которую абхазы называют Отечественной, от Грузии отпочковалось суверенное государство «Республика Абхазия». На сегодня в мире его признали такие супердержавы, как Науру, Никарагуа, Венесуэла и Россия. А Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН Абхазия по-прежнему признаётся частью Грузии. Как? что? почему? — неизвестно.

Раз еду, не лишним будет узнать хронологию событий, подковать себя по истории региона, проштудировать литературу, покопаться в интернете...

Итак...

По данным выдающегося абхазского учёного Инал-Ипа «в 1801 году Восточная Грузия, а вслед за этим западные области страны, в том числе и Абхазия, одна за другой присоединились к Российской империи» [1]. Шалва Денисович сообщает: «В 1810 году владетель Абхазии Георгий — сын Келешбея — обратился к русскому правительству с просьбой о присоединении. Император Александр I удовлетворил пожелание абхазского правителя, 17 февраля 1810 года издав манифест о присоединении Абхазии к России. А с 1883 года Абхазия, перестав существовать как отдельная административная единица Российской империи, вошла в состав Кутаисской губернии под названием Сухумского округа». Эдак именовалась она официально до мая 1919 года.

В 1917 году в царской России, помните, произошла заварушка, дров наломали!.. (До сих пор разгрести не можем.) Империя приказала долго жить, на её месте образовались Россия Советская и советские же республики. В декабре 1921 года Республика Абхазия заключила союзный договор с Республикой Грузия, а в 1931 году Абхазия вошла в состав Грузинской ССР на правах автономии. (Характерная деталь: в 1965-м, в год издания своего научного труда, авторитетный абхазский учёный безусловно считает Абхазию частью Грузии — надо запомнить, вдруг пригодится!) Вхождение произошло тогда добровольно (заметьте, добровольно!) по решению товарища Сталина и горячей просьбе трудящихся. При Сталине в СССР любой рост цен и расстрел трудящихся проводился исключительно по их собственной просьбе. Коба терпеливо объяснял подданным: «Победа советов и установление диктатуры пролетариата являются основным условием уничтожения национального гнёта, установления национального равенства, обеспечения прав национальных меньшинств».

Ремарка:

До чего схожи биографии...

Моя родная Карелия сперва тоже стала Союзной Карело-финской республикой, затем была преобразована в автономную. Теперь власти думу думают, к какой области её прицепить: к Архангельской или Ленинградской. Управлять обезличенными территориями много проще.

Ладно Сталин... С ним всё ясно.

Но чаяния трудового народа поддержала и творческая интеллигенция, самозабвенно слагая оды, вдохновенно исторгая из лужёных глоток заздравные рулады:

Мы верной дорогой идём,
И знание — наше оружие,
И сила — народов содружье.
Мы вместе везде — на морях,
В долинах, в скалистых горах.
Так ныне живём!

Или вот «Голос Ткварчели»:

Разноязычный
Говор вокруг.
Майзель, Гриценко,
Орлов, Полищук,
Нушке, Бакрадзе...

Немец, грузин,
Сван и абхазец —
Все как один
Машут кирками,
Камень дробят.
Крепче, чем камень,
Дружба ребят.

Наш современник Вахтанг Кикабидзе подтверждает:

Жили мы одной семьёй, греки и украинцы,
Русские, испанцы, и Виктор — армянин,
И азербайджанцы, и итальянцы, курды и евреи,
Ну и я — грузин!

Народные поэты Абхазии наперегонки, без усталости слагали мадригалы, серенады, гимны в честь дружбы народов, в честь Великого Сталина, который организовал красное сапого. Самый-самый народный — Дмитрий Гулиа! Его произведения охотно изучались в колхозах, в школах. Беспредельная любовь к вождю и отцу всех народов Сталину — вот что особенно ярко окрашивает их:

Над горами снеговыми
Бродят облаков стада.
Нам твоё сияет имя,
Мы душой с тобой всегда.
Счастье, радость заблестали
Над советскою землёй.
За тебя, великий Сталин,
Жизнь готов отдать любой.

А Киазым Агумаа, в гениальной «Песне колхозников», красной нитью проводит мысль:

Не узки дороги наши,
Нам широкий путь открыт.
Мы счастливейшими стали,
Труд и родину любя.
Славься наше солнце — Сталин,
Вождь, благодарим тебя.

Ну, допустим, это «гуманитарщина»!

Однако первый из первых, светоч абхазов — Нестор Лакоба, выступая с речью на XV съезде партии тоже восторгался: «Абхазия, в прошлом угнетённая, обречённая на физическое вымирание, теперь, находясь в составе Советской Грузии, вполне свободна и культурно, и хозяйственно развивается с каждым годом» [2]. Nota bene! [3]

Не знаю, как вас, меня растрогало до слёз.
Какая идиллия!..

Так что же с братскими народами случилось потом?

Ведь, чтобы сосед стрелял в соседа, брат в брата, причины нужны веские... Для Грузии по сей день Абхазия — её неотъемлемая часть. Для абхазов, с момента самопровозглашения, кусочек черноморского побережья 170x65 км — их законное государство, исконная земля предков, не зря у земли и название такое. Кто имеет больше оснований называть эту часть побережья Чёрного моря своей? Чья, по правде, эта земля? Территориальный конфликт возник из-за того, что каждая

из противоборствующих сторон уверяла: моя! После 1985 года Абхазия официально начала проводить работу по отделению от Грузии и созданию Союзной Республики в составе СССР.

Для справки:

Площадь СССР 22,4 млн. кв. км, Абхазии — 8,6 тыс. кв. км.

Если бы каждая территория такого размера, как Абхазия, стала Союзной Республикой, то в Советском Союзе их появилось бы две тысячи шестьсот, а не пятнадцать.

Прикольно!

Союз в две тысячи
республик и в каждой
Первый секретарь и
Ленин в гипсе и граните [4]

Ремарка:

Думаю, каждый со мной согласится: писать стихи трудно...

А когда нет поэтического дара — вообще невозможно.

Поэтому стихов не пишу. Однако в потоке сознания проскакивают иногда строки ритмические. Точно знаю — это не проза. Условно, для себя обозвал их «прозатворения». Дальше — больше. Оказалось, эти «прозатворения» достаточно определённо делятся на три ручейка: серьёзные строки, несерьёзные и для детей. В первом и последнем разделах всё пристойно: запятые, точки-тире, дефисы на своих местах, стоят — не смеют шелохнуться; все правила грамматики максимально соблюдаются и охраняются. Там, говоря языком воровского мира, «красная зона» — территория, где поддерживается верховенство законов светской власти. Но каждому живому человеку, и мне в том числе, время от времени хочется слегка отступить от рамок приличия, немного покуралесить, похулиганить. И в такие часы строчки, которые ложатся на бумагу, тоже шалят. Я пытаюсь их записывать в том непотребном виде, в каком они завалились ко мне в гости: без знаков препинания-пинания... Как с самосвала натрясло; как советский сервис, в котором выключено почти всё; как речь продрогшего человека, когда зуб на зуб не попадает. Тогда не до рифмы, не до знаков... Донести бы смысл. Такие несерьёзные опусы я нарёк «Фривольным полуглаголом».

Где родился Адам?

В Дагестане, в каждом ауле, мне объясняли популярно: прародитель — их аксакал. Показывали его саклю, личные вещи... Так и в Абхазии всякий грудничок твёрдо знает: «Ковчег Ноя на Ерцаху находится». И молодцы! Любить маниакально, до готовности самопожертвования свою родину — верно. Патриотизм не должен быть подвержен инфляции, капризам моды... А вот интересно, кто появился раньше — грузины или абхазы? Читаем: грузинские и абхазские учёные солидарно, в один голос призывают в поисках ответа на этот ключевой вопрос нырнуть вслед за ними в историю, в археологию... в века.

Остерегитесь от этого опрометчивого шага!

Обычному человеку углубляться в века, закапываться вслед за историками дальше XIX века не стоит... Поверьте! Добираться до первопричины, до прародителя народов не следует, а то получится, как в анекдоте.

Учитель на уроке географии:

— Вовочка, скажи, куда мы попадём, если просверлим нашу планету насквозь.

— В сумасшедший дом!

Не вдаваясь в детали, общий смысл дискуссии сводится вот к чему: одна сторона уверяет, будто бы человек произошёл от абхазов, оппоненты едко посмеиваются, клянутся-матерятся, обещают «зарзаты», что от грузин. Я, со своей стороны, советую держаться строго научного, диалектического метода познания истины:

легко узнать национальность
по пальцу ...бнув молотком
всех выдаст трёхэтажный мат
поймём что русские мы все

Война шла с грузинами.

Я решил выяснить: а кто, вообще, такие «грузины»?

Открылась страшная тайна: никаких грузин в природе не существует! Миф!!!

Такой национальности нет вовсе, как нет и «дагестанца». Хотя грузинский язык в отличие от дагестанского всё же есть. Существует множество этнографических групп: аджарцы, гурийцы, картлийцы, кахетинцы, имерхевцы, ингилойцы, лечхумцы, месхетинцы, мохевцы, мтиулы, пшавы, рачинцы, тушинцы, ферейданцы, хевсуры, чвенебури. И три субэтнические группы: мингрелы, сваны, лазы [5]. Грузин (самоназвание — картвелеби), значит, житель Грузии. (До 1992 года абхазов в СССР и в мире тоже считали грузинами.) Так все жители Страны гор — дагестанцы, независимо от папы-мамы, даже если сами они об этом не догадываются: и аварцы, и лезгины, и чеченцы, и русские, и кумыки, и евреи...

А как думаете, легендарный трёхкратный чемпион мира по вольной борьбе из села Ачандара Гудаутского района для иностранцев кто?

в Асны известно: он из рода Царгуш
для россиян — талантливый абхаз
для мира — «RUS» как все кавказцы
чукчи и евреи — т.е. русский

Всё просто...

Фото

И ещё: какая вера в Абхазии?

Пишут разное... Вроде бы раз Кавказ, значит — ислам.

Серьёзная религия, с непривычки даже может показаться военным орденом. После Дагестана так и стучат в висках выразительные строки «Медина — Мекка» («Вихри враждебные...» пожиже будут) [6]:

Все мы, граждане, твёрдо знаем,
Что в начале седьмого века
Под весёлым зелёным знаменем
Шёл пророк из Медины в Мекку.

Львы рычали, ослы кричали,
И, осыпаны бранной пылью,
Бедуины прямыми мечами
Городские брони рубили.

И несло над войском Медины,
Разлетаясь искрами паник:
Нет Бога, кроме Единого,
И Мухаммад — Его посланник.

Шесть посланников в мире зримом,
А седьмого — земля не стоит.
Был Адам и Нух с Ибрахимом,
И Муса, и Дауд с Исою, —

Мир не видел ещё такого,
Что рождает земля Аравии.
Конь бьётся, задрал голову,
Выбивая пламя из гравия.

Так орали эти номады
На рысях, дорогой короткой
За посланником Мохаммадом,
Молодым, с подбритой бородкой.

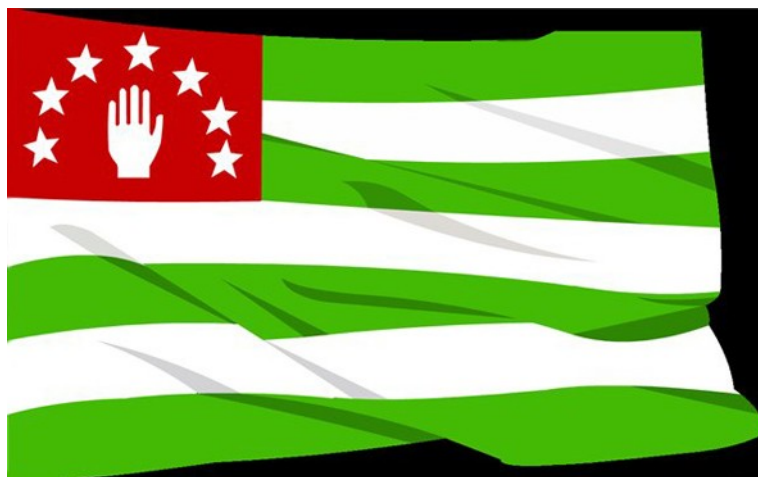
А дорога под ним гудела:
Это было дело святое,
Это было верное дело,
За которое драться стоит.

Так давайте подыдем чаши,
За фанфары седьмого века,
За счастливое время наше,
За дорогу Медина — Мекка,

За зелёный огонь ислама
От Хивы до Дженералифа,
За двенадцать святых имамов
И святых четырёх халифов,

За первейшую пядь дороги,
За начала начальный атом,
Что расстелется нам под ноги
Завоёванным халифатом.

Фото

У абхазов красивый государственный флаг.
Вот только нигде не нашёл расшифровку символов...
На форуме утверждают: на флаге Абхазии изображена рука тонущего человека. С трудом верится... Как приеду, обязательно расспрошу специалистов. Об этом и многом другом не узнаешь из противоречивых статей.

Я скрупулёзно разбирался во всём сам, лично, на месте.
Познакомился с обычаями, традициями народов, населяющих одну из жемчужин планеты — Абхазию, — и вложил свою душу в эту книгу:

Мальчишки и девчонки!
А также их родители!
Веселые истории
Послушать не хотите ли? [7]

Примечания:

- [1] Ш. Д. Инал-Ипа «Абхазы (историко-этнографические очерки), 1965 год;
- [2] Газета «Голос трудовой Абхазии», от 22 января 1924 г.
- [3] Nota bene (лат. nota bene = «заметь хорошо» [повелительное наклонение, единственное число], обрати внимание; произносится нота бэ́нэ), N.B., NB, нотабене — отметка, примечание, чтобы обратить внимание на какую-либо часть текста;
- [4] Мои «прозатворения» из раздела «Фривольным полуглаголом»;
- [5] Материал из Википедии — свободной энциклопедии;
- [6] Хмельницкий Сергей «Медина — Мекка»;
- [7] Песенка из детского тележурнала «Ералаш».

*

Начало маршрута

У меня есть королевство, правда оно маленькое, но оно обозначено на карте. Вот карта, а вот увеличительное стекло, без него не видно...

Фильм «Старая, старая сказка»

Абхазия — махонькая сказочная страна Закавказья.

Размером с бурку...

Страна до того крохотна, что её не разглядеть на карте без увеличительного стекла. Но вы не думайте, будто там всё маленькое, игрушечное. Вовсе нет. Там горы-громады, бездонные ущелья, исполинские деревья и необъятное ласковое Чёрное море...

Маршрут мой по Абхазии начался в столице Сухум. В советские годы произносилось иначе — «Сухуми», но после победы в отечественной войне местным названиям вернули исконное произношение. Так вот в Сухуме повезло: Правительство Республики снабдило меня рекомендательным письмом — выдало подорожную, как сказал бы путешественник времён Российской империи, и я приступил к бытописанию.

Как именно собирать материал определился давным-давно...

В стародавние времена, ещё при царе Генсеке, я служил на комсомольской работе в райкоме, затем в горкоме ВЛКСМ. Потому, уж извините, некоторые формы, методы столь въелись в мою суть, что без них никуда. Раньше бывало, готовясь к пленуму, конференции, мы загодя планировали докладчиков по строго утверждённой разрядке: представитель вышестоящей организации, одна колхозница, два рабочих, ветеран, военнослужащий, пионер, секретарь первичной организации и, на закуску, парочка активистов. И потому сейчас, по старой привычке, я решил придерживаться проверенных методов работы — равномерно, никого ни в чём не ущемляя, представить абхазское общество. В итоге мой джентльменский набор собеседников выглядел так: ветераны отечественной войны 1992—1993 годов, писатели, фотографы, вор в законе, священнослужители, жрецы, ясновидящая, Президент страны, военные, главы администраций, учёные, спортсмены. (Вроде никого не обделил вниманием, никого не забыл.)

А теперь внимание!

Первым делом хочу познакомить вас с Главным редактором районной газеты «Гал» Нугзаром Нуриевичем Салакая. И дело, конечно, не в газете. (Хотя спору нет, орган печати необычный — выходит на трёх языках: абхазском, русском, мингрельском.) Человек этот — уникум, каких поискать... По масштабам личности Нугзар не вмещается ни в какие рамки. Он стал моим проводником по всей-всей Абхазии! отодвинув обязанности руководителя печатного органа на задний план. Можно купить дорогие часы, но нельзя купить время. Нугзар мне своё время подарил. Именно ему, абхазскому другу, посвящаю эту книгу. Нугзар, кстати, популярно объяснил, что означают символы на государственном флаге Абхазии:

— Раскрытая белая ладонь на красном фоне — символ абхазской государственности, которая оформилась ещё во времена Абхазского царства и насчитывает двенадцать столетий. Семь пятиконечных звезд над ладонью выполняют функцию магического оберега и символизируют семь святилищ. Зелёно-белое чередование полос — образ веротерпимости народа, ислам (зелёный цвет) всегда мирно сосуществовал с христианством (белый цвет).

— По-няяя-тно.

Повезло мне с проводником!

Помню, как познакомились, он предложил зайти в кафе, тяпнуть за знакомство:

— Событьльник, в культурном смысле слова, означает единомышленник. Ты хочешь вино сухое, и я хочу вино сухое — чувствуешь, уже что-то общее. Это плацдарм. Дальше сближение пойдё-оот. Кроме того, абхазское вино — мудрое, оно само подскажет тему беседы, поможет найти нужные слова...

— Грандиозно!

— Ты не подумай, совсем непутёвых, подзаборных в Абхазии нет. Да, выпивают. Кругом такие горы, такая красота... Что делать?

Не скрою, первый номер программы меня обрадовал. Я азартно потёр ладошки: «Где вино пьют, там и наш приют». Не пить в Абхазии — некультурно. Здесь даже берёзы, символ русской целомудренности, — пьяные...

Владимир Попов, фото

Однако не успел я почувствовать себя Шуриком в увлекательной этнографической экспедиции, как беседа наша резко уклонилась в сторону от разудалых шуток-прибауток. Сперва Нугзар предложил гост за Всевышнего — выпили стоя, затем, помрачнев, он выдал:

— Александр, главная достопримечательность Абхазии — не пляжи, не горы, не солнце-море. Наша главная гордость — победа в отечественной войне. Тебе обязательно нужно в первую очередь рассказать о ней. О тех, кто подарил нам мир! Познакомлю тебя с ветеранами, с настоящими людьми, кто смотрел смерти в лицо и не отвёл взгляда...

С теми, кто сражался за Родину.

— Значит, война...

*

**колокольчик
тревожно
встрепенулся!..**

Война

Да будет кровь!

*«Да будет свет!» — Господь провозгласил.
«Да будет кровь!» — провозгласили люди.*

Дж. Г. Байрон

Василий Верещагин, рисунок: «Апофеоз войны»

Чтобы не было войны,
надо ворона убить.
Чтобы ворона убить,
надо ружья зарядить.

А как станем заряжать,
всем захочется стрелять.
А уж как стрельба пойдёт,
пуля дырочку найдёт.

Ей не жалко никого,
ей попасть бы хоть в кого:
хоть в чужого, хоть в своего,
лишь бы всех до одного.

Во и боле ничего!
во и боле никого,
кроме ворона того —
стрельнуть некому в него [1].

Примечания:

[1] Окуджава Булат Шалвович «Примета».

*

Они сражались за Родину

Джамал Шуген и Гурам Габечия

Центр реабилитации в Гаграх.

— Мы уже забываем, что не все и не сразу вызвались защищать Абхазию, первая горстка добровольцев была скромной. Это сейчас, послушать, все герои. Есть люди, получившие медальки за компанию, по благу.

— Смотрите с кем будете говорить, а то начальство таких вояк подсунет... пустышек, — седой ветеран пренебрежительно отмахнулся от меня, собираясь уходить.

— До вас встречался с Чёрным капитаном, его ведь не назовёте «пустышкой»?

— !!!

Мужики не смогли сдержать одобрительные возгласы:

— О! Да! Чёрный капитан — настоящий воин.

— Потом ещё... — я порылся в блокноте, чтобы не перевернуть фамилию, — «Вардания».

— Славик? — радостно встрепенулся Гурам Габечия.

— Да-да-да!

И взгляд Джамала сразу потеплел:

— Это мой командир. С первого дня личный мой командир.

— Хороший или так себе?

— О-оо! Очень хороший. Он за своего солдата куда хочешь пойдёт, насчёт этого молодец.

Настоящий, чистый абхазец.

Я набрал по мобильнику Вардания, передал трубку однополчанам. Последний холодок в отношениях с бойцами исчез, дальше шёл откровенный разговор.

Фото: Джамал и Гурам [1]

— Расскажите о первых минутах войны, — попросил я.

Гурам покопался в памяти:

— На свадьбе с приятелем всю ночь пили-куролесили, утром возвращались домой. Спать хочется... По трассе едем, что за чёрт!? Глазам не верю!!! Девушка в одних плавках, без лифчика...

Я сразу другу:

— Ора, у меня белая горячка.

А я-то учёный, я-то знаю уже, что нужно делать во время белой горячки, старики объясняли: рубашку сразу стащил, вывернул наизнанку, снова напялил. Пальцы вытянул вперёд — не дрожат. Странно...

И тут кореш как заорёт:

— Гурам, смотри!

Со стороны пляжа бежали полуголые люди, над ними проносились самолёты и бомбили.

Останавливаем парня с девчонкой:

— Что случилось?

— Война.

Я мингрелец, вся родня в Грузии, но себя считаю абхазом. Если снова война начнётся, пусть инвалид, снова встану в строй, заберу с собой хотя бы двух-трёх тварей Божьих.

— И на фронте не все герои. Гурам, помнишь взятие моста?

Тот кивнул.

— Вечером поставили боевую задачу, а под утро, когда всех построили, начались отказники: у кого ухо разболелось, кому мама приснилась в нехорошем сне, просила не ходить в этот бой, у третьих с сердцем плохо. В итоге на мост полторы сотни пошло, остальные включили задний ход. Тогда много ребят погибло. Моему соседу осколком полчерепа снесло, рану залепили глиной, повезли в медсанбат. О-ох...

Я не удержался:

— Нет ли у вас сожаления, что воевали, а теперь вот раненые, по госпиталям...

— Да, ребят много положили, сами инвалиды, зато сейчас, на миллион процентов, мы свободные люди. Наши старики всю жизнь мучились, им дышать не давали, а теперь на своей земле стоим.

— Мы все когда-то умрём, кто раньше, кто позже, — поддержал Джамал, — а погибнуть с оружием в руках, защищая родину, — честь высокая. Когда уйду, знаю: наш отец, Владислав Григорьевич, там меня ждёт и примет, как родного сына.

— Да, да! — хором поддержали мужики. — Вечно живой для нас.

— Владислав Ардзинба стоял до конца: «Я с вами! Я с вами! Я с вами!» Такого Президента ни у кого не было. Наш отец!

Варган Шахитян, фото: первый Президент Абхазии Владислав Ардзинба

!!! В России мне такого слышать не доводилось...

Действующему начальнику у нас поют дифирамбы, сладко-хвалебные оды, соревнуются, кто виртуозней лизнёт, но стоит вождю оставить пост — вслед летят куски дерьма: «В Кремле Л. И. Брежнев принял индийского посла за британского и имел с ним продолжительную беседу» — абхазский Президент от подобных анекдотов застрахован.

В жерновах истории перемалывался народ маленькой Абхазии.

Кто выжил — настоящие люди, сталь...

Во время войны в ходу лишь твёрдая «валюта». Каждый вынужден проявить своё истинное лицо, подлинную суть. Обычную учтивость, достаточную в мирной жизни, приходится менять на готовность к самопожертвованию. Только так можно заслужить желанную награду — товарищескую преданность. Душа становится сильной, сердце пламенным! (В минуты наивысшего напряжения заметно, как человек растёт.) Именно в поисках чистой породы, человеческих самородков я стремлюсь в регионы, которые горе накрыло чёрным крылом. Глотнуть там кислорода... чего-то стоящего.

Истинного!

Примечания:

[1] Здесь и далее: если не указана фамилия фотографа — автор я;

*

Вячеслав Вардания

- Ну, как? — поинтересовался Нугзар.
- Сильно!
- Я ещё обязательно познакомлю тебя со своими боевыми друзьями.
- Так ты что, тоже воевал? Расскажи...
- Потом как-нибудь... Сейчас едем на встречу с Вардания.

Вячеслав Вардания по специальности — скульптор-керамист. Профессия редкая, мирная... трудно найти более мирную. Мы пересеклись с ним в сутолоке Гальского рынка.

Я с уважением пожал руку:

— Скульптор — коллега Бога: из глины лепит существа, вдыхает в них душу.

Вячеслав заметно погрузнел...

— Тема больная!.. Бросил я любимое дело... права не имею заниматься искусством. Творчество — служение святое, а у меня руки в крови по локоть. Даже не прикасаюсь к глине, могу оскорбить создание.

Беседуя, мы шаг за шагом сдвинулись к обочине, в тень.

— Я с детства жил в Москве, уважение к России впиталось с молоком матери. Когда Абхазия вступила в предраспадное состояние, вернулся на родину. Здесь сразу включился в национально-освободительное движение, понимал: война неизбежна. Мы, кавказцы, раз уж завелись, не умеем мирно разойтись, как чехи и словаки. Молодой-то я горячий был... Просто ростом не вышел, а так трёхкратный чемпион Грузии по вольной борьбе.

В 1903 году по данным переписи, которую проводила Царская Россия, в Абхазии жило 2% грузин, а в 42-м году «Переселенстрой», по решению грузина Сталина, заполнил весь край. Абхазы помогали им обустроиться: несли продукты, одежду, строительные материалы... По-братски разделили очажную цепь. А через полвека они отплатили за наше добро, гостеприимство, развязав войну. Абхазский народ долго не сможет этого простить. Даже спустя двадцать лет их вернуть сюда невозможно — вырежут...

А начиналось всё незаметно...

Помню, готовился тогда к персональной выставке, все свои лучшие работы собрал, систематизировал, составил каталог... И прямо в мастерскую — пятисоткилограммовая бомба! Прямое попадание!!! Всё разнесло. Вся коллекция погибла одномоментно. Решил — знак свыше: надо самое дорогое отложить в сторону, переступить через него, взять в руки оружие и защищать Родину. Ты сейчас спросил, и на меня холодным ушатом — воспоминания. Кого тут только не было!.. В сопровождении замминистра обороны России прилетал Березовский, делал чартерные рейсы между Шеварднадзе, Ардзинба, Ельциным. На территории Абхазии я участвовал с ним в переговорах. Березовский не политик — коммерсант, бизнесмен с рождения. Он заявил: «Отдайте

мне в собственность Пицунду, сделаю, чтобы Грузия и Россия смирились с вашей независимостью. После этого весь мир будет вынужден признать вас».

Когда ельцинскую Россию растоптали, когда о Россию вытирали ноги, когда ей некогда было играть в державность, мы строжили Грузию на коротком поводке, не дали ей вступить в НАТО. Теперь, конечно, забывается. Да, вот совсем недавно случай... Хутор в местечке Аигба, в Гагринском районе прямо на границе с Россией в верховьях реки Псоу. Во время войны оползень полностью отрезал население от связи с центром. Адлеровский район не остался безучастным, спасибо! пробили к селу дорогу и всех жителей — двадцать семей — сделали гражданами России: обеспечили пенсиями, социальным пакетом. Сегодня настаивают, чтоб территориально деревня вошла в состав РФ, мол, юридически надо оформить. Депутаты Госдумы, человек сорок, приехали в парламент утрамбовывать нас: «Отдайте!».

Ну как это — «отдайте»? У абхазов должна оставаться хотя бы иллюзия самостоятельности. Негоже России, которая точно не знает своих размеров, ещё и от нашей маленькой Абхазии оттяпать огород. И обижаются: «Раз не отдаёте 180 гектаров, заберём вас целиком, с потрохами».

Такое России не к лицу...

*

Чёрный капитан

Вячеслав Вардания остановил меня жестом:

— Плохой из меня рассказчик, Александр. Я обычный командир батальона, а тебе нужен герой. Есть такой... Человечище. Мужчина. Абхазец. Заур Адлейба, позывной — «Чёрный капитан». Во время войны командовал бригадой. Мы с ним боевые друзья. Скажу ему: сутки простоять по горло в ледяной воде — будет стоять.

— Нугзар, ты слышишь, нужен Чёрный капитан, — я сделал пометку в блокноте.

— Найдём, раскулачим.

Но это оказалось не так просто. Все попытки связаться с ним не приводили ни к чему. Причём, каждый следующий собеседник, будто нарочно, рекомендовал найти именно Чёрного капитана. В один момент мне даже стало казаться, что никакого Чёрного капитана не существует вовсе... как Карлсона. Всё «выдумка»!

И повезло-таки...

Он шёл на контакт неохотно, так выходит своей тропой из оклада матёрой волчара, окольцованный красными флажками. Однако, когда познакомились, лёд растаял.

Мы много о чём переговорили по душам, но всё не для открытой печати. Приведу лишь фрагмент его монолога, самый-самый безобидный:

— В конце октября меня назначили командиром батальона «Каскад».

Прошло дней пять, поступает приказ о наступлении. С той стороны возвышенность, мы попали в мандаринники. Мандаринники — деревья густые, не видно в двух метрах. Там стрелковым оружием не сделаешь ничего — рукопашный бой. Такого боя представить не мог: ножом, прикладом, ногами, руками, зубами... Стрелять невозможно: не знаешь, где друг, где враг, должен чувствовать «свой-чужой». А против нас тоже волки... Там мы, конечно, натворили дел. Больше ста человек положили за двадцать минут. Захватили несколько раций, в том числе поисковых. Выходим на их волну, грузины в панике орут, просят помощи из Очамчыры:

— Помогите-е-е!!!

— Что с вами?

— Нас здесь порезали всех.

— Доложите толком.

— Гоните сюда бронетехнику, что есть, людей давайте!!!

— Кто порезал?

— Не знаем!.. Какой-то чёрный капитан!!!

Это сейчас я весь седой, никому ненужный... Тогда бравый: у меня густая шевелюра, борода смоль, форма капитана Советской армии.
С тех пор так и прилипло «Чёрный капитан».

*

Лаврентий Миквабия

— Во время войны меня выбрали командиром полка, но сидеть в тиши штабов с картами не довелось — с пулемётом в атаку ходил. Четыре раза контужен, ранен. Много потерь несли, гробов не было — хоронили в шифоньерах.

Побывал даже за линией фронта: вёл от имени командования переговоры с грузинским генералом Лучадзе. Прежде тот служил в генеральном штабе советских тогда ещё войск, холёный такой, чистенький, в мундире, а у меня штаны в латках... На столе водка, баранина, фрукты... от запахов в голове туман. Он оценивающе так окинул меня взглядом:

— Ты что-нибудь командное кончал?

— Нет. После училища — лейтенант, выбрали командовать полком.

Голову опустил, задумался:

— Глянь на моих полковников.

У одного интересуется:

— Сколько в подразделении человек?

— Пятьсот.

— На позиции сколько?

— Триста пятьдесят.

— А у тебя?

Молчу.

— Знаю, пятнадцать человек стоит!

Нету у меня людей, прав генерал, да только некуда нам отступать. Мы здесь родились, сражаться надо до конца. На прощанье генерал с глазу на глаз признался:

— Вы непобедимы, пацаны.

Я впервые отчётливо понял: внутренне они надломались, дрогнули, дух оказался жиже нашего. Подобная информация тогда, на первых порах, дорогого стоила. Помню взятие Кинги... Против нас стояли хохлы. Доложу вам, дрались серьёзно, не отступили, не трухнули, отстреливались до последнего патрона. Двоих взяли в плен: один лежит весь в крови, второй, когда я в траншею заскочил, бросился в ноги:

— Ты же офицер. Прошу: не трогай раненого, делайте что угодно со мной...

Обычно во время боя мы в плен не брали, но его слова повергли в шок... Да, он — враг, но враг достойный, уважаю таких. Солдат, который жалеет врага, — плохой солдат. Но ведь прежде я человек... Приказал не трогать, позже на него обменяли нашего бойца. Такие моменты не забываются, хотя ярче для памяти ни стрельба, ни смерть, ни кровь. Острее всего помню, когда впервые после долгих месяцев блокады увидел хлеб: во время боя ворвался в грузинский блиндаж, смотрю — на гвозде авоська с круглым пшеничным. Бой идёт, я, не прерывая стрельбы, умял буханку. В блокаде всего не хватало, всего в обрез! Когда кончилась солярка, «КамАЗы» ездили на трансформаторном масле, когда закончилось и оно — перешли на мазут: заливали в канистру, нагревали, пока жидкий, заводили движок, канистру ставили на глушитель, чтоб постоянно тёплый.

Сейчас выстрелов не слышно, однако мир относительный...

Ситуация предгрозовая.

Гальский район перенасыщен оружием, оно ждёт своего часа и обязательно выстрелит. Потому автомат не сложил — со мной всегда. Сильно не расслабишься, голова вращается на триста шестьдесят градусов.

P. S.

И всё же солдат, который жалеет врага, — солдат плохой!

Не зря российский детский канал теперь транслирует легендарный мультфильм «Маугли» в новой редакции (17.01.2015). Цензура удалила из произведения постыдные эпизоды, где герои-защитники выглядят неловкими, либо занимают аполитичную, преступно-выжидательную позицию: едва родившийся волчонок, заваливаясь на бок, лепечет: «Мы принимаем бой...»; Шерхан и его прихвостень-шакал посмеиваются: «А мы уйдём на север, и переждём...»

Считается: дети должны расти, в первую очередь, железными солдатами.

Детям вредно сомневаться, задумываться...

А ну, как тоже придётся уничтожать «рыжих»?!

*

Славик Квеквесири

Славик Евгеньевич — Председатель Народного собрания Очамчёрского района.

Несмотря на выходной день, согласился на встречу:

— Раньше неграмотные старики вспоминали времена «до большого снега» и «после» [1].

А нашу жизнь разделила война — перелом.

Подразделения создавали по территориальному признаку: в батальоне бойцы из одного села, все друг другу родственники — близкие, дальние. Преимущество очевидно: друг друга знают, можно положиться, как на себя. Гарантия — не бросят! Но ежели наоборот... погибает однополчанин, да ещё твой брат-сват, да по несколько человек в бою — тяжело безмерно. Доставляешь тело домой... Это обязанность моя, комиссара батальона. Его привозишь мёртвого, а сам живой. У Вовы Иванченко осталось десять душ детей, жена беременная одиннадцатым. Что ей скажешь? Простой крестьянин пришёл забирать тело своего сына:

— Сперва посмотрю, куда он ранен. Если в спину, хоронить не буду.

После таких слов уверенность в победе крепла! У нас тогда будто крылья выросли.

На первых порах тяжело было убивать... Приходилось себя мобилизовывать, убеждать: «Враг пришёл на твою землю с оружием в руках, ты не убьёшь его — он убьёт тебя, твоих близких, разорит твой дом...» Постоянно приходилось в мыслях такую самоагитацию вести. Преодолеть этот психологический барьер после мирной поры, когда даже курицу не лишил жизни, очень тяжело. А когда победа... Кульминацией для меня стало признание Россией. На моём веку будет ли что-нибудь значимей? Едва ли... Я благодарен Богу за то, что именно нам выпало отвоёвывать свободу Абхазии, и мы не подвели. Вчистую победили.

Во время войны до слуха долетал шум волн, с ума сходил: так хотелось, чтоб скорее мир, поплавать спокойно. Война кончилась, а я за двадцать лет ходил купаться один раз.

Почему так?..

Примечания:

[1] Самая снежная зима, которую помнят как «асду» («большой снег»), зафиксирована в Абхазии в 1910—1911 годах. Тогда снежный покров в Сухуме превысил 2 м, снег держался более 2-х месяцев, а морозы достигали « - 8° С».

*

Беслан Ахуба

Дальше эстафету принял заместитель главы администрации Очамчёрского района:

— Хорошо помню 14 августа 1992 года...

Я учился в Московском институте инженеров землеустройства, факультет архитектуры, проходил преддипломную практику в городе Сухуме в управлении по охране памятников культуры и архитектуры. В этом же здании на втором этаже размещался «Народный форум», много девушек... А я — из Мо-сквы-ыы... Завидный жених! Любая хотела познакомиться,

пообщаться... И с двумя самыми бойкими я порулил на набережную позавтракать, хачапурчики отведать, кофе попить. Выходим на крыльцо — подлетает машина, выносят раненого парня.

Подскакиваю:

— Что случилось?

— Война.

— Какая война?.. Двадцать первый век на дворе.

Но меня никто не слушал, девчонки заплакали, кто-то истошно закричал... Шум. Гам. Поверх всего нарастающий гул вертолётов, разрывы ракет: грузинские лётчики бомбили пляж, забитый отдыхающими. В общем, стало не до кофе. (Много позже, под самый конец войны, мы узнали: командиром ведущего «крокодила» был Майсурадзе, герой Грузии, афганец; долго мы за ним охотились...) Объявили призыв с 18 до 45 лет, хотя, кто считал себя мужчиной, не ждали особого приглашения, сами приходили к военкомату, записывались в ополчение. Издали указ: чтоб не растратить генофонд нации, работникам культуры, искусства, учёным, единственным сыновьям, студентам столичных вузов выдать бронь. Приходили, уговаривали не служить... Меня тоже. Но дорог был каждый! У нас традиция: сын рождается — стреляют в воздух от радости. Не потому, что ребёнок с краником — появился ещё один защитник отечества.

Сегодня частенько задаюсь вопросом: «Почему победили?» Сто тысяч против пяти миллионов!.. Потом понял.

Срочную службу я проходил в Советской Армии. Любил читать, но в библиотеке воинской части лишь Уставы караульной службы да ленинские труды. Однажды в городе, в увольнительной, зашёл в книжный магазин. Смотрю... Глазам не верю! На полке стоит Баграт Шинкуба: «Последний из ушедших». Книга об истории, о том, через какую трагедию прошёл наш народ, о махаджирстве в 1860 году. (В Турции сегодня около 800 тысяч абхазов живёт!) Когда увидел эту книгу в магазине Архангельска, как отца родного обнял. Конечно, сразу купил и за время срочной службы прочитал её раз двадцать, не меньше.

Наш командир батареи заметил, что с этой книгой вожусь:

— Дай почитать.

— Возьмите, но не потеряйте, она очень мне дорога.

Взял, вместо обещанной недели продержал две, однажды построил нас на развод, у самого в руках моя книга:

— Сержанту Ахуба с сегодняшнего дня разрешаю носить усы и кинжал.

С такой литературой мы не могли потерпеть поражение.

Обязаны были победить!

*

Мзия Квициния

Мы в селе Члоу у директора музея боевой славы.

Мзия сразу повела меня в святая святых — в зал главной экспозиции на второй этаж, объясняя по дороге:

— Грузины тоже любят, ценят Абхазию, но без абхазцев.

В большом зале на стенах фотографии, в стеллажах письма, на полу стрелковое оружие, осколки разорвавшихся снарядов.

Фото: Мзия Квициния

— Эта фотография у меня появилась первой, на ней тяжелораненый боец. Умирая, он прошептал: «Все твои боли, Абхазия, я возьму на себя». В кармане обнаружили письмо от жены Изольды: «Надеюсь на скорое возвращение!» Вот оно... — Мзия отвернулась.

Нугзар, заполняя паузу, подвёл меня к необычному экспонату: попарно сваренные обрезки водопроводных труб.

— Александр, посмотри на грозное оружие: заводского не было, делали сами. В России — «Катюша», а у нас «Антица».

Фото: Нугзар Салакая с «Антицей»

— Война — тяжёлое, для многих непосильное испытание... В блокаде страшный голод, что-то сажали, трактора нет — пахали на танке. Никогда не думала, что так тяжело выжить без соли. Без сахара, хлеба легче... После войны, когда первый раз увидела хлеб, не смогла ни кусочка съесть, не пошёл... Помню, стали бомбить, маленький сын просит:

— Мама, чаю дай.

Молчу. Где возьму ему чай? Взрослым тяжело, какво детям?..

В какой-то момент люди разуверились в победе... Слухи всякие нехорошие поползли... Из города поодиночке, семьями стали через горы уходить, уходить. Мои соседи тоже засобирались.... По всему чувствовалось: ещё немного — надломится дух абхазов. Только чудо могло спасти... Я молилась, — голос Мзии задрожал...

И вдруг!

Командующий Мираб Кишмария привёз сюда... в окружение! свою дочку!! годика три. Стоит рядом с ним, в белом платьишке, испуганная, куколку к груди прижимает.

Я подбежала:

— Вы зачем её сюда, такую маленькую? Здесь всё время бомбят.

— Здесь много мирного населения, их тоже бомбят, но если увидят мою девочку, поверят в нашу победу.

И правда!..

Все, как узнали про эту кроху — «залог победы» — молва пошла.

Кто дрогнул — стыдно стало. Люди уверовали в абхазских воинов, в силы свои. Старик-сосед пожитки из баула вытряхнул: «Город не бросим!» Утром ушёл на передовую. Теперь матери провожали детей на фронт одним напутствием: «Не покажите пуле спину...» Мираб Борисович недавно баллотировался на должность Президента Абхазии. Лично я голосовала за него, хотя сама в душе желала поражения. Пока у нас в Абхазии такой министр обороны, можем жить спокойно. Не бывает опоры надёжней. Вот где настоящий мужчина, настоящий рыцарь. А я не сумела во время войны защитить родину с оружием в руках, мучилась из-за этого, не находила покоя: «Что для Абхазии могу сделать лично я?» Решила создать такой музей.

Как замороженный я ходил по залу, разглядывал музейные реликвии, дневники бойцов, незамысловатую утварь времён войны, письма близких, обнаруженные в личных вещах погибших солдат... У туристов, понятно, две заботы: чтобы солнышко светило да чтоб сумку не украли, но просто никто не знает о существовании подобной экспозиции...

— Нугзар, по моему разумению, каждый гость Абхазии должен после пересечения границы в обязательном порядке пройти, как сквозь нравственный кордон, через музей в Члоу.

— Почему бы нет... Во время войны в Абхазии открыли два фронта: Восточный и Западный. В конце войны, перед битвой за освобождение Сухума, открыли Горный. Сейчас реально говорить об открытии ещё одного фронта — Информационного. Если весть о победе не сохранится в веках, жертвы напрасны.

— Цинично, но факт.

— Недостаточно победить, нужно рассказать о подвиге миру. Только тогда есть шанс, что война не повторится. Только тогда можно спокойно поставить точку. И так получилось, эта миссия — «поведать миру о нашей войне» возложена в том числе на тебя, Александр.

*

Роман Осия

Село Кутол, семья Романа Осия.

Семья — особая.

Бывают города-герои, а это — семья героев. Легендарная семья! Ещё прадед Осия в первую мировую войну воевал за Россию в Австро-Венгрии, благополучно вернулся в родное село, привёз с войны трофей. Роман вынес из дома саблю:

— У нас в Гердах родственники. Война началась, я в тот же вечер вывез семью: мать, бабушку, супругу, маленьких сестёр. Сразу на душе легче стало. На другой день утром смотрю: возвращаются пешком... Хайт!.. [1]

Мать даже не дала мне рта раскрыть, сразу накинулась:

— Убьют вас голодными. Рядом буду! хоть что-то приготовлю.

— Оставайтесь там. Вы здесь мешаете.

— Нет. Вы голодные, холодные.

Всю войну здесь прожили. От дома до линии фронта метров триста-четыреста. Ютились в подвале: там сложены поленицей снаряды, рядом кровать, лампа копит. Утром заходишь, они чёрные, как кочегары. Обстрел начинается — бегом туда. (У меня перекрытие залито бетоном: миномёт не пройдёт.) Кругом разрывы, за них думаешь: где они? как они? Мать ловила момент из дому добежать до колодца... Ребята вернутся ночью из разведки, портянки им постирает, высушит у костра, молилась за нас. Однажды накрыли стол между домом и пацхой [2] ребят накормить. Едва-едва покушали, отошли до калитки, один снаряд — в стену дома, другой в стол: дыбом поднял его, в щепки разнёс. Минутой раньше — накрыло б всех. А отца и брата не уберegli... Они ушли, как старый и новый снег. Баба [3] поймал свинец за несколько дней до конца войны. «Пятёрка» — пуля калибра 5,45 мм со смещённым центром тяжести — в ключицу попала, из поясицы вышла. Под обстрелом его вытаскивал... он три дня боролся за жизнь, умер прямо у меня на руках. Посмертно отцу присвоили звание Героя Абхазии.

Владимир Попов, фото

Поначалу у нас ничего не было. Сапог резиновых нет, а надо стоять в ледяной воде до утра: кто идёт на пост, берёт обувку. Поначалу и оружия не было: на шесть человек два автомата. Двое отстреливаются, остальные болельщики. Незадолго до войны работники милиции ходили по сёлам, изымали охотничье оружие, когда коснулось, даже дробовиков не осталось. Грузинские вертолётчики зависали прямо над нами, на высоте метров пятьдесят знали: оружия нет, и, как в тире, расстреливали. Лицо пулемётчика видел отчётливо, улыбался гадина... Бедные люди врассыпную, лишь бы спрятаться... А куда от вертолёта спрячешься? Воевать начали тем, что отнимали у них, потихоньку стали появляться трофеи, даже танки. С одеялом запрыгивали на броню, «слепили» и выкуривали экипаж — партизанская группа действовала успешно. И до вертушек руки тоже дотянулись. Раз вертолёт над нами прошёл, ракетами позицию перепыхал, только б на разворот... небось, уже расслабился, думал, отработал... Виктор Строев как даст ему в задницу «теплушкой» — тепловая ракета ПЗРК — тот в Кодор головой. Пилот Майсурадзе — герой Грузии: в первый день войны он расстреливал отдыхающих на пляже в Сухуме.

Сперва мы не могли поверить, что грузины пришли убивать всех подряд, на деле оказалось именно так. Министр обороны Грузии выступил с публичным заявлением: «Не пожалеем ста тысяч грузин, лишь бы физически уничтожить сто тысяч абхазов». Шеварднадзе назвал такого урода рыцарем. А русских грузины между собой величали не иначе как «хорче» (свинья), хотя

Ельцин, Козырев поддерживали их. Мы с болью теряли цвет нации: учителей, врачей, художников, обменивали на пленных грузин тела своих погибших воинов, с почестями хоронили. А они, наоборот, очищали общество от уголовников, им трупы подельников без надобности.

В общем, было, где себя проявить. Я случайно слышал разговор российского полковника (оказался рядом): «Всем абхазам, кто освобождал Гагры, кто шёл в первых рядах, можно смело дать «Героя Советского Союза».

Примечания:

[1] Хайт (абх.) — междометие для выражения досады;

[2] Пацкха (абх.) — хижина-плетенка;

[3] Баба (абх.) — отец, папа.

*

Леонтий Бериулава и Отар Ломиа

— Занимался радиоперехватом... Это тоже война, только «радио».

Артиллерия грузин с трёх направлений обстреливала наши позиции в Меркулах, туго приходилось, голову не поднять. Командир приказывает:

— Леонтий, придумай что-нибудь!

— Что-ooo?!

Но сам стал кумекать. Грузинский язык знаю хорошо, постоянно прослушиваю их переговоры по рации (станции у нас 142-е, 143-е, разной мощности). У грузинской радистки позывной Додо, от наводчика она передавала координаты обстрела на батарею. Предлагаю:

— А если вклиниться в их разговор?

— Действуй!

Уточняем координаты грузинских батарей, частоты, на которых общаются, и одновременно глушим их — слушать нас они могут, вмешаться, перебить нет.

Я влезаю в разговор радистки на грузинском:

— Додо, срочно прекратить обстрел. По своим бьёте!

— Уточните координаты.

— Хорошо, — даю ей цифры. — Сделай по этой цели один «цветок» (выстрел). Если удачно, сообщу.

Выстрел.

Смотрим в бинокль: разрыв прямо в центре грузинской батареи.

— Так, отлично, Додо, сестричка, давай туда весь «букет».

И полчаса, пока не разобрались, грузинские батареи обстреливали, перепыхивали позиции друг друга. Однако самый значимый эпизод другой. Нам удалось прослушать разговор на сванском языке, передавал корректировщик, разобрали отдельные слова: «Надо поднять шестьдесят сапогов», «Операция начинается...» и дата. Вычислили: передача велась с горы Лашхиндар. Наша служба обеспечила радиоперехват, а штурмовал высоту спецназ. Вот познакомьтесь, Отар Ломиа — Герой Абхазии. Отар, расскажи!

— За ночь до начала операции, предстояло совершить скрытное восхождение на гору. Стена местами отвесная, снег до полутора метров, не все смогли подняться, дошло шестьдесят человек. Я с ходу приказ: «В бой!» Сражались целый день, на волоске висело: кто кого. Закидывали друг друга гранатами, чуть до рукопашной не дошло... Мне пришлось запрыгнуть в блиндаж... Выкуривать оттуда непросто, особенно, когда по тебе работает одновременно девять стволов, там меня и ранили. А на вершине уже были подготовлены огневые позиции для артиллерии. (Грузины планировали в последний момент доставить туда на вертолётах пушки, миномёты.) Глянул в долину: с горы весь Ткуарчал с прилегающими окрестностями, как на ладони. Незавидной стала бы судьба всего Восточного фронта, если б противнику удалось осуществить свой план. Вовремя мы успели выбить их с высоты.

В мирные годы я занимался бизнесом и всю войну не снимал массивную золотую печатку и тяжёлую цепь с крестом. Мой приятель всем рассказывал: «С плоскогубцами хожу за ним следом, вдруг убьют, сразу разбогатею». Я добавлял: «А если золото достанется грузинам, скажут: не все абхазы голодранцы, может, помолятся за упокой души».

После войны золото пришлось продать по цене лома. Голод был страшный...

*

Валерий Авидзба

Директор Реабилитационного центра, Герой Абхазии – Валерий Алексеевич Авидзба

— Война застала меня в Гаграх, времени на раскачку не было...

Под руководством Отара Осия создали санитарно-медицинскую службу. Не хватало медсестёр, набирали добровольцев. Многие девушки шли на передовую со своими братьями и становились в строй. Организовали санитарный поезд (в Нижних Эшерах железнодорожная ветка), приспособили для перевозки раненых технику... Служба начала работать с первых часов, с первых минут — пятнадцать хирургических бригад. Мне тоже пришлось вспоминать забытые навыки, в прошлом я хирург-полостник. Нам очень помогли бригады из Подмосковья, из города Чкаловска. Это стреляные профессионалы, прошедшие Афганистан, Сумгаит, — прилетели на самолётах МЧС со своими анестезиологами, реаниматологами, со своим оборудованием. Я взялся провезти по фронту, показать им службу. Трасса пустая, мы на УАЗике, я за рулём. Неожиданно выныривают из-за леса две «сушки»... идут на нас... сейчас конец!.. отбомбились... мимо. Делают разворот, второй заход... Я сильнее жму на газ... Вдруг хлопок, один из истребителей застывает в воздухе и... падает! Из кабины катапультируется лётчик на парашюте. Это был первый сбитый вражеский самолёт, и мы гордились, что у нас есть своя ПВО.

Помню, попали под миномётный обстрел. Жуткая картина... Нас тогда решили сровнять с землёй. Я бежал, пригнувшись к блиндажу... взрыв! волной швырнуло... Пролетая, успел заметить флягу, висящую на гвозде, и автомат. Пришёл в себя... Темно, разговоры, смех. Где я? В голове гудит, язык еле слышится:

— Что случилось?

— Да ничего особенного, рядом с тобой мина разорвалась.

Вылезаю из блиндажа на свет божий...

Алюминиевая армейская фляга похожа на лопнувший воздушный шарик, стальной автомат скомкан, как бумажный... А у меня ни одной царапины.

Это Всевышний!

*

Вячеслав Сакания

— До войны я работал на телевидении.

Как-то раз снимали по заказу финнов документальный фильм о секрете долголетия, и в селе Лыхна почтенный старик на вопрос, как у него начинается день, разоткровенничался: «Встаю в шесть, выпиваю пятьдесят граммов чачи, сажусь на лошадь и еду в горы, там у меня скот». А времена андроповские. Кэгэбэшники сразу зашевелились, на две недели, на время разбирательства, отстранили меня от работы. В обкоме партии с укором:

— Почему не контролировал старика? Как мог советский человек заявить, что принимает по пятьдесят грамм, да ещё каждое утро?

Потом началась война...

В чём суть конфликта? Мы не хотели стать грузинами. Другого варианта выжить нам не дали. Раньше, если двое говорили на родном абхазском, наутро один исчезал. Бердяев назвал войну «великой проявительницей». Это так! Каждый проявляет себя во всей красе: попадались

«левые» пассажиры в этом вагоне под названием «война»; другие молча исполняли гражданский долг, защищали родину; иные перед камерой красовались, отвечали на любые вопросы, а как становилось жарко — в тенёк. Насмотрелся всякого... Я был военкором: писал, снимал репортажи на передовой. Кто раньше думал, что профессия журналиста может быть опасной? Однажды вертолёт, на котором летели на задание, подбили, машину тряхнуло, потекло масло... высота стала падать. Оператор взял камеру, я включил микрофон, стал вести репортаж... Русский пилот, прошедший Афган, чудом посадил подбитую вертушку на склон Кодорского ущелья, юзом по снегу нас потащило к пропасти... Казалось, всё. Скольжение сдержал огромный камень в метре от обрыва. Выбрались из машины, сами всё снимаем... Борт покорёжен, везде кровь... Командир вертолёта объявил:

— Мы на вражеской территории.

— Вы ас! Посадить подбитую машину в горах! — подпихиваю ему микрофон. — Представьте! Страна должна знать своих героев.

— Конец пресс-конференции.

Да он прав, грузины наверняка засекли, как мы спускались, с минуты на минуту будут здесь. Едва успел вытащить кассету из камеры, завернуть в ветошь, спрятать за бортовой обшивкой в салоне вертушки — слышу окрики на грузинском... Мы попали в плен, девять человек. Всё было... и пытки, и на расстрел водили. На войне как на войне. Добивались, чтобы мы, журналисты, перешли на их сторону, остались в Сухуме, вещали на абхазском. Когда в застенках становилось невыносимо трудно, пели хоралом «Песню гор» Ахроша. В ней жизнь, боль, радость, мужество народа. Для абхазов это гимн, зов предков, поднимающий боевой дух воинов, нагоняющий страх на врага... Мощная энергетика идёт от этой народной песни.

Нас обменяли в сторону Ткуарчала через восемнадцать дней.

Помню, после освобождения Гагрского района в плен попал грузин, крепыш такой.

Наш боец заключил с ним джентльменский договор:

— Давай бороться. Если победишь, клянусь, отпустим.

Схватка была жёсткой, на грани... Победил абхаз, вчистую уложил крепыша.

На прощанье он грузину бросил:

— Знаешь, я победил не потому, что лучше натренирован. Ты топчешь чужую землю, а я стою на своей священной земле, она мне силы даёт.

Есть законы природы, абхазы живут по ним. В основе всего кодекс поведения, завещанный нам нашими предками, — апуара. В самое тяжелое время у человека открывается канал для связи со Всевышним. Абхазы, защищая родину, чувствовали: Покровитель земли помогает. У нас святилища в пик бедствий между собой общаются, многие видели шары, перелетавшие с одной природной иконы на другую. Когда нас обстреливали из «Града», ребята целовали землю, просили, чтоб Боженька помиловал их. И вражескую силу как будто кто-то отодвинул, все их снаряды, бомбы, танки, самолёты... Как щит небесный простёр над нами!..

Сейчас люди чуть-чуть оттаяли, свадьбы гулять стали. Жизнь налаживается.

Дети не рождаются от страха...

А год назад на меня вышел по электронке пилот сбитого вертолёта. Это Анатолий Мельник, живёт в Краснодаре. Указом Президента Абхазии его наградили орденом «Леона».

*

Игорь Герзмава

— В природе абхазов заложено смотреть на визитёра, как на Божий дар, на высшую благодать. Абхаз выставляет на стол все припасы, обслуживает с изысканным церемониалом, готов всячески защитить достоинство гостя. А когда война началась, когда стали бомбить отдыхающих на пляже, гостей Абхазии, детей, и я не смог их защитить... что-то оборвалось во мне. Преподобнее — умерло... Проблема в чём: грузины думали, мы «живём с ними», а мы думали, что «живём вместе». Все вместе в СССР. Я, мирный человек, во время войны стал начальником тыла армии. Хотя какой там тыл? По армейским канонам тыл начинается за двести километров от

передней линии фронта, а вся наша республика меньше, у нас вообще не было никакого тыла. Поэтому воевал, как все: и в атаку ходил, и под обстрелы попадал. Мы все оказались на переднем крае обороны: дети, старики, женщины.

На боль судьба щедрее, чем на ласку. Очень ще-едрая на боль...

Когда жертв Латской трагедии [1] привезли в Гудауту, когда дверку открыли, когда увидел детскую ножку в ботиночке... Меня словно оглушило... Страшный шок! Вернула к жизни женщина-врач, отрезвила словами: «Извините, здесь есть мужики? Вытаскивайте!» Сознание включилось, начали разгружать фрагменты женских и детских тел. До сих пор у села Лата, на месте падения вертолѐта, люди боятся ходить, наступить на останки... стоны слышны по ночам.

Пальцы Герзмавы стали отбивать нервный ритм.

Фото

— Списывать на войну — не стоит. Всевышний всё видит. Он самый лучший драматург, самый гениальный писатель. Какой поворот сюжета замыслил, что тебя ждёт, знает лишь Он.

Да, людей я по-настоящему узнал на войне...

Автандил Гарский — Секретарь Совета безопасности Абхазии, командир батальона «Эвкалипт» — уникальный человек, познакомьтесь... Он увидел во сне, как у него в батальоне погибнут художник, певец и скульптор. Утром в бой их не взял, предстояло идти в атаку по минному полю. Комбат — впереди, батальон сзади, след в след. Он прошёл невредимым, а сзади шесть человек подорвались. Трое из шести — художник, певец и скульптор — они не остались в окопах, в бой пошли вместе со всеми.

Или взять Руслана Заржания, обычный педагог математики сельской школы собрал батальон из своих учеников. В боях многих потерял и как-то закрылся после войны, не простил себе, что живой, а ребят не уберѐг. Никак ему не объяснишь: у войны законы свои. Абхазы, умудрённые жизнью, говорят молодым: «Пусть ваша боль перейдёт ко мне». Здесь получилось наоборот... Он принял орден «Герой Абхазии» только через двадцать лет, после того, как всех учеников наградили посмертно. А у самого мать грузинка...

Нам сделали операцию без наркоза и не положили в восстановительную палату.

Нас природа лечит.

Если бы не природа, не традиции наших предков, мы бы все ходили чокнутые после этой мясорубки, после горя, которое вынесли. Каждый раз, когда пью родниковую воду, чувствую — заряжаюсь силой, добром, радостью.

По своей природе человек не готов согласиться «не быть» на этой земле. Мы знаем, смерть неизбежна, но с ней смириться не можем. Раньше я читал, знал, в других местах случаются войны, гибнут люди... Но их боли не чувствовал, а здесь по живому резанула своя. И всем нам казалось, нет острее, нестерпимей. Мы должны передать память о боли детям, чтобы война не повторилась больше никогда. Нужно найти слова, которые прожгут толстую кожу обывателя до самого сердца.

Александр, напишите об этом!

Примечания:

[1] 14 декабря 1992 года, в районе села Лата произошла трагедия, в которой погибли невинные заложники блокадного Ткуарчала. Был сбит вертолет Военно-воздушных сил Министерства обороны Российской Федерации МИ-8, осуществлявший гуманитарную миссию по поставке продуктов питания и медикаментов для гражданского населения блокадного г. Ткуарчал и перевозивший мирных жителей, женщин и детей в г. Гудаута. В вертолете заживо сгорели 85 человек, из которых — 36 детей и восемь беременных женщин.

*

Жужуна Салакая

Мы в легендарном Кодорском ущелье, в верхней его части.
Нас ждали. Хозяйка встретила у ворот, отогнала собак, сразу повела в дом, к столу.
Вы бы видели, какой обескураженный вид был у собак: не дали никого съесть...

Фото

Напитки за столом по желанию: кому чача, кому чай...

А ещё свежий фантастически-ароматный горный мёд с горчинкой (внизу такого не бывает) и горячий лаваш. Ещё баранина, ещё мацони — что-то среднее между кефиром и сметаной — объеденье! (Молоко кипятят, отстаивают, охлаждают до чуть больше, чем тёплое, туда закваску, часа три постоит закутанное шалью и — в холодильник). Сперва этого попробуешь, того попробуешь, потом опять этого... не знаешь, что вкусней. В меду, как в замедленном кино, ползают пчёлы... И прохлада. На миг я даже забыл, ради чего собственно приехал...

Благо хозяйка поинтересовалась:

— Вам чаю подлить?

Вопрос этот безобидный вернул на землю. Я лениво раскрыл блокнот:

— Нет, спасибо! Рассказывайте...

— Здесь раньше богатый край был, в других сёлах таким не похвастанут: каштаны росли, собирали их, сушили, зимой варили суп харчо; в реке лососи огромные, форель; в лесу дичь всякая, олени, горные козлы, кеклики, мясо-рыбу мешками раздавали; свой сад, пасека огромная.

Люди как в сказке жили... Дети никогда не болели, понятия не имели «больница». Где больница, где мы? Теперь остались одни воспоминания... Как в волшебном сне.

Когда началась война, муж был в отъезде, в России. Душа болела, как домой попадёт, границы закрыты. Хотя помидоры в банки решила закатать, ну как вернётся живой. Мы не знали войны, глупые были, неучёные. Да и кто тогда мог знать, что грузины будут выводить из домов стариков, женщин расстреливать. (Чем ближе беда, тем больше ума.) Что делать, куда податься? Да и куда стронешься? Куда знаешь?! Зимой, в горах!.. Свекруха, свёкор старые, пятеро малых детей: семь лет, восемь, девять — погодки. Мужа нет, воюет. Однажды смотрю, кто-то заходит в калитку: бородатый, худой, в военной форме. Испугалась, думаю, грузины... расстреляют нас (уже бывало в других сёлах...) Детей прижала к груди, а это муж. Оказывается, добирался домой через Чечню. Дудаев дал ему вертолёт, оружие для абхазов, помог, чем мог. Их обстреляли над Кодором, чуть не сбили, но Бог миловал, обошлось. Повидал нас: дети живые, мама живая, отец живой; развернулся, пошёл дальше воевать.

Моя сестра заголосила:

— Как смел оставить, бросить вас?!

Но что будет, если все усядутся дома? Воевать кому-то нужно.

Фото

К зиме жизнь ухудшилась...

Мало того, что лихо кругом, так ещё младшая дочь, на беду разболелась, температура поднялась. Куда с ней подамся? Некуда. Последние дни даже на дорогу не выходили, боялись. Дома припасов полно: орехи мешками, кукурузы полный амбар, солёные лососи висят на балке, мясо сушёное тушами. И вдруг под вечер, уже темно, муж прибегает с позиции, перепуганный:

— Бегом собирай детей! Уходим через горы на Восток.

Сосед-одноклассник предупредил: утром односельчане решили нашу семью расстрелять. Сейчас все гуляют на свадьбе в соседнем хуторе, человек семьдесят.

Мы на себя лёгкую одежду, в тёплой, тяжёлой разве уйдёшь, идти предстояло через перевал, через горы, через ущелья, по лесу аж на восток Абхазии. Сто раз зимнее пальто в руках подержала... куда такое тяжёлое, кофту толстую накинула и к лесу. Я уходила последняя, корова поняла — оставляем её, проводила взглядом, а на глазах слёзы-бусины... Она понимала: беда, беда, беда... Мама дорогая! Мне ещё хуже стало. Из еды свекруха взяла в дорогу по мандарину (в

горах у нас не растут, кто-то угостил). А снегу по пояс, дети малые. Как быть? Свекруха придумала впереди гнать коз, это и спасло. Если б не козы, пропали. И Бог пожалел нас — к ночи мороз смягчился. Если б такой, как день назад, поморозились насмерть. Ночью прижмёмся к козам, обнимем друг дружку, так до утра и дрожим. Наутро опять идём: впереди козы больше полсотни голов, они умные, ступают след в след, набивают наст, как камень, мы за ними не проваливались. Но мы уже усталые, замёрзшие, голодные. Свекруха и я несколько раз поскользнулись, неудачно упали на камни.

Муж остановил всех:

— Идите осторожней. Наше положение очень плохое. Честно сказать, не знаю, сможем ли дойти. Впереди ни дорог, ни жилья. Горы, пропасти, сугробы, бурелом. Ступайте аккуратней, если, не дай Бог, кто серьёзно покалечится, ногу сломает... мне самому придётся добить, ради спасения других. С раненым точно погибнем все...

Дети малые, как это услышали, все к бабушке. Вжались лицом в подол, молча плачут.

Идём, идём... ни человека, ни огонька впереди.

Страх...

Казалось, целую вечность идём.

Целую вечность идём и нет ни края ни конца пути. Так хотелось кого-нибудь встретить. А деревья огромные, местами повалены, сугробы на склонах метровые. Мы следом за козами под ветками переползаем, где на четвереньках, где лёжкой, бывает, не обойти ни сверху, ни сбоку. Гиблые места. Хорошо, муж — альпинист, известный на всю Абхазию, в лесу, в горах умел ходить, знала — не заблудится. И вот когда ноги совсем отказались двигаться, когда, думалось, придётся умереть здесь, стал накрапывать дождь, муж заметил вдали, через ложбину, огонёк.

Еле-еле поднялись, побрели...

В полночь, к исходу вторых суток вышли на восточную сторону гор к хутору Апса, невдалеке от Ткуарчала. (Это чёрте-где!..) Бредём к дому, кругом люди с факелами, кричат, плачут. Оказывается, пока мы добирались, над Кодором сбили вертолёт с женщинами и детьми. Сначала они даже подумали, мы с того вертолёта спаслись.

Лишь после войны узнали: наутро грузины окружили наш дом, а он пустой. Переругались, чуть не перестреляли друг друга (козлы перед гибелью бодаются!): «На руках были, как могли уйти? Снегом всё кругом завалено. Как случилось?»

А я сама не понимаю, как смогли уйти?

По карте потом глядела — страшно по карте глядеть.

*

Валентина Дзидзария

— ...Не могу вспоминать войну. Тяжело.

Я поднажал:

— Надо!

Женщина слегка оторопела...

Опустилась на стул, закурила, подняла на меня усталые, глубокие глаза:

— Раз надо, значит надо. Это слово и мне знакомо. С чего начинать?

— С 14 августа.

— В тот день варила яблочное повидло. Забегает дочка во двор, кричит:

— Ма-ма! Война!

— Какая война? С ума сошла?!

— Грузины на нас напали.

Включаю телевизор, а там!.. по московской программе показывают танки на подступах к Сухуму. Я — в шоке! Сижу, смотрю, не могу подняться со стула. Постепенно пришла в себя — к военкомату, по улицам люди бегут, кричат, плачут... Молодые ребята набиваются в машины, едут в Сухум на защиту, матери их провожают, многие сёстры отправляются с ними. В штабе девчонки

готовили еду, кормили бойцов. Посмотрела на всё это: «Нет, здесь мне делать нечего». Села на попутку, поехала в Эшер, там начиналось формирование отрядов ополчения. Командир отделения искал медсестру: нас пятеро желающих, я самая старшая, сорок шесть лет, девчата вполонину моложе. Мы построились, командир всех взглядом окинул и мне:

— Вас выбираю.

Вот так стала сестрой милосердия. Медицинского образования никакого, по специальности педагог — «русский язык, литература». Всем на войне тяжело, а женщине вдвойне тяжелее. Изредка отпускали на побывку домой. Муж скандалил:

— Больше не поедешь никуда! Не пушу!!!

Вырывалась, убегала на фронт, следом в спину летели проклятья:

— Тебя убьют, кто детей будет воспитывать?! Дура!..

Муж старше меня на десять лет, на фронт не пошёл, болел, да и надо кому-то с детьми... У меня внуки, младшему сынишке одиннадцать. Потом и младший пошёл в госпиталь помогать: лифт обслуживал, раненых опускал-поднимал. А я как останусь дома, брошу ребят? Скажут: «Сбежала! Струсил!» Невозможно. Один раз еле выскочила...

Возвращаюсь в отряд, ребята сразу ко мне:

— Тина, что случилось? На тебе лица нет...

— А...

— Рассказывай, давай!

— Муж надоел, сил нет. Не пускает на фронт, каждый раз вырываюсь с боем, с ором.

— Мы ему покажем.

Думала, шутят... А они как раз вечером гнали в Гудауту танк на ремонт и что выдумали: подъехали с лязгом к нашему дому на танке, навели ствол прямой наводкой на окна... Домишко у нас старый, ветхий, земля под танком дрожит, дом дрожит... обстреливать не нужно, сам вот-вот рухнет... Сынишка выбежал в испуге во двор, наводчик грозно ему кричит:

— Где твой отец?

— Папа спит.

— Его счастье, что спит... Когда проснётся, скажи, приезжали к нему разбираться.

Танкисты потом в красках расписывали, весь отряд со смеху лежал:

— Теперь, Тина, он тебя уважает.

Я не только медсестрой, в карауле стояла. Ребята с ног валились от усталости, людей не хватало, дадут мне охотничье ружьё, бутылку с зажигательной смесью и — на пост. Стою, темно... слух прошёл, через горы сваны планируют прорываться... страшно. Но хоть страшно, положенное время выдержу, дождусь смены караула, иду спать. Мы с девчатами располагались отдельно от бойцов в бывшем кирпичном магазинчике. Однажды насилу добрела, только устроились на кровати, обстрел начался — мины. Сперва одиночные разрывы — далеко, потом чаще, чаще... Ближе, ближе. Потом совсем рядом.

Толкаю в бок напарницу, медсестру:

— Ляля, что-то мне этот ночной концерт не нравится, может, уйдём отсюда, пока не поздно?

— Ай! Первый раз что ли? Спи.

— Хорошо, Ляля, будем лежать до последнего.

И тут как бабахнет, прямое попадание. Во рту, в волосах извёстка... Все наши медикаменты, всё попадало... Голову задираю: крыши нет: луна, звёзды. Красота!

Лялька истошно орёт:

— Беж-ииим!

— Ляля, вот теперь можно не спешить.

— А-аа! Тина, бежим отсюда-аа! — уже с улицы: — Чего там копошишься?!

— Очки ищу, куда я без глаз?

Мины рвутся кругом... пригибаясь, ринулись к нижнему блиндажу. Смотрим боец, молоденький совсем, лежит, уткнувшись в мёрзлую землю, причитает:

— Я к маме хочу! К маме хочу!!!

Подбежали:

— Ты ранен? — достаю из сумки перевязочный пакет.

— К маме хочу! Не могу больше здесь...

— Дида! [1] Истерика у него, Тина, не ранен он.

Я — фляжку со спиртом:

— На глотни, не плачь. Пока пуля нас не найдёт, ничего не случится.

Дрожащими руками из фляжки хлебнул, затих. Подняли его, повели к блиндажу, утром отправили в Гудауту. (Не у всех хватало духу выдержать войну.) В блиндаже ребята посадили нас к печурке, напоили горячим чаем, отогрели, освободили место для сна. А на рассвете командир батальона увидел развороченный магазинчик, решил, погибли. Идём с Лялей, они стоят с начальником штаба у развалин, головы поникшие, шапки сняты. Издали кричу им:

— Товарищ командир, мы здесь... живые!

Он шапку об землю, на глазах слёзы:

— Сегодня же чтоб духу вашего не было!!! Что вашим детям скажу?! А?! Марш с передовой! По домам!

Но куда мы от них? Людей и так не хватало. Сами сюда шли, никто насильно не тащил. А Ляля, маленькая такая, через неделю погибла: на mine подорвалась. Было ей двадцать два года. Тогда я впервые и закурила... К наступлению 16 марта готовила ребят уже одна: кому носки высушить, кому одежду постирать, кому зашить, кому обезболивающий сделать... Для меня эти люди стали родными. И тут заметила: парень уже давно стоит, пристально смотрит на меня.

— Ты чего?

— Тина, дай стакан воды.

Странно, вода питьевая рядом в ведре, стакан тут же... мог бы сам взять, но я слова не проронила, молча зачерпнула студёной ключевой воды, подаю. Он выпил и ушёл в наступление. Через два дня вернулся живой, а его брат нет. Вечером сидим у костра, посмотрел мне прямо в глаза, как тогда:

— Ты знаешь, почему попросил у тебя воды?

— Почему, Юра?

— Загадал: молча подашь воду, вернусь живой...

После боя мы частенько мечтали, сидя у костра: «Вот закончится война, счастливая жизнь наступит, такой мир будет, как в раю». А после каждого боя смотрю: одного нет, другого нет... многих нет. Не дожили они до мирных дней, а мне, выходит, повезло. Вроде как за них живу.

Владимир Попов, фото: Чёрный тюльпан

Второй раз мы наступали на Сухум, второй раз пытались выбить врага, освободить город и второй раз терпели поражение. Много раненых, убитых, много надломленных морально... В блиндажах, для поднятия духа, пели «Песнь ранения»:

Уа, райда, песня поется для мужчин,
Уа, райда, ран не боится никто из мужчин,
Уа, райда гушадза, ахи и охи — для женщин,
Уа, райда, крепись, песня утоляет боль,
Уа, райда, песня исцеляет рану.

Всегда оказывала медицинскую помощь я, теперь эта самая помощь понадобилась мне.

Отвезли в Гагры, в госпиталь... Честно говоря, думала, уж не выкарабкаюсь, так было плохо... Но врачи подлечили, за неделю подняли на ноги, спасибо им. Выдали мне назад военную форму, сменила я больничный халат на гимнастёрку, вышла на трассу. Не пришлось даже голосовать, останавливается пассажирская «Газель»:

— Если в Гудауту, садись, — пьяненький старик-водитель махнул.

— Мне, дальше, но подъеду с вами.

— Хай, амарджа! [2]

Вечер, дождик накрапывает, следующая попутка неизвестно когда. Прокуренный планом [3] салон битком набит бойцами, запах чачи так и шибанул в нос... Мне сразу освободили место на заднем сиденье, пробралась туда, переступая через спящие тела... Попробовала кемарить сидя, не идёт сон, беспокойство какое-то. Да и водитель управляет как-то неуверенно... Даже на прямых участках машина виляет, кидается из стороны в сторону. А мужикам хоть бы хны, похрапывают безмятежно. «Лишь бы водитель не задремал!»

Едва успела подумать, машина на высокой скорости стала описывать дугу...

Сейчас нырнёт под откос!..

Вытянулась, смотрю: у шофера голова опущена на руль. Хотела крикнуть, от страха голос пропал... Рванула по проходу к водителю, разбрасывая спящих мужиков...

Не успела... совсем чуть-чуть.

«Газель» как прыгнет через кювет... Подскочила! давай переворачиваться...

Старик-шофёр проснулся и на весь салон в такт кувыркам:

— Оп! Оп! Оппа!

Больше не помню ничего.

Я единственная, кто тогда сильно покалечился, наверно, потому что в момент аварии стояла. Привыкла всегда подстраховывать мужчин, а тут после больницы ослабла, на миг стала беспечнее. Сама виновата! Мне надо было рядом с водителем, контролировать, ничего бы и не случилось...

Примечания:

[1] Дида (абх.) — неперебиваемый возглас возмущения в речи женщин;

[2] Хай, амарджа (абх.) — ободряющее восклицание («подтянись!», «живей!»);

[3] План (конопля) наркотик.

*

Мираб Кишмария

Министр обороны Абхазии — легендарный Мираб Кишмария.

Генерал армии, Герой Абхазии, кандидат военных наук, прошёл Афган.

В июне 1988 года приказом министра обороны СССР старшему лейтенанту М. Б. Кишмария досрочно присвоили воинское звание капитана, Указом Президиума Верховного Совета СССР за личное мужество и героизм его наградили орденом Красной Звезды, а Указом президента Республики Афганистан Наджибуллы за успешное ведение боевых действий ещё и афганским орденом «Звезда II степени». У министра обороны Абхазии мать — грузинка. Из пяти её сыновей трое получили звание «Герой Абхазии».

И ещё много-много-много чего я узнал до встречи...

Это о нём вспоминала директор музея боевой славы Квициния Мзия, как для укрепления духа людей Мираб Кишмария привёз в блокаду собственную маленькую дочь... Это о нём сказала: «Пока у нас в Абхазии такой министр обороны, можем жить спокойно. Не бывает опоры надёжней. Настоящий мужчина, настоящий воин!»

Мираб Борисович отложил в сторону документы, стал вспоминать:

— Когда началась война, сразу махнул в родное село Мыку. Там на сходе люди избрали меня командиром ополчения. В селе Араду приняли первый бой, их погибло 48 человек, я потерял двоих. А вообще, много было потерь... слишком много. Я хорошо знал экипаж вертолёта, сбитого с детьми и женщинами в Латской трагедии. Мы с этим звеном вместе прошли Афган. Но потери оправданы — выстояли. Невозможно победить народ, воюющий на своей земле, за свободу, за отчий дом!

— Вы не укрыли дочку в Москве, в Америке, привезли в окружение...

Словно не слыша вопроса, министр продолжал:

— Сегодня подготовлены лучше. В случае мобилизации, поднятия резерва у нас в армии будут танковые экипажи, где командир танка — отец, а механик, наводчик — его сыновья. Есть целые роты резервистов, состоящие из кровных родственников. Вы думаете, во время реального боя эта рота дрогнет или отдаст противнику рубеж? Вот и весь наш секрет. Разницы нет, кто какой национальности... У нас в Абхазии многие семьи смешанные: отец абхаз, мать грузинка... но мало кто поглядывает туда. И я туда не смотрю, потому, что своего брата Гочу получил без сердца. В 2008-м он служил начальником поста, попал в плен... У брата сердце вырезали, сварили, заставили пленных абхазов есть. Они и рассказали потом...

Остатки волос поднялись у меня дыбом!

— Мне туда нет дороги, хотя мать мингрелка.

— И всё-таки, что сказала жена, когда повезли дочку на фронт?

Мираб Борисович недовольно нахмурился:

— ..? Ну, что могла?.. Погибших много, вижу, дрогнули... пошёл отток населения, каждый рвётся попасть в Гудауту, выскочить из блокады. Бойцы духом падают... некоторые... Счёт идёт на дни, часы!.. Надо что-то делать. А что?! Самому взять в руки автомат? Но я и так, хоть командующий фронта, не сижу в бункере за сотни километров, стрелки мерцающие не передвигаю. У нас другая война. Каждый день на переднем крае, хотя полководцу не положено, важнее — грамотно руководить. Нужно было придумать особое... Поехал в Сочи, взял дочку, ей три годика исполнилось. Привёз... (как раз шло совещание командиров фронта), заново её в штаб, посадил на стол:

— Вот моя дочь. Вот я здесь...

Люди задумались, отток населения прекратился, все взялись за оружие. Никого больше агитировать не пришлось. Если б так не сделал, не знаю, как удержали оборону. Надо выбирать, что важнее, и рисковать всем, дочкой тоже. Она маленькая, три года, не понимала ничего, при штабе и спала, её таскали, как куклу... Сейчас замужем, у самой растут двое пацанов, настоящие джигиты. И растут они уже в свободной стране.

Абхазы любят хвастаться: мы победили!

Что такое «мы»? Никогда нельзя забывать о нашем главном союзнике — России. Говорю так не потому, что у меня бабушка русская. Надо быть благодарными, благородными. Если честно, без поддержки России победы не одержали бы... Как командующий Восточного фронта знаю это точно, заявляю публично.

Сейчас многие хаот Ельцина, хаот, не зная всего. Открыто помогать не мог, но спасибо, волю давал подчинённым. Не он, нам бы всё перекрыли, все щели... Откуда тогда вооружения, боеприпасы? «Северный Кавказ!.. Братья через горы пришли на помощь!» Я одёргиваю, не «Северный Кавказ», Россия. Хер бы прошли, если б дали команду «не пускать». В 2008 году мы тоже провели операцию совместно. Когда б не Шаманов, Макаров, Генштаб... не было б никакой независимости. Историю нашим детям надо знать, нельзя подгибать правду под своё понимание. Тогда больше шансов, что война не повторится.

Это так!

Прав Мираб Кишмария.

Писатель-фронтовик Великой Отечественной Виктор Астафьев предостерегал: «Чем больше наврёшь про войну прошлую, тем ближе сделаешь войну грядущую».

В младшем школьном возрасте я искренне верил, советский народ победил благодаря четырём отважным польским танкистам и собаке Шарику. С годами достоверной информации едва прибавилось... Это сейчас ясно: без учёта секретного пакта «Сталина-Гитлера» ВОВ понять невозможно. (Пакт явился для меня полным откровением, и объяснял многое...)

*

Нугзар Салакая

Трудно вызывать на откровенный разговор ветеранов.

Многие отнекивались категорически.

В Ткуарчале Нугзар пошёл договариваться с Вахтангом Васурия и снова отказ...

— Нугзар, отдувайся сам! — поставил ультиматум я. — Ты, кстати, сам-то чем занимался во время войны?

— Оружие в руках подержать не довелось, меня отправляли в разведку, хотя не знаю, где легче. Был в плену...

— А чё молчишь?

— Война застала в родном городе Ткуарчал, туда же отступали наши войска. Город Очамчыра к тому времени уже захватили, на фасадах административных зданий, на крышах домов развесили грузинские флаги. Что нам делать? Как противостоять такому мощному противнику? Некоторые предлагали сдать город без боя. Потом ребята собрались в ополчение, выбрали командира, он мне и предложил:

— Пробрерись в Очамчыру, разузнай, что там? как? сколько их? техника какая? И главное, постарайся выведать планы.

Было понятно одно: сил не хватает, надо как-то обмануть противника, заставить поверить в обратное, иначе добьют, не дав опомниться. И меня осенило:

— Нужна дезинформация! Давайте распространим листовки пожестче: «На помощь идут братья-чечены...»

— ...«Всем грузинам смерть!» — закончил он. — Интересно, давай попробуем.

Переодели парня в бурку, папаху с красной партизанской ленточкой, сделали фотографию. А он и без папачи смахивал на чеченца. Напечатали листовки, под утро с ними я и пошёл в Очамчыру. Заглянул в гости к одному надёжному человеку, к другому, третьему, переговорил-расспросил, информацию получил, оставил по нескольку листовок. Сам — на рынок. Там грузины-торгаши как прочитали: «Чечены идут!» Паника!.. толпа хлынула, сотни людей, меня подхватило... бегу, и вдруг двое солдат выдёргивают из толпы:

— Стой!

Скрутили, повели... У меня один сапог наполовину отрезан, пиджак из коровника взят, вонь за версту, борода лопатой. А глава оккупационной администрации Очамчыры родом из моего города: как бы я ни вырядился — узнает в любом маскараде. Осторожно нащупываю в кармане дихлофос — как раз на такой случай. Лучше самому всё закончить, чем пытки вынести. (Уже знали: на допросах они руки, ноги выламывают...) Приводят меня прямо в штаб, офицеры как увидели, давай хохотать. Осмотрелся — незнакомые все, значит, пока живу, и давай подыгрывать грузинам, тоже стал хохотать... под дурачка. Гавнокомандующий грузинскими войсками Джаба Иоселиани (не Джаба он — жаба!), встал из-за стола да как рявкнет солдатам:

— Я же приказал абхаза поймать, вы какое-то чучело взяли.

Все:

— Гы-гы-гы! Ха-ха-ха!

Полковник подходит ко мне:

— Откуда?

— Абаска.

— Как фамилия?

— Седоги.

— Как зовут?

— Мамед.

— Ха-ха-ха!!! — слёзы утирает.

Рядом с Очамчырой турки живут, я знал одного по фамилии Седоги.

— За что приехал в Очамчыре?

— Сигарет купить.

Все опять:

— Гы-гы-гы!

Тогда полковник набрал полные лёгкие воздуха да как гаркнет:

— Кругом!

Я на месте крутанулся, под зад кованым сапогом как пнёт... полетел, головой дверь вышиб, выкатился на улицу. Задница огнём горела три дня, но зато из плена выбрался живым-невредимым. Мало кому это удавалось.

А ещё устраивали диверсии... На шахте полно динамита, решили сделать большой «бум!!!» Загрузили в товарняк, установили взрыватель, человек двадцать облепили вагон, налегли, покряхтели... сдвинули вагон с места. Шаг за шагом стали ускоряться... Эх! чуть бы разогнать, железнодорожный путь под уклон до самого города Очамчыра, занятого врагом. И тут я вспомнил абхазскую песню «О нашей партии». Запел торжественно, громко... Все запереглядывались, подумали, может, после плена у меня с головой того...

В стране у нас много народов!
Взрастила их, счастье дала им,
Вложила в сердца дружелюбие,
Стоять друг за друга велела,
Дала им бескрайнюю землю
И жить их на ней научила
Партия наша, друзья!
Чтоб люди до неба взлетали...

Только тут до всех дошло! как подхватят хором:

Чтоб люди до неба взлета-ааали!!!

Потом очевидцы рассказывали: вагон до станции не дошёл, до окраины, но взрыв был такой силы — в Грузии все обделались. В общем, страху напустили.

У нас был девиз — «Один к двадцати»: одному абхазу противостояли двадцать грузин. Мы не имели права ужалить один раз, как пчела, и сразу погибнуть. Один абхаз должен был уничтожить двадцать вражин. Земля, которую ты не пропитал собственной кровью, ещё не Родина. Мы, пятеро друзей, поклялись: после войны приедем в Сухум, съедим по шепотке земли. Из пяти трое погибли, клятву мы исполнили вдвоём с другом.

— Нугзар, ну, ты даёшь!.. — я с нескрываемым восхищением разглядывал своего проводника.

— А про Вахтанга Васурия я сам расскажу, что знаю. Ты не суди его строго, Александр, что отказался беседовать. Второй инфаркт у него был недавно, после войны здоровье — ни чёрту. Они тогда попали в плен с молодым парнишкой. Им, в отличие от меня, не повезло. У парня осколком перебило руку, ранагноилась, разлагалась, открылась кость. Их по разным камерам развели и первым начали пытаться парня. Мальчик иногда не выдерживал, кричал «Не бейте!.. Я ранен!» Тогда Вахтанг барабанил, пинал в дверь камеры и кричал главному:

— Что ж ты, сука, к мальчишке привязался? Если не боишься, иди ко мне!.. Ухацазар ухыс! [1]

Он доводил матерщиной тюремщиков до бешенства, те бросали парнишку, забегали в камеру к Вахтангу, начинали пинать... В эту минуту пацан мог отдышаться. Затем палачи возвращались, снова пытали, допрашивали... тюрьму вновь разрезал детский крик о помощи, и снова Вахтанг бесился в камере, бился в дверь, вызывая огонь на себя... Так повторялось вновь и вновь. Через неделю нам удалось обменять их на пятерых грузин. Я сам забирал из плена... Мальчишка первым делом бросился на шею к Вахтангу, своему спасителю, обнял здоровой рукой и плакал... Вахтанг, изуродованный, гладил его по голове, успокаивал:

— Если бы с тобой что сделали, один я не вернулся. Мы бы не расстались с тобой.

Так они шли до машины, поддерживая друг друга, слившись в одну бесформенную несломленную фигуру.

Примечания:

[1] Ухацазар ухыс! (абх.) «Если ты мужчина — стреляй!»

*

Победа

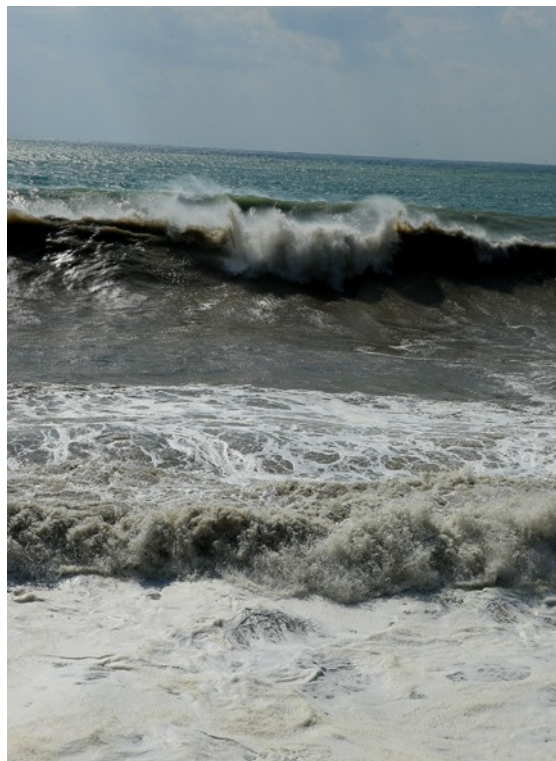
*Сильнее тебя может
влести тебя в свой забор.*

Абхазская пословица

Апсны —
не «ап-чхи!»
форпост из скал
и пацхи

удар волны
распался в пену
кулак войны
разбился в кровь

Владимир Попов, фото

*

Когда пушки молчат

*Никогда не знаешь, в какое время живёшь:
всё ещё послевоенное или уже предвоенное.*

Роже Пейрефит

Душу мою оголили, наизнанку вывернули, истерзали...

— Нугзар, всё! Баста!!! С твоими «весёлыми историями»... не могу больше.

Кончай про войну! — взбунтовался я, — Две недели на курорте, а в море ни разу не искупнулся. Прямо, как Ленин: жене говорит, что идёт к любовнице, любовнице — что к жене, а сам в библиотеку и работать, работать. Расскажи лучше что-нибудь лирическое или, к примеру, про любовь. Песню абхазскую спой, стих продекламируй, Нугзар!

— Про любовь не знаю. У меня все стихи героико-патриотические...

— !.. Ну, что с тобой будешь делать... Валяй патриотическое!..

Улетел мой ясный сокол
басурмана воевать,
а на мне ночует свёкор,
чтоб не смела б...ядовать [1].

— Сильно.

Война.

Так вроде просто и так жутко.

Но что такое мир?

Мир — полоска света между грозowymi тучами.

Как образуется роса? Процесс идёт тихо, незаметно. Повышается влажность воздуха, растёт, растёт до точки росы... Бам! И уже другое состояние вещества, переход количества в качество. Не пар — вода. Война тоже начинается не с залпа орудий и не заканчивается с последним выстрелом. Задолго до начала артподготовки или налёта авиации идёт война умов, война законов, желаний... Ещё не прозвучал первый выстрел, а над миром уже нависает чёрной тучей беда. Не вдруг выходит из берегов река...

Эх! «Помути, Бог, народ, да покорми воевод!»

Как мир привёл Абхазию к войне?

«Мир до войны...»

Примечания:

[1] Игорь Губерман;

*

Мир до войны...

Абхазия превыше всего

*Deutschland, Deutschland uber alles,
Uber alles in der Welt!
Von die Maas bis an das Memel,
Von der Etsch bis an das Belt!*

Гофман фон Фаллерлебен
«Патриотический гимн немцев»

Германия, Германия превыше всего,
Превыше всего на свете.
От Мааса до Мемеля,
От Этча до Бельта!

Фраза-символ нацистской идеологии Третьего рейха стала всемирно известной с момента прихода Адольфа Гитлера к власти.

Для всякого народа любовь к Отчизне, зачастую безответная, не подвиг — норма. И вера, объединяющая граждан разных конфессий. Смешно, если б немцы пеклись о судьбе Эфиопии, России, Америки больше своей собственной, кровной... Абсурд! И когда гитлеровскую Германию проклинают, ставят в вину не сентиментальность граждан по отношению к Fatherland... вовсе нет. Беда в другом: любовь к черепичным крышам, пивнущкам и костёлам у них гармонично уживалась с захватом чужих земель. Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел!

А что есть сила? Буквально «вчера», по историческим меркам, Сталин с ухмылкой интересовался, сколько дивизий у Папы римского. Сегодня нет ни Советского Союза с ракетами, ни самого Кобы, а церковь жива. За последний век нравы в мире поменялись. С агрессией считаются, но умиляет она уже далеко не всех. То, что раньше являлось предметом обожания-подрожания, сейчас осуждают.

Произошли резкие метаморфозы...

светоч истории древней
завоеватель Македонский Саня
наши бы дни закончил
на плахе Гаагского трибунала

Изменения коснулись не только отношения мира к агрессии, аннексии чужих земель, но повысилась чувствительность народов к обидам в собственном крае. Что можно и должно сносить от Центра, от соседей, а против чего возражать, восставать... Махатма Ганди об этом сказала так: «Я не желаю, чтобы мой дом был обнесён со всех сторон стеной и чтобы мои окна были наглухо заколочены: хочу, чтобы культура всех стран свободно проникала в мой дом. Но я не желаю, чтобы меня сбили с ног...»

Кончается рабство на свете,
холопство кончается.
Кончается так,
что земля под ногами качается.
И хочется столько от этого
выпрямить, выправить,
и хочется так
из души это рабское вытравить,
издревле холопское,
робкое и раболепное,
покорно твердящее
лживое слово хвалебное.
А кто-то надеется,
кто-то серьезно надеется,

что снятое с шеи
обратно на шею наденется.
А кто-то упрямо надеется —
все перемелется,
на круги свои возвратится
и не переменится.
Но в тесной коробочке
маятник тихо качается.
О к рабству привыкший! —
мне жаль его —
как он отчаётся,
когда он увидит,
что почва и вправду качается,
когда он поймет,
что действительно это кончается [1].

Да, холопство действительно кончается...
Кончается избранность!

Сама история учит, заметьте! как только где-то заведут пластинку о себе, как о единственном богоизбранном народе, тут же! находится антипод-половинка: Инь — Янь, Сунь — Вынь... Сразу какой-нибудь диктатор провозглашает свою расу высшей и начинает растапливать, раскопечгаривать крематорий. Встречаются две исключительности, два минуса... и складываются в крест. Общий добротный осиновый крест на единой братской могиле тех и других.

Ф-ффу!

Какое-то время народы планеты могут не вздрагивать по ночам.

Другая крайность: всех взять да и спрессовать в одинаковые блоки.
Как сырьё «Вторчермета» для последующей переплавки.

«Гусь свинье не товарищ, а брат!» — провозгласили коммунисты и принялись смешивать, обезличивать народы. Интернациональный подход исключал возможность самоидентификации, наличие отчества, фамилии... Зачёркивалась история рода, страны, всё предлагалось начать с чистого листа, как детдомовским. Личности «Я» переплавлялись в безликое усреднённое «Мы». С этим мирились не все...

Нугзар, ультранационалист, с теплом вспоминает Советский Союз.

Парадокс!

Если бы сохранился в силе СССР, не бывать Абхазии самостоятельной.

И Нугзары с этим мириться не желали.

Право наций на самоопределение.

Одни считают это право высшим благом, главным завоеванием человечества, другие — рабочим инструментом развала государства. Даллес с помощью этой затравки помышлял обострить национальные противоречия, рассорить народы СССР, разос...ать их между собой вдребезги, исподволь подтолкнуть всех к самостийности, разрушив таким способом Советский Союз и победив без единого выстрела.

Вышло как по писаному!

Теперь всё: «В зубах не удержал, в губах не удержишь».

Хотя «прокатило» не везде.

В Карелии гнобили язык, меняли карельские фамилии на русские, ссылали в лагеря местное население за то, что они карелы, но никаких тебе возмущений, тем паче бунтов. (Я уж не говорю про вооружённое сопротивление!) Оставшаяся часть карельского народа подкидывала в адскую топку дровишки, чтоб огонь под котлом земляков не слабел...

Я сам по младости-глупости подкидывал.

В чём причина?

Ответ нашёл у Фазиля Искандера в «Стоянке человека»: «Однажды один бывший работник КГБ простодушно рассказал мне, что в послевоенные времена ему в недрах его учреждения попала некая статистическая диаграмма, что ли, где демонстрировались сравнительные данные вербовки населения по национальному признаку. Из его рассказа совершенно отчетливо прослеживалось угасание силы сопротивления по мере угасания

патриархальности народа». А в Карелии, как и на большей части СССР царил тогда и нынче матриархат. Вот вам и смиренные овцы, готовые на заклятие... Кроме того у русского народа есть одна ахиллесова пята, пятнышко родимое... Артемий Петрович Вольтер (в 1719—1724 астраханский губернатор) подметил: «Нам, русским, не надобен хлеб: мы друг друга едим и с того сыты бываем». Оставалось чуть плечиком подтолкнуть.

Синдром обиженных нацменьшинств ситуацию обострил донельзя!..

Существует притча про зайца и московский военный округ.

Идут в этом самом округе широкомасштабные учения: грохочут пушки, взрываются ракеты, трассирующие пули прошивают каждую пядь земли. В это время лежит под кустом заяц и свято верит, что вся заваруха устроена специально по его душу.

Абхазы тоже всерьёз считают: у Грузии других забот не было, сделать бы им похуже.

Не так.

По всему Союзу проводилась единая национальная политика.

И с XIX века Грузия командовала Абхазией не сама по себе, как обиженно указывают местные историки. Совсем нет! Просто российский генерал-губернатор (отнюдь не грузин по метрике) назывался «кутаисский» и был выше по должности, чем его подчинённый — начальник Сухумского отдела (в 1867 году должность начальника Сухумского отдела занимал русский офицер ген.-м. Толстой). Сам генерал-губернатор подчинялся Кавказскому Наместнику великому князю Михаилу Николаевичу, тот Александру II. В этой управленческой цепочке не предусмотрено никаких привилегий никому из туземцев. Народы покорившиеся, «пошедшие на сотрудничество с администрацией», приблизили, назначили «смотрящими», над теми, кто сопротивлялся. Со всякими смутьянами поступали по праву победителя. В Абхазии в качестве расправы с мятежными строптивыми горцами избрали махаджирство [2].

Да, любое государство стремится сохранить целостность, но это лишь одна сторона медали — «Хочу!» Боже упаси забывать про вторую — «Могу». Там, где народам остро некомфортно, где аборигены национально оскорблены, уязвлены, путь к самостоятельности не удастся преградить ни конституцией страны, ни мировым законодательством [3].

Как вызревала сладостная мечта о государственности в Абхазии?

Примечания:

[1] Левитанский Юрий Давыдович;

[2] С момента вхождения в состав Российской империи в Абхазии регулярно вспыхивали антиправительственные восстания. В июле 1866 после подавления очередного крупного вооружённого выступления «было приступлено к мере, ещё никогда не практиковавшейся на Кавказе, именно к общему обезоружению жителей Абхазии..., после чего, административным порядком», до 20 000 абхазцев выслали в Турцию (махаджирство). Всего было выселено свыше 100 тыс.» Ш. Д. Инал-Ипа «Абхазы (историко-этнографические очерки)»;

[3] Джордж Бернард Шоу: «Здоровая нация не ощущает своей национальности, как здоровый человек не ощущает, что у него есть кости. Но если вы подорвёте её национальное достоинство, нация не будет думать ни о чём другом, кроме того, чтобы восстановить его. Она не станет слушать никаких реформаторов, никаких философов, никаких проповедников, пока не будут удовлетворены требования националистов. Она не будет заниматься никакими делами, сколь неотложными бы они ни были, кроме воссоединения и освобождения».

*

**колокольчик
настойчиво
затрещивил!..**

Сладкое слово «свобода»

Ну, её к чёрту, эту проклятую свободу! Какой в ней прок? Что с ней делать? Вот мне холодно, Тиль, а в неё не завернёшься, как в овечий тулуп, в эту твою проклятую свободу. Я хочу жрать, а её не поджаришь на вертеле. С ней не ляжешь в постель, как с женой. Она — ничто. Это пустой звук. Её вообще нету. Её никто никогда не видел.

Фильм «Легенда о Тиле»

- Нугзар, объясни, как эта война назревала. Что послужило первой искрой?
- Первой искрой?.. Язык.
- Язык?
- Да, абхазский язык. Приведу маленький пример...

Я был тогда главным редактором Очамчёрской газеты и членом бюро райкома партии. Когда наш ансамбль долгожителей стал популярным, композитор Константин Ченгелия предложил дать коллективу имя «Эрцаху» — по названию святой горы Абхазии. Красивое, достойное имя. Мы предложение поддержали, дальше решение должны были утвердить в абхазском обкоме партии, потом в ЦК КП Грузии. Только после соблюдения всей процедуры ансамбль могли зарегистрировать официально.

Внезапно нас — всех членов бюро райкома — вызывают в обком. Заходим гуськом, идёт совещание, Первый секретарь прерывается и резко:

- Кто предложил название ансамбля?

Константин Ченгелия вышел вперёд.

- Объясните, почему именно так, может, есть другие варианты?

— Других вариантов нет. Эрцаху — священная гора Абхазии. И так же свято, уважительно мы относимся к абыркам — почтенным старцам. Самому молодому участнику семьдесят восемь лет, старейшему — сто три года. Пусть название ансамбля «Эрцаху» символизирует уважение горцев к мудрости, седидам.

- Но как название будет звучать в официальных документах?

— А почему нельзя сохранить слово в родном, первоизданном виде? Зачем менять фонетику имён личных? Чем грузинское произношение лучше абхазского?

Только тут до меня дошёл истинный замысел Ченгелия...

Он прочитал заранее: по решению ЦК КП Грузии все абхазские названия в официальных документах шли в грузинской транскрипции, для этого к абхазскому названию обязательно прибавлялась в конце буква «и». Не «Сухум», как изначально, а «Сухуми», не «Гал» — «Гали»; если название «Эрцаху» произнести на официальный грузинский манер, выходила матерщина. Получался уже русский, слишком русский язык... В заседании объявили перерыв, нас отправили домой. Потом два месяца сотрудники КГБ с каждым беседовали поодиночке, называли всё диверсией, запугивали, упрашивали, но изменить ничего не смогли — ЦК КП Грузии вынужден был утвердить название в абхазском варианте. (Ансамбль «Эрцаху» с успехом выступает по сегодняшний день.)

Я любил родной язык и в 1976 году поступил на филологический факультет Абхазского государственного университета. И тут огромное событие — вышел труд учёного этнографа Шалвы Денисовича Инал-ипа «Абхазы» (Историко-этнографические очерки). Автор проследил из глубины веков династию абхазских царей, убедительно доказав: Абхазия самая древняя цивилизация на Кавказе, бесспорно, старше Грузии. Книга объединила вокруг себя всю абхазскую интеллигенцию, послужила искрой в разжигании национального движения, раскрыла глаза на собственную историю, культуру, стала откровением и вызвала неугасающее чувство гордости за своих предков, желание соответствовать им. Когда текст получил широкую популярность, всполошились грузинские ультра: «Кто допустил?» Давно подмечено: «Книга, не встречающая сопротивления, не имеет ценности» [1]. Была дана команда: «Фас!» Комсомольцы изымали тираж

с полок книготоргов и сжигали в больших кострах у арочного моста на берегу реки Сухум. Я оформил заказ на книгу в читальном зале университета, библиотекарьша побледнела:

— Такого издания нет.

ЦК КП спешно выпустило разгромное постановление, начались разбирательства, гонения... Людей прорабатывали на бюро, исключали из партии, закрывали десятками. Шалва Денисовича из университета уволили. Для партийного руководства книга превратилась в кошмар. В «Adolf Hitler Mein Kampf»! А для таких, как я — в абхазскую Библию. Моё самосознание пробудилось, до меня дошло: я — абхаз. Книга стала моей настольной, я понял, что делать дальше: поехал в Грузию, скупал её в КаГИЗах [2] — до них запрет дойти не успел — привозил в Абхазию, тайком раздавал, и много ещё чего... Примкнул к национальному движению, став подпольщиком-организатором. За это с первого курса исключили, дали срок. Прокурор прыгал на моём лице, каблуком выбивал по очереди зубы — туфли у него зелёного цвета, как сейчас помню, — бил и приговаривал:

— Ты сгниёшь на нарах, обещаю!

— Его можно понять, — съязвил я. — «Во времена всеобщей лжи говорить правду — экстремизм», Джордж Оруэлл.

— Выходит так... Этапировали меня в Кутаисскую тюрьму и в каждом пересыльном пункте добавляли срок. Всего хватило... Но я не жалею. Мы боролись за право называться абхазами. За Абхазию с абхазским лицом! Если себя не уважаешь, тебя никто уважать не будет. Не будешь ценить корни, традиции, язык — никто не будет ценить. Никто из-за твоего языка не станет убиваться, раз ты им брезгуешь. С этим орлиным клёкотом появился на свет, на нём пела колыбельные мать, на нём питаешься, на нём живёшь и вдруг променял на иной, благозвучный щебет — добровольно перерезал духовную пуповину. Да, чужой язык надо уважать, но любить-то свой.

— Так недалеко и до нацизма...

— Эта болезнь нам не страшна! Видимо, сами горы predeterminedелили: ни один кавказский народ не станет считать себя высшей расой. Исключено. Помогло не стать нацистами и то, что рядом с абхазами плечом к плечу сражались русские, чечены, кабардинцы, казаки, грузины... Сражались и погибали не за деньги — за свободу, справедливость. А такая война не имеет национальности.

— В восьмидесятые годы стремление абхазов к самосильности стало массовым. К движению сопротивления примыкали новые и новые сторонники из числа молодёжи, подключались люди зрелого возраста. У всех на устах крутилось одно слово «статус». Даже древние старики, кто мало разбирался в политике, одобрительно кивали нам вслед. И жила со мной по соседству ветхозаветная старушка, ноги-руки едва слушались, однако заботило её не собственное здоровье... Каждый раз при случае, когда навещали родственники, соседи, она непременно задавала один и тот же вопрос:

— Сынок, когда смогу увидеть статус?

Она не понимала доподлинно, что такое «национальный статус»? Мессия это, по образу подобию человека, или манна с неба... Но свято верила: нет ничего ни важнее, ни ценнее, ни слаще. И когда она наконец его получит, всё-всё-всё изменится к лучшему. Ведь не зря только об этом все и талдычат, лишь этого и желают.

Я, как мог, подбадривал:

— Бабушка, потерпи совсем немного, скоро ты получишь статус.

— Вы знаете, дорогие мои дети, я стол накрою тому, кто принесёт мне статус, насадку не пожалею, самое лучшее вино поставлю.

С деньгами у нас в редакции тогда тоже было плохо. На задании, когда встречаешься с людьми, берёшь интервью, деньги не нужны: корреспондента и накормят сытно, и напоят пьяно. А вот опохмелиться нечем... И в очередное хмурое утро, когда после вчерашнего самым естественным, логичным было просто сдохнуть, а в кармане ни рубля, я вспомнил про заветную мечту соседки и обещанный стол.

Я — к ней, уточнить:

— Бабушка, что сделаешь тому, кто принесёт тебе статус?

— Сынок, тому не пожалею ничего! Это моё последнее, самое сокровенное желание. Последнюю курицу — на стол, кувшин вина из погреба.

— Тогда будь готова к обеду, принесу тебе статус.

Сам радостный назад в редакцию и — коллеге журналисту, с кем пили вчера:

— Русик, у тебя, как понимаю, тоже ни копейки?

— Сдурел?.. Откуда?! Сейчас бы не мучились так...

— Тогда слушай: мы должны с тобой, во чтобы то ни стало, раздобыть национальный статус и отнести одному замечательному человеку.

С трудом подбирая слова, преодолевая страшную сухость в горле, шум в голове, я поведал свой план.

— Русик, главное до обеда продержаться... будет опохмелка. Но как быть со статусом?

— Знаю! — голь на выдумки богата, — нужно взять шоколадную медаль в золотистой фольге, завернуть в десять бумажных листов, потом в платок, сверху в целлофан.

Всё сделали, несём к старушке, сами трясёмся от хохота. За пару шагов до цели надели на лица гримасы торжественности, заходим, чеканя шаг:

— Бабуля, бабуля, мы принесли статус!

— Точно?

— Точно, — смотрите.

Нарочито медленно я стал разворачивать шуршащий целлофан, затем один лист, другой, третий... Куча скомканных белых листов на столе росла. Ещё один лист... Свёрток постепенно таял у меня в руках, уменьшаясь. И вот когда остался последний лист, я украдкой отогнул уголок и показал золотой краешек — солнечный лучик празднично заиграл бликами фольги:

— Дальше нельзя открывать! Сила пропадёт! — я вновь тщательно укутал шоколадку.

— Закрывай! Закрывай! Вдруг сглазят, — согласно запричитала старушка.

Обомлев, полностью потеряв дар речи, она переводила восхищённый взгляд с заветного свёртка, в котором миг назад блеснул фетиш, на наши торжественные лица...

— Сынки, спасибо! Садитесь за стол!

До позднего вечера мы с Русиком гулеванили у гостеприимной старушеницы, поднимая по очереди бокалы за Всевышнего, за Абхазию, за щедрость хозяйки, за её здоровье.

Вино текло рекой...

До войны она не дожила.

Не пришлось ей вкусить и сладость долгожданной победы. Но из жизни она ушла успокоенной, со святой верой, что Абхазия свой статус обрела.

А недавно дочка её (не помню, с чего зашёл разговор), смущаясь, рассказала про странность матери: после смерти она обнаружила в наволочке слипшийся кусочек шоколада в золотистой фольге. Я что-то промямлил в ответ и, сославшись на дела, тут же ушёл. За много лет впервые... пожалуй с самого детства... я не смог наедине с собой сдержать слёз.

Примечания:

[1] Чезаре Ломброзо;

[2] КаГИЗ — книготорговое государственное издательство.

Три гвоздя

*По ниточке, по ниточке
Ходить я не желаю
Отныне я, отныне я
Отныне я — живая.*

Алиханов Сергей «Ожившая кукла»

Закан Алексеевич Агрба из села Бзыпга.

Целый вечер мы провели с ним в душеполезной беседе, перебирая под красное вино пожелтевшие газетные заметки, фотографии, воссоздавая эпизод за эпизодом становление «незалежности» Абхазии.

Первый гвоздь

— В 1957 году в Тбилиси проходил международный танцевальный фестиваль, но сперва по районам устраивали смотры художественной самодеятельности.

Владимир Попов, фото

Наградой — выступление на столичной сцене. Наш репертуар приехала оценить комиссия, мы дали концерт. После выступления нас, малышей, подняли на руки, под аплодисменты носили по залу. А за три дня до отъезда в Тбилиси я увидел в вестибюле Дома культуры своего друга, грузина, он плакал.

— Тебя кто обидел?

— Не подходи... — ещё сильнее ревет.

— Что случилось?

— Не подходи ко мне!

- Кто тебя набил?
- Из-за тебя...
- Из-за меня?! Что я сделал плохого?
- Тебя в Тбилиси не берут.
- По-чему-уу?..
- Ты абхаз!

Мне, ученику, было не до пятого пункта, мне не понятно это, но гвоздь, вбитый в сердце... боль ноющая так и осталась.

Второй гвоздь

Нам запретили разговаривать на абхазском, нельзя было соблюдать обычаи дедов, петь-танцевать для души... В своём хозяйстве приходилось работать в лунную ночь. И много ещё чего «нельзя», ущемление чувствовалось во всём. Нашу абхазскую школу закрыли — открыли грузинскую. Десять дней я прилежно слушал учительницу Гоги Башвили, она ни в зуб ногой по-абхазски, я ни слова по-грузински. Не смог тянуть программу, сбежал из школы... Меня перевели на два класса младше.

Разве мог не горевать? Это — второй гвоздь. Ладно.

Третий гвоздь

Закончил школу, пошёл на работу в автоколонну. А разговоры в гараже про одно: язык крутится вокруг больного зуба. Не только у меня на сердце раны, у всех. И боль, раздражение накапливались. Километров в пятидесяти от Гагры есть древнее абхазское село Куджбояшта, я возил туда рабочих. Однажды Салваш, мой напарник, открыл мне глаза:

- Закан, ты грамотный?
- Да, десять классов окончил без троек, летом на филфак буду поступать.
- А ты проверял, как заполняют путевые листы?

Достаю лист:

- Пробег, часы — правильно, так и есть, — дальше не смотрю.
- Название села...

Читаю — не верю глазам, вместо древнего названия Куджбояшта в путёвках написано «Куджбая», на мингрельский лад! Оказывается, я месяц работаю там. Вторую путёвку поднял, третью, пятую — везде «Куджбая». Пошёл в бухгалтерию, проверил все бланки — везде «Куджбая». И главбуху:

- Слушайте, где мы работаем?
- Как где? В гараже.
- А это что такое? — тычу ей под нос путевой лист.

Мастер сразу взъерошился:

- Закан, что тебя не устраивает?
- Зачем искажаете правду?
- Никто её не искажает.
- Как так?
- Вот, смотри сам.

Даёт мне карту, там чёрным по зелёному — «Куджбая».

Мы, водители, собрались, подняли такой буч, мало никому не показалось. Все путёвки я тогда порвал, хотя это уже лишнее, это молодость...

Третий гвоздь в сердце оказался последним.

Я больше не желал терпеть боль и думал, как отомстить.

1964 год, меня приглашают в библиотеку... Почему? Зачем? Непонятно. Ну да, несколько раз, будучи школьником, заходил туда, может, книги забыл вернуть? Заведующая библиотеки, женщина боевая, увидела меня и сразу повела в подсобку:

— Пойдём, тебя ждут.

Думаю, кто? Сидит директор абхазской школы Тихибия. Я знал его внешне, понаслышке, говорили, пламенный патриот, но меня-то он откуда знает?.. Зачем ему понадобился?

Тихибия поздоровался и с ухмылкой спросил:

— Помнишь, когда тебя не взяли на фестиваль, ты сильно кипятился и в адрес грузин слал проклятья?

— Сколько лет минуло... с чего вдруг вспомнили?

— Давно за тобой приглядываю, нравишься ты мне, парень. Настоящий абхаз! Мне такие ребята нужны.

— ?

— Удивлён?

— А что я могу?!

— Один не можешь ничего. Один и я не могу, никто не может, но если объединимся... Загадаю тебе сейчас загадку: допустим, ты едешь из Сочи на отдых в Абхазию, проезжаешь реку Псоу, что видишь в первую очередь?

— Людей вижу, дома...

— Ты переехал границу, куда попал?

— В Абхазию.

— А видишь ли ты что-нибудь абхазское?

До меня никак не доходит, куда клонит, напрямик не говорит.

— Вот там стоит большой-большой бюст.

— Ну, да, Леселидзе.

— Кто он такой?

— Генерал, Герой Советского Союза.

— А ты знаешь, как раньше называлось это село?

— Конечно, Гечрипш.

— Эх, молодёжь! А причём тут генерал Леселидзе?

Ошарашенный, смотрю на него и чувствую, как одна мысль за другой, цепляясь, пробиваются к свету: «А ведь он прав! Какого рожна делает памятник грузинскому полководцу на абхазской земле? Разве у нас мало своих героев?» Тихибия продолжает:

— Ты знаешь, Гагры скоро переименуют в город Руставели?

Я вскочил, как ошпаренный:

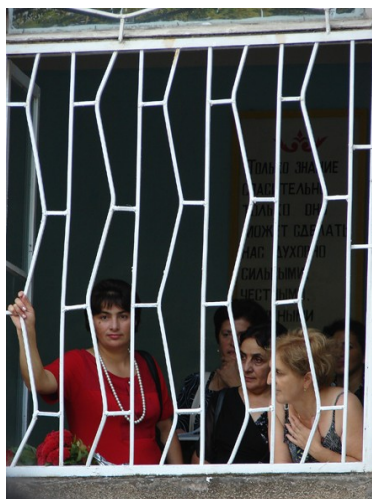
— Почему?..

— Есть проспект Руставели — от Колхиды до старой Гагры, кинотеатр «Руставели», школа имени Руставели, совхоз «Руставели», памятник Руставели, бюст Руставели — на одной трассе, на отрезке в девять километров. До тебя дошло?

— Дойти-то дошло, но что могу?..

— Пойми, когда наши школы закрывают, нас зажимают, отодвигают в тень — это не случайность, целенаправленная политика грузинизации. Думайте! Надо народ поднимать, письмами ничего не изменим. С такой покорностью нас скоро всех загонят в резервации и тюрьмы.

Нугзар Салакая, фото

На том и расстались. Он не дал мне никакого поручения, ничего толком не объяснил, но разжѐг в душе тлеющие угли; он не выдернул гвозди из моего сердца — расшатал, разбередил раны, лишил покоя: «А, может, накинуть на шею генерала трос, подцепить к бортовой ГАЗ-51 и свалить. Хватит ли только у «газона» сил? Да и несподручно одному».

Ночью стучусь к родственнику. Тот спросонья, продирая глаза:

— Ты в своём уме, орра-а! Два часа!

— Халваш, выручай, важное дело.

— Какое дело?

— Одевайся, по дороге объясню.

Он разулыбался... У абхазов, когда хотят жениться, юлят. Раз не говорю прямо, всё понятно, свататься задумал. Какое ещё может быть дело у молодого неженатого парня ночью.

— Если так, я с тобой! Молодец!!!

— Садись в машину.

Проезжаем Гагры, едем в сторону Псоу. Халваш по дороге выпытывает: красивая ли? где живѐт? родители? Его можно понять — не терпится. А я от разговора ухожу, думаю, как сказать. Не доезжая до места, сворачиваю на обочину и спрашиваю прямо в лоб:

— Любишь Абхазию?

— Ты чѐ, пьяный?

— Признавайся честно, любишь-нет?

— Чего задумал?

— Хочу свалить памятник грузинскому генералу.

— ...Ненормальный?

— Хватит! Скажи лучше, тросом дѐрнуть, потянет машина?

— Знаешь, что за это бывает?

— За рулѐм я. Ты сразу уходи, ты не видел ничего.

— Поехали.

Дождливая ночь, редкие машины...

— Помоги мне зацепить трос, дальше сам.

— Трос не пойдѐт — канат.

Сделали петлю, накинули генералу на шею, конец зачекировали к фаркопу.

— Жми!

Запрыгнули в кабину, я — по газам, машина как рванѐт, за спиной треск, не останавливаясь, махнули по трассе, под мост, и по старой дороге — на берег моря. Выходим из кабины, на фаркопе обрывок каната.

— А если бы накинули трос, сами себя поймали.

Он срезал ножом обрывки каната, забросил в кусты. Огляделись, прислушались:

— Вроде, тихо.

— Вперѐд!

С утра Халваш повѐз на самосвале щебень к Псоу, возвращается, смеѐтся:

— Наш генерал в галстукѐ. Теперь никому ни слова!

Через неделю на улице я случайно столкнулся с Тихибия, загадочно так улыбнулся... «Чего это он? Ведь не знает». Минуту три года, директор школы пришѐл ко мне прямо домой, принѐс двухлитровую банку краски, резиновые перчатки, щѐтку:

— Возьми с собой кого понадежней, ночью замажьте от Шапшаловки в Гаграх до Псоу все надписи на грузинском языке.

Я опять к Халвашу:

— Нам поручение! Смотри, на полке краска, не опрокинь!

За одну ночь покрасили с ним все иероглифы, вернулись под утро. Не мы одни старались — все грузинские названия замазали по всему району.

Первый секретарь ЦК КП Грузии дубасил кулаком по столу:

— Кто посмел на грузинский язык поднять руку? Стереть в порошок! В тюрьмах сгноить!

Комиссия прилетела, КГБ закрутилось... Нашли краску. На третий день узнаѐм: посадили пицундских пацанов, они занимались тем же у себя. И тут народ проснулся, волнение пошло... На площадь сразу вывалило несколько сот человек, а со всех сторон новые прибывали, прибывали... лозунги стали скандировать:

— Освободите ребят!

А в комиссии одни грузины, никто никого выпускать не собирается. День, второй идёт жёсткий допрос. Девочка-абхазка, секретарь начальника милиции, прибегает встревоженная:

— Там парень собирается всех выдать.

Начальник милиции, полковник, заскакивает туда, в присутствии комиссии хватая пацана за ворот, как тряхнёт:

— Это он молчит?! Да я тебя!.. — затрещину вмазал, а сам на ухо по-абхазски: «Смотри, не продай своих!»

И ушёл. Тем временем мы пустили гонцов по всей Абхазии. Собралось несколько десятков тысяч... Кто на чём добирался: на поездах, автобусах, машинах, пешком... Потребовали встречи с представителем ЦК КПСС. Шёл 67-й год. Добились своего, ребят выпустили. Это была наша первая победа. Раньше в Гагрском районе газета выходила на грузинском и русском, тут добились разрешения выпускать ещё на абхазском языке. Это тоже победа! Я тогда уже работал директором школы, имел филологическое образование и, так случилось, первым главным редактором назначили меня. Наше сопротивление с годами нарастало, как половодье. В 1989 году АНОД — абхазское национально-освободительное движение — переросло в «Народный фронт», затем в «Народный форум».

Сейчас всё нормально, река вернулась в своё русло...

Государственный флаг Абхазии поднят.

Николай Обаничев, фото

Глаза у Закана восторженно светились.

Он искренне уверовал: завоевания демократии в Абхазии — навсегда!

Хотя Поэт не сильно обольщался на сей счёт:

Можем всех шоколадкою сладкою
Одурочить в одно мгновение,
А потом по мордам лопаткою,
Ежли будет на то решение.
Отольётся вам не водичкою
Эта ваша бравада статная,
Нам достаточно чиркнуть спичкою

И пойдёт карусель обратная.
И пойдёт у нас ваша братия
Кто колоннами, кто палатами,
Будет вам тогда демократия,
Будут вам «Огоньки» со «Взглядами».
А пока резвитесь, играйтесь,
Пойте песенки на концерте мне.
Но старайтесь, не старайтесь,
Наше время придёт, уж поверьте мне.
Время точно под горку катится,
Наш денёк за той горкой светится.
Как закажется — так заплатится,
Как аукнется — так ответится [1].

Всё непросто...

Герой фильма «Исаев» считал: «Хуже всего принять за правду полуправду. Когда выяснится, уже таких дел наворотил».

Власть неохотно выпускает Правду на волю.хлопот с ней!..

К примеру сказать, руководство Северной Кореи, по итогам чемпионата мира по футболу, объявило своим невыездным слепоглухонемым гражданам, будто бы именно их команда заняла первое место. И бюджетных затрат «0», и население ликует! (Жутко представить: буквально недавно мы сами были такими...)

Примечания:

[1] Андрей Макаревич «Монолог господина, пожелавшего остаться неизвестным».

*

Рыба-лоцман

*Я из повиновения вышел —
За флажки, — жажда жизни сильнее!
Только сзади я с радостью слышал
Удивлённые крики людей.*

**Владимир Высоцкий,
«Охота на волков»**

Заур Хварцкия не был оригинален.

Он, как прочие, отказывался встречаться, беседовать... но тоже безуспешно.

— Национально-освободительное движение — главная система координат Абхазии, главная веха. «Советские люди» — особый, сформировавшийся за несколько десятилетий тип человека, и среди них диссиденты, враги общественного строя. Сколько существовали диссиденты, столько они вещали: «Советский Союз вот-вот рухнет!» А СССР ещё после их смерти десятки лет здравствовал и процветал. Потом политическая система действительно ушла в небытие, и противники строя, которые до этого дожили, на каждом углу твердили: «Ну, вот видите, я же говорил...» На самом деле никто предположить краха СССР не мог. Мечтать — да, предвидеть — нет. Лукавство...

Мой младший брат Мушни иной.

В 1985 году в Союзе объявили «перестройку», стали появляться первые ростки чего-то нового, непонятного, волнующего. С Прибалтики началось, конфликты, омон-шмамон... Помню репортаж по телевизору: столь непривычные для советского гражданина митинги, какое-то возмущение, лозунги... Брат тогда сказал:

— Всё определяет большинство, это и есть «демократия». Она обойдёт весь Советский Союз и явится к нам. Если будем сидеть сложа руки, нашу судьбу решат за нас, без всякой стрельбы, без всякой войны.

Что он несёт?! Чутьё какая... Кто за нас может решить нашу судьбу, если мы не захотим?!

Никто. Бред!

— Как это «решат»?

— А вот так: простым поднятием руки. Демократия, демократия...

Я реально, кожей почувствовал опасность. От его слов исходила мощная энергетика.

Он мог одним-двумя словами такое сказануть... земля рухнет — и верили ему. Я буду объяснять на цифрах, фактах, горячиться, за грудки трясти — мне никто не поверит, слушать не будут. По данным Станислава Лакобы в 1939 году среди репрессированных 80% абхазы — грузины нас методично уничтожали. Я моментально представил, как будет выглядеть голосование теперь. Сознание обожгло: «Так вот она какая, демократия!» Вопрос-то лежит на поверхности.

— И что нам делать?

— Как что? Гнать!

— Э, братуха, ты чё? Это же война.

— А ты как хотел?

— Подожди, слушай, причём здесь... неужели нельзя договориться? — И я достаю главный козырь: — А Советский Союз? Кто тебе даст воевать?

— Ты что, ничего не понял? Когда Она придёт сюда, Советского Союза не бу-уудет.

Мой младший брат спятил с ума.

— Как может не быть Советского Союза?! Думай, что несёшь. Весь мир нас боится, трясётся от страха, такая махина, с ракетами, самолётами, танками...

Сегодня, задним числом, рассуждать легко, а тогда... Тогда про демократию слышал всякое, но на вкус не пробовал. Ляпнул бы такое академик из Москвы, я ещё подумал... Но и то не поверил, диссидентствующих речей в горах наслушался вдоволь. А тут родной брат... Младший! Вышел из того же улья, из тех же ворот, откуда и я.

— Кто ты такой об этом судить? Ора, не может быть, чтоб исчез.

Сам чувствую, мои аргументы напоминают чеховское «Письмо учёному соседу»: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда!»

— Увидишь.

— Хорошо, как ты собираешься воевать? Сто тысяч против пяти миллионов?!
— Ты абхазов не знаешь!
— Это не ответ.
Другого я тогда от него не услышал.

Заур рассказывал, а я ловил себя на мысли, что уже раньше читал об этом [1].

— Ясновидцев, прорицателей полно везде...

Одна беда: они не реагируют адекватно на свои же прогнозы. Это всё равно, как заявить: «Скоро с моря придёт цунами, нам осталось жить десять часов». Сообщить и преспокойно пойти домой, завалиться спать. Где логика? Если про цунами знаешь точно, беги в горы, спасайся сам, спасай родных. Мой брат, как сказал о грядущих изменениях, сразу стал готовиться к войне: он уехал в Питер, закупал в частном порядке оружие, через ребят переправлял в Абхазию. По масштабам армии — смехотворно. Но это оружие ополченцам ой, как пригодилось в первые часы. Последнюю ходку брат сделал за месяц до начала войны: два мешка из-под сахара, битком набитые автоматами, винтовками, сам привёз на поезде... в плацкартном вагоне. Мушни и нас всех призывал готовиться к схватке, убеждал: война нужна абхазам, не грузинам, те могут любые вопросы решить мирным путём. Однако, о небо! грузины из всей колоды вытянули именно нашу карту, из высоченной стопки ночных горшков стали вытаскивать нижний...

Да, война выгодна лишь абхазам, только она давала шанс добиться независимости. Был момент, я даже боялся, что войны не будет... избавиться от грузин для меня — самоцель. Молодёжь улавливает это быстро, а моему поколению вдальбивать тяжело: «Мы жили мирно, проклятые грузины напали, убили Васю». Я вскипаю, когда слышу такое. Твой сын защищал нашу страну. Гордись! Только ценой гибели сына, ценой моей ноги, моего глаза ты можешь сам жить и его внуков растить в собственной! свободной! стране. Моя нога, которую потерял, мой глаз, который выбило осколком, жизнь любого абхаза — стоят меньше, весят меньше, значат меньше!!! чем жизнь, судьба всего нашего народа. Ещё сохраняются у нас остатки советско-обкомовского мышления...

— Заур, правильно ли я тебя понял: веди себя Грузия умнее, Абхазия не стала бы отделяться?

— Интересно, ну-ка ещё разок... — Заур слегка растерялся.

— Если бы Грузия поумнее...

— ...Я прошёл романтический возраст. До двенадцати лет мне казалось, мои папа с мамой самые красивые в мире, такое же отношение было и к республике, но потом человек растёт, кругозор расширяется, взгляды меняются. Прекрасно понимаю: мой народ ничем не лучше любого другого.

— Например, грузинского?

— Да. Абсолютно. Коли б грузинская власть вела себя мудро... Не для нас — для себя! После развала СССР прислали бы уважаемого посла, покаялись: «Да, случались перегибы, нарушения, но всё они, проклятые большевички!» Подкупом, лаской, лестью... Используя партийную прослойку, которую они методично взращивали, при поддержке прихвостней-абхазов, тайными операциями спецслужб. С ужасом об этом думаю! В такой сладкой оболочке пилюлю бы мы проглотили, растаяли в их жарких объятьях. Это был страшный капкан для Абхазии. Абхаз испытывает эйфорию, когда слышит название своей родины... Да, при любом мирном варианте нас бы оприходовали, и через двадцать лет все поголовно балакали на грузинском, незаметно растворяясь в народе, по численности в десятки раз превышающем наш. Я бы не почувствовал опасность... И таких, как я, большинство.

— «Настоящих буйных мало, вот и нету вожаков!» [2]

— Да, таких буйных, как мой младший брат, не было. Сперва даже Россия выступила против нашей государственности, поэтому мы на братание с Грузией пошли бы. Как дальше — неясно. Но шанс этот Грузия упустила...

— Заур, смотрю, ты знаешь ответы на все вопросы, скажи, как сделать, чтобы остальные племена вслед за вами не захотели нарушить существующий миропорядок, перекроить политическую карту, отгородить свой дачный участок государственной границей? Чтоб ни у кого не возникало желания повторить подвиг твоего младшего брата? Например, у вас в Абхазии... продолжая дробить её дальше на части, по нациям, по родам, по фамилиям, по отдельным пацхам...

— Мечта горбуна: он хочет, чтобы все были горбунами. Для нас это страшная головная боль — Абхазии тоже может грозить распад на микрочастицы... Дурень, который на каждом углу за Апсны рвёт ворот рубахи, при этом опаснее всего. В Абхазии есть микрорайоны с компактным проживанием «не абхазов»: и там абхазский русский, абхазский грузин, абхазский армянин должны чувствовать себя хозяевами. Если я эту задачу не решу, проблема возникнет у меня. В то же время Абхазия для нас — единственная родина, не вторая. Мы не можем, если что-то не по нраву, собрать манатки, укатить домой — они могут. Устройство государства должно учитывать эту особенность. Нельзя допустить, чтобы судьбу Абхазии решали люди, у которых голова повернута в сторону Афин, Тбилиси, Москвы, Еревана. Они нажимают!.. Абхазские греки за Абхазию воевать не стали: «Разбирайтесь сами!» И уехали... Я, кривой, хромой, израненный им гарантирую: они сюда не вернуться. — Заур изобразил смачную дулю. — Пусть полюбятся: кукиш им. Понюхайте! Не хотите?! И дети богатых, которые живут за границей, на воздухе висят. Ушёл — уходи. Абхазия принадлежит тем, кто её защищал. Точка.

Я считаю себя представителем Русского мира. Не этноса — мира. О том, что в Америке протекает река Амазонка, узнал из русского языка, и ещё много чего интересного, полезного. Рассуждая прагматично, честно: никто никого не любит. Моему народу выгодней укрепление России, значит, и я желаю этого всем сердцем. Меня не пугает «русский сапог на Кавказе». Будучи крохотным народишком, абхазы защищали на Кавказе интересы России. Мы делали это не специально, попутно. Акулу всегда окружают много разных нахлебников, однако самые преданные комменсалы [3] — рыба-прилипала и рыба-лоцман. Акула глотает всё подряд, но своих «подружек» не трогает. Они нужны друг другу, симбиоз по-учёному.

Абхазия функцию рыбы-лоцмана выполняет исправно.

Примечания:

[1] Бердяев Николай Александрович, российский философ: «Почти чудовищно, как люди могли дойти до такого состояния сознания, что в мнении и воле большинства увидели источник и критерий правды и истины! ... Свобода есть право на неравенство».

[2] Владимир Высоцкий;

[3] Комменсализм — способ совместного существования (симбиоза) двух разных видов живых организмов, при котором один из партнёров этой системы (комменсал) возлагает на другого (хозяина) регуляцию своих отношений с внешней средой.

*

Да здравствуют гэзы!

*Пословицы друг другу противоречат,
в этом и состоит народная мудрость.*

Станислав Ежи Лец

31 июля 1992 года Грузия стала 179-ым государством-участником ООН. Более тридцати государств мира за короткий срок признали её независимой республикой, однако Абхазия упорно хотела быть самостоятельной. До начала войны оставалось 14 дней. Думаю, большинство народностей не отказались бы от собственного государства, некоторым вообще подавай свой глобус... В математике существуют понятия «плюс бесконечность», «минус бесконечность». Так и страны могут не только объединяться, но и распадаться до абсурда...

сообразим на троих государство:
ты президент а он военный
с соседями чтоб сразу драться
я полицей следить за вами

Едва ли, чем государство меньше, тем счастливее...
Но всё это лирика.
А как смотрит на самостийность мир?

Международное право «За» самоопределение народов

Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций» (Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года):

«...В силу принципа равноправия и самоопределения народов, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций, все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять своё экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава.

Каждое государство обязано содействовать с помощью совместных и индивидуальных действий осуществлению принципа равноправия и самоопределения народов в соответствии с положениями Устава...»

«...Создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являются формами осуществления этим народом права на самоопределение.

Каждое государство обязано воздерживаться от каких-либо насильственных действий, лишаящих народы, о которых говорится выше, в изложении настоящего принципа, их права на самоопределение, свободу и независимость. В своих мерах против таких насильственных действий и в оказании им сопротивления эти народы, в порядке осуществления своего права на самоопределение, вправе добиваться поддержки и получать её в соответствии с целями и принципами Устава».

Международный пакт о гражданских и политических правах» (Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года):

«Часть I Статья 1

1. Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают своё экономическое, социальное и культурное развитие.

3. Все участвующие в настоящем Пакте Государства, в том числе те, которые несут ответственность за управление самоуправляющимися и неподлежными территориями, должны, в соответствии с положениями Устава Организации Объединенных Наций, поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право».

— Нугзар, я как чувствовал!.. Правда на вашей стороне.

Международное право «За» принцип территориальной целостности государства

Недопустимость того, чтобы национальное самоопределение приводило к сепаратизму, к разрушению национального единства и территориальной целостности страны подчеркивается в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г. В ней говорится: «...Всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, не совместима с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций...».

Это же положение нашло свое отражение в Венской декларации и Программе действий, принятых Всемирной конференцией по правам человека 25 июня 1993 г. В этом документе после положений, подтверждающих право всех народов на самоопределение и, соответственно, их право предпринимать любые законные действия в соответствии с Уставом ООН для его осуществления, говорится: «Согласно Декларации о принципах международного права..., вышесказанное не должно истолковываться как разрешение или поощрение любых действий, нарушающих или подрывающих, полностью или частично, территориальную целостность или политическое единство суверенных и независимых государств, которые соблюдают принцип равноправия и самоопределения народов и в силу этого имеют правительства, представляющие интересы всего народа на их территории без каких-либо различий».

— Нугзар, на вас «бочку катят»!

Абхазы настаивают, чтобы, по аналогии с программой Word, нажатием клавиш CTRL+Z (отмена действия) можно было вернуть состояние общества в период до русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Именно в результате войны стал завязываться узел абхазо-грузинских противоречий, именно тогда произошло насильственное выселение («махаджирство») абхазов в Турцию, и опустевшую территорию Абхазии заполнили крестьяне из Западной Грузии. По-человечески абхазов понимаю. Я бы тоже непременно воспользовался такими волшебными клавишами для своих целей. Но Создатель ни мне, ни им такой возможности не дал.

И всё же: чья правда веселее?
Грузии или Абхазии?!

Международное право однозначных оценок не даёт. Как быть?
Абхазия победила, вчистую!.. значит, её и правда.
Да здравствуют гёзы! [1]
С ними Бог.

Фото

Примечания:

[1] Народ Нидерландов, истерзанный жестокими королевскими указами, налогами, обвинениями в ереси, пытками и казнями, начал освободительную войну против испанского владычества. Себя они называли «гёзы». (Шарль де Костер и его роман «Легенда об Уленшпигеле».

*

...Мир после войны

Открытый путь

*Если арба дрова не привезёт,
сама на дрова пойдёт.*

Абхазская поговорка

Ты шёл, как бык, на красный свет,
Ты был герой, сомнений нет.
Никто не мог тебя с пути свернуть.
Но если все открыть пути,
Куда идти и с кем идти? [1]

Отечественная война закончилась, Абхазия победила.

С тех пор минуло целых двадцать лет. Что дальше? Чем заниматься в мирной жизни?..

Я застал абхазов как раз в тот момент, когда они мучительно размышляли: «Начинать восстанавливать разрушенное хозяйство или так сойдёт?» Вопрос непростой... Я бы даже сказал философский. Пока он остаётся без ответа... Абхазская мудрость подсказывает: «Не делай работу, пока не закричит». Пока, вроде, не кричит...

Нугзар Салакая, фото

Жизнь идёт самотёком. Фрукты растут сами по себе, сами опадают. Коровы пасутся самостоятельно... Эх! Кабы научить их подпрыгивать да самим соски дёргать, наступил бы в Абхазии полный рай.

В мире прослеживается парадоксальная тенденция — страны, проигравшие войну, спустя короткий промежуток времени выходят в лидеры мировой экономики: феодальная Япония, разбомблённая в пух и прах Германия, Финляндия, потерявшая лучшую часть территории... А Союз Советских Социалистических Республик — СССР — страна, одержавшая победу, сперва подкармливала своих ветеранов продуктовыми пайками, полученными от бывших заклятых врагов, потом «приказала долго жить» и развалилась.

Исчезла с политической карты мира!

И был пробит последний лёд.
И путь открыт, осталось лишь идти вперёд.
И тут ты встал, не сделал шаг,
Открытый путь страшнее был,
Чем лютый враг и вечный лёд.

Владимир Попов, фото

А что будет с Абхазией? Не заблудится ли она, как лошадь в тумане?
Надеюсь, нет!
Она превратится-таки в страну-мечту Эльдорадо!
Верую!

Примечания:

[1] «Барьер» Андрей Макаревич.

*

Гостеприимство

*Гость приносит в дом сто мерок счастья,
а уносит одну — тепло этого дома.*

Абхазская пословица

«Бзиала шэаабеит!» (Добро пожаловать!) — именно с этих слов начинается один из самых священных обрядов абхазского народа — ритуал гостеприимства.

Нугзар, коснувшись этой темы, аж приосанился:

— Абхазия по-нашему — Апсны, Страна души. Кусочек рая на земле, благословенный край! Здесь родилось множество сказаний, притч, легенд. Сейчас расскажу тебе главную.

Господь разделил Землю на части и стал раздавать по куску каждому народу. Все выстроились в очередь, чтобы получить свой надел, свою Родину, не было среди них лишь одного. Ждал его Господь, ждал и наконец дождался.

— Кто ты?

— Абхаз, — с достоинством ответил горец.

— Где же ты был? Почему не пришёл вовремя?

— Не мог.

— Как так «не мог»? — Господь разгневался не на шутку.

— У меня был гость. Я не мог уйти, не напоив, не накормив его.

— Этим гостем был я, — один из Ангелов склонил голову. — Человек проявил себя, как радушный хозяин, я застал его на пороге, но, завидев путника, он вернулся в дом и оказал мне душевный приём.

— Но что ж делать? — задумался Господь, — Я раздал всю землю, ничего не осталось.

— Тогда пойду, — спокойно ответил абхаз и уже собрался уходить, когда Господь окликнул его.

— Постой! Скажи мне, все ли абхазы такие приветливые?

— Конечно. Для нас гость — посланник свыше.

— Вот как! Раз твой народ готов пожертвовать собой, дабы принять уставшего путника, его стоит вознаградить. Дарую вам кусочек земли, который берёт для себя. Пусть и дальше край ваш славится радушием, хлебосольством!

Так нам досталась Абхазия. Давай, за неё!

И стоя, как иначе, мы выпили до дна за дивную Абхазию.

— Нугзар, если хоть часть жителей как ты, легенда права!

— Для абхаза гостеприимство — не просто черта характера. Это часть нашей первоосновы под названием «апсуара». В доме истинного абхаза Вы — член семьи. Путнику у нас говорят: «Ты — гость самого Творца» (Узшаз уисасуп), «Ты — гость Господа» (Анцва уисасуп). Согласно традициям абхазов, приходя в чей-то дом, Вы доверяете хозяину жизнь и попадаете под защиту самого Бога. А вот тебе ещё легенда...

Во дворе пацхи под чинарой сидел старый Ханашв и шил из сыромятной кожи чувяки сыну. Залаяла собака. Старик поднял голову: через забор перескочил незнакомец и, увидев старика, бросился к нему:

— Погоня, — он задышался. — Спаси меня, укрой!

— Забирайся на чердак, дад! [1] — Ханашв приставил лестницу к лазу. — Спрячься в углу на куче шерсти. Будь спокоен: у меня ты в безопасности. Но кто преследует тебя?

— Я убил человека. Его друзья гонятся за мной.

— Кого же ты убил? Как имя?

— Не знаю. Я впервые в вашем селении...

Злобно залаяла собака.

— Пойду гляну, — старик закрыл чердак.

Из-за бугра показалась толпа, Ханашв увидел людей с тяжёлой, завернутой в бурку ношей. При виде знакомой бурки у старика потемнело в глазах, точно полоснули по сердцу кинжалом.

— Крепись, Ханашв! Великое горе пришло в твой дом. Убит твой сын! Клянёмся, отомстим убийце. Он ускользнул от нас в лесу, но мы разыщем и убьём.

— Занесите сына в дом.

Плач и вопли женщин огласили двор.

Двое суток пролежало бездыханное тело сына в паще, и двое суток поднимался старик на чердак, кормил гостя. На третьи сутки, после похорон, старик наполнил дорожную сумку едой и, оглядевшись, нет ли кого поблизости, приставил лесенку к лазу чердака:

— Спускайся! Нет никого.

Старик протянул ему торбу:

— Возьми, здесь еды на два дня. Поспешి домой, дад! Ты убил моего единственного сына, но ты попросил крова, и я не мог втоптать в грязь хлеб-соль. Дарую тебе жизнь, уходи, пока тебя не заметили мои сородичи. Смотри, больше не попадайся мне на глаза!

С тем и расстались.

Вот что значит для нас гость, — закончил рассказ Нугзар. — Легенду эту я почерпнул у замечательного абхазского писателя Михаила Лакербая. У него много и других.

P. S.

Антон Павлович Чехов в восторге писал:

«Если бы я пожил в Абхазии хотя месяц, то, думаю, написал бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах, с моря и с неба глядят тысячи сюжетов...»

Примечания:

[1] Дад — у абхазов обращение старшего по возрасту к младшему.

*

Апсуара

Апсуара — Библия абхазов!

Нугзар Салакая

Нугзар со значением поднял указательный палец:

— Апсуара — сама суть абхазского народа. Наша вера! У Лихачёва «русскость» и «русский» — одно и то же. У нас Абхазия и абхазскость, Апсны и апсуара. Некогда в соседней Мингрелии существовало выражение: «Воспитан в духе апсуара» или «Он — истинный апсуа». Александр, поймёшь апсуару, поймёшь и абхазский народ.

— Расскажу тебе легенду.

Однажды Алиас подкрался к усадьбе — пора ему рассчитаться с Гедлачом. Два дня и две ночи прошло с тех пор, как тот убил его брата, а сам ещё жив. Нужно убить Гедлача раньше, чем тело брата опустят в могилу, иначе как явиться на похороны? С каким лицом? В пацхе слышались голоса, Алиас узнал голос кровного врага. Он осторожно отодвинул хворостину в стене и приник к щели: перед ним в одном белье сидел за столом Гедлач. «Сама судьба поставила его передо мной», — Алиас просунул в щель дуло ружья, взвел курок, стал целиться...

— Что ты делаешь, безумный? Скорей туши свет! — донёсся до него испуганный голос жены Гедлача.

— Спи, спи, не бойся! — успокоил её Гедлач. — Ничего не случится!

— Скорей туши свечу, — торопила жена. — Ведь где-то поблизости бродит Алиас.

— Сейчас момент неподходящий, — возразил ей Гедлач.

— Почему?

— Ты думаешь, я не знаю, что Алиас день и ночь охотится за мною, чтобы отомстить за брата?

— Вот видишь!

— Послушай, что тебе скажу, — спокойно продолжал Гедлач, — Алиас славится как настоящий ахаца [1]. Не станет такой отважный, смелый джигит стрелять в безоружного, когда тот в одном белье.

Алиас бесшумно спустил курок и покинул засаду.

— Старики учат нас: «Мужество без человечности является бесчестным. Смерть абхаза в его же аламысе!» [2] — Нугзар неспешно закурил. — Абхазец по природе — человек скромный, для нас непривычны многие вещи... У нас не принято за себя агитировать. В старину выдвинуть на высокий пост могли лишь старейшины. В селе Лыхны и селе Мыку на всенародном сходе почтенные старики принимали решение по каждому кандидату: ты будешь управлять Абхазией, ты — следить за порядком, ты направляешься послом со стороны России, Турции. Ты отвечаешь за одно, ты — за другое. Так все назначались. Как это самому ходить по дворам, агитировать: «Я хочу быть Президентом! Изберите меня!» Наш этикет, веками выработанный, не позволяет произносить подобные слова вслух. Некрасиво. Не надо народу подсказывать, народ знает. Владислав Ардзинба не просил: «Изберите меня! Сделайте меня лидером!» Народ сам доверил ему. У абхазов раньше не было и традиции рекламировать свой товар — это тоже противоречит апсуаре. Ни вино, ни фрукты, ни другую продукцию ремесленники не расхваливали, считалось неприличным. Хозяин никогда не предложит гостю вина, пока не попробует сам, не убедится, что достойное. А с этим пиаром, выясняется, можно разбавить вино водой, раз всё равно купят. У абхазов национальная гордость была главным богатством, главной валютой, сейчас она девальвировалась. Обмелели наши души.

Тут на днях...

Солнечная погодка, я, беззаботный, иду на рынок, предвкушаю: куплю молодого барашка на шашлык, встречу друзей, выпьем по бокалу пива, перекинемся новостями... Хорошо на душе. Война кончилась, мир в Абхазии. Я отправился за приятными эмоциями, шёл душу побаловать.

И вдруг гляжу у магазинчика ритуальных услуг... прямо на улице! выставлены гробы!!!

Стоймя стоят, как рыбацкие лодки.

Гробы разных фасонов, цен, цветов, материалов — целый модельный ряд.

И сразу на душе мрачно стало, мурашки побежали по спине...

Ещё куда ни шло рекламировать одежду, строительные материалы... Не возбраняется предлагать скидки, заманивать покупателей бонусами, обещать детям, пенсионерам бесплатную доставку на дом, три изделия по цене двух. Но не гробы! Мы ещё не забыли ужасы войны. Получается, торговцы хотят, чтобы гробы покупались как можно чаще, желательно оптом. И пусть себе людидохнут, как мухи. Лишь бы гробы разлетались, как горячие пирожки. Деньги не пахнут! Меня пробрал холодок от этих людей, желающих всем нам горя. Стало мрачно от их цинизма, стремления делать бизнес на нашей смерти. Я поднялся в магазин, решил перепроверить, может, показалось:

— У вас что рекламируется на улице?

— Гробы.

— Убрать немедленно!

Помню, я совсем ребёнок, умерла моя любимая бабушка-соседка. Помню похороны, в доме полно народу, приехал из России её сын — полковник, я стою в углу, безутешно плачу. Наконец почтенный старик молча подал военному знак, что гроб пора выносить. В доме тишина, слышны лишь сдавленные стоны да мои всхлипывания. Сын-полковник встал в изголовье, взялся за ручку и скомандовал:

— Ребята, слушай мою команду: раз-два взяли!

Все кто находился у гроба:

— Ха-ха-ха!!!

И пошла хохота по всему дому.

Я плачу, ничего понять не могу: «Бабушка умерла, они смеются!» Спустя несколько дней, улучив минутку, дёрнул отца за рукав:

— Баба, почему у гроба смеялись?

— Сынок, абхаз должен соблюдать свои обычаи, традиции, кем бы ни был, полковник их нарушил.

— Что он сделал не так?

— Нельзя в доме покойного произносить ни слова, а у полковника Устав воинской службы вытеснил собой всё абхазское, Устав заменил апсуару.

Вячеслав Сакания вторил:

— Любая книга имеет сквозное действие, дальше от него уже идут ответвления. Нужно правильно найти стержень. Наш стержень — апсуара!

Запад нам предлагает многопартийную систему, а мы не доросли до неё.

Ещё после первых выборов не можем забыть распри, простить друг другу обиды и вновь стать братьями, грязные выборные технологии рассорили нас... Мы ведь не умеем ничего обсуждать спокойно, выясняем, кто прав, эмоционально, в драке. А наш абхазский менталитет какой: раз холодок прошёл, то на много лет. Получил пощёчину, наутро хряпнули по бокалу и снова друзья — у нас так не бывает... «Война закончилась, быстренько-быстренько помиритесь, надо успеть, посмотрите, весь мир в этой системе, лишь вы отстаёте...» К этому оказались не готовы. Как от общинного уклада одномоментно перейти к индивидуализму? Вчера жили родом, уважали старших, бабушку переводили через дорогу — сегодня предлагается кинуть её посреди проезжей части, пусть добирается сама. Всегда играли в Чапаева — нам предлагают, не слезая с коня, играть в шахматы.

— «В одну телегу впрячь не можно / Коня и трепетную лань» [3].

— Не можно!.. Билль о правах человека чем лучше? Почему от родного свода законов нужно отречься?

Фото

Да, деревянные счёты нужно отложить в сторону и пересесть за компьютер, но чтобы этот выбор приняли горцы, лидера надо избрать по законам той земли, которая взрастила весь народ. Есть ли смысл нам отказываться от апсуары — собственного Кодекса чести, уникальной системы координат, нашей древней философии и менять её на мифические преимущества Западной цивилизации? Скрестить их и вывести абхазского козлотура у нас не получится. Апсуара и наша земля нераздельны. Это те природные соки, что подпитывают абхазов. Пересохнет источник — нас ждёт неминуемая смерть.

Игорь Герзмава согласно кивал:

— Знаете, почему топчемся на месте двадцать лет? Хотя как бы созидаем, как бы что-то делаем... Раньше в старину над умирающим абхазом главными звучали слова, что он не присвоил ничего чужого. Заявления ждали все, тогда сын у смертного одра получал в наследство самое дорогое — незапятнанную совесть и честь. «У тебя нет апсура! У тебя нет апсура! У тебя нет апсура!» — самое сильное наше ругательство.

А у нас как получилось?

Грузин прогнали, узаконили мародёрство, стали захватывать их дома, а счастья не нажили! Краденое не приносит счастья, потому, как грех это великий. Чужое, как ржа, незаметно разъедает душу изнутри. Мы по сей день тычемся, как слепые котята, не можем найти выход. Почему на глазах у нас пелена? Зачем Боженька кружит нами? Он даёт понять: «Так нельзя!» Не помню, чтобы кто-то из мародёров закончил жизнь хорошо. Жить с чувством, что украл чужой труд — наказание адово, вся жизнь, каждая ночь пройдёт в страхе. Пусть маленькое, но своё. Закралась в душу плесень... Получается, победа красивая, чистая, а потом вляпались в коровье дерьмо!

Кто-то остутился от безысходности, кто-то от боли, кто-то натворил зла от неведения. Те люди, кто себя в этом смысле сохранили, сберегли моральную чистоту, прямо смотрят детям в глаза. И я Бога не боюсь! Я с войны принёс один трофей — фляжку с коньяком. Всё. Я свой долг, как мужчина, в жизни исполнил: чужого не брал, собственными руками построил дом, сына воспитал, дерево посадил, войну выиграл, Родину не предал. Это же я завещаю своему сыну.

Примечания:

- [1] Ахаца — герой;
- [2] Аламыс — совесть;
- [3] А. С. Пушкин «Полтава».

*

Символы Абхазии

*Вороня лошадь особые
привычки имеет.*

Абхазская поговорка

Уже несколько дней я в Абхазии и, признаться, чувствую себя растерянно...
Коренных, явных отличий в укладе, образе жизни не заметил. Закавказье, а в ходу «рубль», никаких вам мечетей, азанов, хиджабов. Говорят все на чистом русском!
Хочу определиться: какие они «Символы Абхазии»?
Придётся копать глубже!..

Я решил подробнее ознакомиться с обрядами абхазов, а коли представится возможность, то и самому поучаствовать в них. Орчукба Валерий предложил:
— В селе Ачандара годовщина похорон двоюродного брата, хочешь — поехали с нами.
— Конечно, хочу.

Траурные обряды

Фото

По мнению хозяина дома, годовщина смерти отмечалась «скромно»: пригласили только самых-самых близких, человек четыреста, не больше... (В России в таких масштабах проходит День города.) Там, на людях, я к провожатому старался с расспросами не приставать, но на обратном пути, не утерпел:

— Валера, теперь комментарии...

— Хоронят у нас на третий или четвёртый день. Когда человек умирает, начинается «плаканье» — ритуал, при котором женским плачем-воплем оповещают округу о постигшем горе. Раньше женщины-плакальщицы раздирали в кровь лицо, мужчины ударяли себя кулаком в сердце, зимой стояли на снегу босиком, усиливали страдания. У нас принято, чтобы близкие родственники публично демонстрировали тяжесть свалившегося на них горя. Сейчас такое встречается реже, молодые девицы максимум помаду сотрут, тональный крем. Раньше соседи тоже приносили еду, но всё скромно. Теперь, помимо денег, на поминки, на свадьбу, на похороны нужно нести в корзине шампанское, торт, конфеты. Мамалыгу на похоронах не ставят, как в старину — хлопотно. Перешли на хлеб, проще купить. Не прийти не посочувствовать горю соседа, близкого — у нас нельзя. На заседание парламента не придёшь, тебя поймут. Не явился на свадьбу, похороны — проклянут. Поэтому сегодня мы закрываем лавочку и всей семьёй, непременно всей! едем на поминки. Не подсчитываем недополученную выручку... Я не могу отправить в качестве делегата жену или другого полномочного «представителя», потом за всю жизнь не отмыться... Позор! Родственники забудут про поминки, забудут, зачем собрались: «Где Валера?» Моё

неповяление всем бросится в глаза. Все тут же ломанутся навестить: раз сам не в силах передвигаться на ногах, значит, со мной случилось что-то ужасное! Причина неявки должна быть крайне убедительной, алиби — железобетонное. Например, тебя в прямом эфире показывают с Путиным... Включили телевизор, убедились: «точно», можно дальше скорбеть.

Если в старину на похоронах, на свадьбах бывало по тридцать-сорок человек, то сейчас до двух-трёх тысяч. Общение уже было. Круг друзей расширяется: вместе учились, вместе в группе «ВКонтакте», вместе в «Одноклассниках»... Классическая финансовая пирамида. Благодаря транспорту встречаться стало легче (пешком по горам далеко не уйдёшь). Мобильные телефоны, которые у новорождённых висят вместо соски, облегчили процедуру оповещения. Ещё и по телевизору объявят вместо новостей. Раньше рыдание талантливой плакальщицы разносилось максимум на три-четыре километра, сейчас СМС-рассылка покрывает сразу всю Абхазию одним кликом. Зона поражения горевестника выросла в сотни раз. Пока на посещение протокольных мероприятий у меня уходит пятьдесят дней в году. Дальше — не знаю... Например, сегодня нужно посетить двое поминок, в выходные — четыре свадьбы. И выкручивайся, как хочешь.

— Но ведь количество приглашений растёт в геометрической прогрессии, — осенило меня, — и, возможно, скоро все жители страны соберутся на одном большом поле — на общем траурно-праздничном обеде. Тогда отпадёт необходимость уходить домой на ночлег, каждый будет передвигаться со своей раскладушкой по кругу: в одной пацхе присоединится к свадебной процессии, в следующей выразит соболезнование родственникам усопшего, дальше поминки, день рождения... Похоже, в Стране души это время недалёко.

— Апусуара... То, что раньше нас спасало, теперь может погубить.

Свадьба

Свадебными снимками поделился со мной профессиональный фотограф Варган Шахитян:

— Свадьбы у нас проходят обычно осенью: в сентябре, октябре. В сельской местности в эту пору приходится всем месить грязь в сапогах, невестам в том числе.

Варган Шахитян, фото

по найденной обувке
Иван искал судьбу
а Золушка рычала кто
прр-равый спёр кирзач

Мне довелось самому побывать на настоящей сельской свадьбе.

Там всё примерно, как у нас в России: обворожительно-загадочная невеста в белоснежной фате, симпатичная свидетельница, гости, хмельное застолье... Особинка одна: жених на свадьбе не присутствует. В Абхазии считается, жених к этому мероприятию не имеет никакого отношения.

Я поинтересовался, бывают ли у них кавказские пленницы (подробно писал об этом в дагестанском дневнике: <http://kostjunin.ru/konkurs.html>) Невест, как выяснилось, воруют и в Абхазии, но чаще для того, чтобы избежать обременительной, дорогостоящей процедуры застолий и разного рода взаимных подношений. Обычно — это спектакль, хотя исключения бывают. Отар Ломия, Герой Абхазии, рассказал:

— Проезжаю село, мельком обратил внимание: девушка стоит у обочины. Ну, стоит себе и стоит. Почти поравнялся с ней, она возьми и кинься прямо под колёса. Хорошо, асфальт сухой, сумел затормозить. Замуж выдали насильно. Кричу:

— Дура, найди другой способ уйти из жизни, раз так охота. Из-за тебя ещё посадят на старости лет.

Скрипучая арба, запряженная парой волов, — образ Абхазии, ушедший в историю безвозвратно. «Свадьба без жениха» тоже не полностью характеризует этот закавказский край. Есть и другие символы... Как раньше, так и сейчас чистый зелёный шелковистый ковёр по-прежнему составляет неперемнную принадлежность двора. Вот как это описано у Константина Симонова: «Я вижу абхазские и мингрельские деревенские дома, чем-то похожие на свайные постройки, — традиция, оставшаяся от старых времён, когда вокруг Сухум-Кале тянулись болота и топи. Зелёные сухие и жаркие жилые комнаты на вторых этажах, а внизу только кухни и кладовки. А перед домами от самых ворот до самых дверей в дом — ровные, как стол, курчавящиеся короткой травкой, чистые полянки — такие, словно хозяева хотят сказать гостям: входите, и пусть ничего не мешает вам открыть двери нашего дома!» [1].

Рядом с домом хозяйственные постройки; плетёный либо дощатый кукурузник на высоких столбах (аца), сарай для скота...

Одежда абхазов

Башлык, ноговицы, кавказский пояс с кинжалом, бурка, палка-посох с железным наконечником (алабашья) — так в старину одевались абхазские горцы. Сегодня только старшее

поколение сохраняет некоторые элементы национальной одежды, да и то лишь по праздникам. (В прошлом году старики рекомендовали Президенту Абхазии прийти на инаугурацию в черкессе, папахе, но он не решился...)

На память о поездке в Абхазию и, дабы прививать дух горцев в семье, я привёз внуку черкеску, сшитую под заказ.

Фото

Абхазская кухня

Абхазскую пищу невозможно себе представить без соли с перцем (словно песок из бархана Сарыкум) [2]. Моя любимая приправа «аджика» тоже неожиданно оказалась абхазским изобретением. Рецепт её довольно сложен. Кроме поваренной соли, жгучего красного перца и чеснока, в неё входит целый ряд пряностей: кориандр (ахусхуа), грецкий орех (акакан) или фундук (араса), укроп (акама), василёк или базилик огородный (ара-дана), шафран или чабер садовый (ащыбра), мята (ашь-ыху), а также винный уксус.

Но первым делом — традиционная «абыста»! особенно во время приёма гостей. Каждому гостю — свежая мамалыга! Именно в неё, горячую, записывают брынзу и подают с аджикой, с варёной фасолью. (Вкусом мамалыги я не проникся...) Это горячая слипшаяся бессолая каша из манки и кукурузы...

Не имею права в этом разделе с восхищением не упомянуть чачу и сухое вино.

Культура

Вихревые танцы есть по всему Кавказу, но в Абхазии зрелище тоже, вам доложу...

Владимир Попов, фото

А вот песни на исламском Кавказе, а он, как правило, весь исламский, петь Кораном строго запрещено (как и рисовать, и лепить, и т. д. и т. п.) В Абхазии — можно и почётно.

Фото

Личности

Ну, самый-самый яркий из абхазов, бесспорно, Лаврентий Берия.

Рассказывая о своей амурной связи с всесильным министром, его любовница-поневоле вспоминала: «Я отдавалась, как страна — грузину» [3]. Односельчанин Лаврентия Павловича из села Мархаул, а ныне глава администрации Гулрыпшского района Эшба Тимур Владимирович, поведал мне:

— Берия был талантливым кризисным менеджером. Считается, что он незаконнорожденный: отец абхазский князь Лакербай, мать — простолюдинка. Его племянники рассказывали, что с детства он любил наушничать, ябедничать, друзей не имел.

Весь наш бескрайний Советский Союз помнит Берию как одного из талантливых организаторов всесоюзного движения «Настрочи донос на друга».

Мы писали, мы писали,
Наши пальчики устали
Мы немножко отдохнём
И опять писать начнём [4].

Господи! Какое счастье, что Берия смертен.
Так и вспомнишь классика:

Природа-мать!
Когда б таких людей
Ты иногда НЕ ПОСЫЛАЛА!..
Заглохла б нива жизни...

А вот ещё абхазские символы, о которых я писал ранее и буду впереди: ажърацъра; айныхра; киараз, ауаахэ; ажира; аныха; ахашца; алабаша; анча инохера; амашир алпха; ааюны анхера; аламыс; отсутствие расписания движения автобусов и программы передач на ТВ Абхазии; акыта; ахацара; абхазский язык; пацха; ацапа; Гагра; Пицунда; Кодорское ущелье; мандарины; ярмо на свиньях; чистое Чёрное море; Фазиль Искандер; абырк; «Брехаловка»; махаджирство; Шалва Денисович Инал-ипа; Бог воровства и разбоя Эйрих-Аацных;

Фото: Легендарная «Брехаловка», куда заглядывают все Президенты Абхазии

Штрих к историческому портрету:

Интересно вспомнить традиции Апсны при Советской власти...

В апреле 1976 года бюро Абхазского обкома КП Грузии приняло специальное постановление «О состоянии работы и задачах партийных организаций Абхазии в свете постановления ЦК КП Грузии «О мерах по усилению борьбы с вредными традициями и обычаями» [5]. В нём отмечается, что, несмотря на заметное уменьшение числа проявлений консервативных обрядов, всё большее распространение новых обычаев и т. д., «никаких оснований для самоуспокоенности в борьбе с вредными пережитками прошлого и всякого рода чуждыми нравами у нас нет», что, в частности, всё ещё встречаются стяжательство в разных формах, рецидивы устройства многолюдных помпезных свадеб и похорон («айныхра», «келехи»), сопровождающихся пьянками, подчас приводящими к хулиганским поступкам и преступлениям, вплоть до убийства».

Борьба с самобытными обрядами — не инициатива грузино-абхазской элиты!

Советская власть, строго соблюдая заветы В. И. Ленина, культуры самобытные уничтожала, а на их руинах возводила культуру «пролетарскую».

Дедушка Ленин учил: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой её можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить» [6]. Вместе с тем, — указывал он, — интернациональная пролетарская культура воспринимает не «национальную культуру» в целом, «а берёт из каждой национальной культуры исключительно её последовательно демократические и социалистические элементы» [7].

Планировали из мозаичной культуры каждой нации выковыривать отдельные элементы... у кого глазик, у кого ногу, палец, ухо и выкладывать картинку советскую — одну на всех.

Вот так...

Примечания:

[1] «Лит. газета», 12 апреля 1960 года;

[2] бархан Сарыкум — «Золотой песок» Кумторкалинский район Дагестан;

[3] Евгений Блажевский «Фрагмент диалога с Антониной Васильевной»;

[4] Полина Барскова «Музыка прежде всего»;

[5] «Борьбе с вредными традициями и обычаями — неослабное внимание». — «Сов. Абхазия», 29 апреля 1976 года.;

[6] В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 23;

[7] К. Цеткин. «Воспоминания о Ленине». — В кн.: В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1969, с. 663.

*

Отцы и дети

*Старший — это тень, спасающая
от жгучего солнца.*

Абхазская пословица

Нугзар сутуло поднялся, придерживая до краёв налитый бокал:

— Сейчас скажу, хороший вещь скажу. В поэме Церетели «Наставник» главный герой, абхаз, лишает себя жизни за то, что воспитанник оказался способным на ложь, измену. «Нет, не твой удел кончина, я — ответчик перед веком: я взрастил тебя, как сына, но не сделал человеком». В семейном укладе Абхазии у старейшин рода особые права, особая и ответственность. Пусть в государстве, в обществе когда-нибудь станет так же.

— И то правда!

Любопытны отношения отцов и детей в Абхазии.

К примеру, отгуляли свадьбу, у сына появилась жена, у свёкра — сноха. Нипочём не догадаетесь, как выстраиваются их отношения? В селе Ачандара Орчукба Валерий показал мне дом сына: просторная ухоженная лужайка, на высоком крыльце молодая женщина приветливо улыбнулась нам.

— Здравствуйте! — поздоровался я.

Девушка продолжала молча улыбаться. «Немая!» — скорбно подумал я.

Мальчуган, завидев Валерия, кинулся на руки.

Фото

— Это — внук! Соскучился, мальчик мой? А снохе говорить при мне не разрешается...

— ?!

Дорогой он пояснил:

— У абхазов сноха в присутствии свёкра может объясняться только жестами, мимикой — сурдопереводом, чтобы ничего лишнего не ляпнула. Разные поколения, разные интересы, разное отношение к жизни. Если она будет шуршать, скрипеть, как червивый орех, пойдёт холодок...

Позже Нугзар рассказал мне на сей счёт занимательную легенду:

Старый Джгуанат пожаловался соседу:

— Ни разу за пять лет, что живёт сноха в моём доме, не слышал её голоса. Вероятно, голосок у Антицы такой же приятный, как и она сама. Нужно кончать с этим глупым обычаем предков.

— Не считаю наших отцов и дедов глупыми, — ответил сосед. — Но если кому не нравится, может отменить табу. Достаточно принести в жертву быка, пригласить соседей на пир и прилюдно объявить о своём решении.

— Верно! — обрадовался старый Джгуанат.

Старик распорядился зарезать бычка, приготовить званый обед. Он обошёл всех соседей, родственников, друзей и на пиру, держа в руке наполненный рог, произнёс:

— Дорогие односельчане! Все вы знаете мою сноху. Глаза её светятся, как звезды, доброта, услужливость не знает предела. Я люблю её, как родную дочь, и хочу, чтобы она чувствовала себя при мне свободно: пусть с сегодняшнего дня она начнёт разговаривать при мне.

И старый Джгуанат осушил рог.

— Да будет так! — хором поддержали гости.

Зардевшись от стеснения, Антица склонила голову с длинными черными косами. До поздней ночи пировали гости. Утром старик Джгуанат поднялся с постели, оделся, вышел во двор. Антица доила корову.

— Доброе утро, дад! — приветствовал старик Антицу, предвкушая удовольствие услышать в ответ её нежный, ласковый голос.

— Тебе, конечно, доброе, — огрызнулась сноха, — а я уже час на ногах. Хоть бы помог управиться со скотом!

Старик опешил. Трудно поверить, что это голос прелестной Антицы.

— Доченька, у тебя какая-нибудь неприятность? — нерешительно спросил старик. — Ты не в духе сегодня? Или тебе нездоровится?

— Да, нездоровится! Это ты вечно здоров, как бык, а притворяешься хворым.

Удивлённый, расстроенный старик побрёл в дом, лег в постель и стал думать: что произошло с Антицей? словно кто подменил её, столь резкая перемена за одну ночь...

— Лежит, как колода, ничего не делает! — долетел до него ворчливый голос снохи. — Долго ты ещё будешь валяться? — прикрикнула она. — Не надоело?

Слышать это старому Джгуанату было невыносимо. Забыв про свои больные кости, старик вновь стал обходить односельчан, созывая на пир. В жертву забили ещё одного быка, накрыли щедрый стол, и вновь с бокалом вина поднялся хозяин дома:

— Дорогие гости! Мы с вами просили Антицу вымолвить слово. Она исполнила нашу просьбу, вчера я вполне наслаждался её речью, но сегодня я пригласил всех вас, чтобы вернуться к обычаю отцов, дедов и вновь запретить ей разговаривать при мне.

— Вот как! — воскликнул сосед. — Выходит, я был прав, не так уж глупы люди, придумавшие этот обычай? Однако для того, чтобы ты это понял, пришлось забить двух быков, — усмехнулся он.

Дети в Абхазии уважают не только отцов...

Отношение к матери, теще, в Абхазии трепетно-святое. И святость эту передаёт топонимика, увековечив дам целиком и частями:

Над озером безжалостно и хищно
Вонзился в поднебесье Тёщин зуб [1].

Ещё есть змеистый серпантин под названием Тёщин язык.

Да, мало ли?.. В Абхазии, как повсюду на Кавказе — царит культ старших. В летописи наткнулся на такой пример: старец во время выступления на сходе так разгорячился, что его алабаша — посох с металлическим острым наконечником — пробил ногу стоящему подле юноше, тот не издал ни звука, терпел и ждал, пока аксакал закончит речь.

А Нугзар поведал быль.

Гаишник смотрит, водитель управляет грузовиком, стоя на подножке.

Жезлом махнул, остановил его:

— Что за цирк! Почему не в кабине?

— Ты же знаешь наши обычаи: я не могу сидеть в присутствии отца.

— Молодец! Проезжай.

С Валерием Орчукба добирались мы на машине из села Ачандара в Гагру.

И надо же, незадача: к узенькому деревянному мостику подъехали одновременно с одной стороны «Нива», с другой наша «Лада». Мы прижались к обочине, освободив проезд, и... тот остановился тоже. Там салон пустой, у нас — битком и самое главное! у нас за рулём седовласый аксакал!!! (По правилам нетленного горского адата возраст выше любого чина.) Встречный водитель деликатно пропускает нас проехать первыми, Валера, как не менее учтивый абхазец, предлагает ехать первым ему. Друг друга не знают. Стоят спокойно, уважительно, не сигналият, не матерятся, фарами не моргают, битами друг другу не угрожают...

— И подолгу так приходится стоять? — поинтересовался я.

— Александр, мы соблюдаем апсуару. Я со школы помню в букваре картинку: два козлёнка встретились на узкой тропе, не уступили друг другу путь, в итоге оба свалились в пропасть, река унесла их. Мы росли на таких примерах и запомнили: даже если ты чувствуешь, что прав, уступи, будь выше дрызг.

Руслан Гварамия, фото

Водитель «Нивы» в пятый раз взмахом руки предложил нам проехать, Валерий категорически отказался. Однако выдержка у встречного водителя оказалась будьте-нате, фактически он взял нас измором... Насмерть стоял, демонстрируя свою учтивость. Нам пришлось таки ехать по мостику первыми. Едва тронувшись с места, мы принялись неистово раскланиваться пред любезным горцем, отвечивали ему поклоны и подъезжая, и поравнявшись с ним, и проехав мимо — пока не скрылись за поворотом. Фу...

P. S.

Самый центр Сухума.

Мы с администратором «Абхазской интернет-библиотеки» Дбар Алексеем неспешно планируем от Института гуманитарных исследований к набережной. Открывается окно жилого дома: седая старуха выплёскивает воду из тазика на тротуар, чуть не облив нас...

Алексей невозмутимо объяснил:

— Замечание делать нельзя, ором поднимет улицу. И мы же останемся виноваты.

Примечания:

[1] Так называют семидесятиметровую скалу над озером Рица. Турсынхан Абдрахманова, поэма «Озеро Рица».

*

Этикет

*Абхазы — отличный народ, даровитый,
тонкий, изящный, французы Кавказа,
как их величают в Грузии.*

Евгений Марков «Очерки Кавказа»

Игорь Герзмава мне посоветовал:

- Ты вот сейчас пишешь, Александр... Если получится дифирамб, то это никому не нужно. Тебя начнут подозревать во вранье, в других смертных грехах. Пиши честно, как есть!
- Буду писать, как есть! как пить... От души!

Для меня нет сомнений — все абхазы принадлежат к какому-то обедневшему, но знатному дворянскому роду. Одни их реверансы чего стоят? Сами понаблюдайте за манерой этих закавказских горцев держаться в обществе, за тем витиеватым «протоколом», по сравнению с которым церемониал большинства королевских дворов лишь «Knicksen» [1].

Они лорды даже в мелочах...

Например, когда абхаз хочет добавить к сказанному своё, а рассказчик речь не закончил, он не одёрнет его ясным, родным призывом: «Заткнись!» Вовсе нет, деликатно заметит: «Твои слова только золотом режут». Речь абхазского оратора всегда начинается с традиционного обращения к собравшимся: «Народ, да положу я свою голову вместо вас» (Ажэллар, шэхадкы!) Никак иначе... Или вот пришлось в беседе нечаянно прибегнуть к выражению: «Знаешь ли, в чём дело?» (Шоу удыруама?). После этого нужно «подсластить» и, подчеркивая авторитет, глубокие познания собеседника, тут же скромно добавить: «Хотя что я могу сказать такого, чего бы ты не знал!» (Уара иузымдыруа сара иуасхэозеи, аха!). Человеку в благодарность говоришь «спасибо» (итабуп), он в ответ: «Пусть врагу придётся благодарить тебя» (уага дуатабуааит). Вкралось в речь какое-нибудь не совсем приличное выражение, сразу последует извинение, буквально так: «Твоя честь на моей голове» (Упату схы икууп). Обратился с незначительной просьбой, и на этот случай имеется соответствующий «оправдательный документ»: «Хотя такое поручение и не достойно тебя» (Иуатэасшьоит аха; Урацэоуп аха). Если позади тебя оказался уважаемый человек, можно и это «искупить»: «Прости, что сижу спиной к тебе» (Сагамзааит, сышьтахь уаерхан стэоуп) — думаю, чаще других, такое приходится говорить водителям маршруток...

Теперь понимаю, откуда в царскую Россию просочились изящные лингвистические обороты типа: «Милостивый государь, не сообразовали ли Вы сообразовать?..»

Нугзар мне втолковывал:

- У нас и в пацху хозяин никогда не зайдёт первым... Ты, наверное, успел заметить?
- Успел...
- Гостя приглашают войти в дом, но кто должен переступить порог первым? И тут начинаются взаимные уговоры, приглашения (уней-сней). «Проходи, да приму я на себя твои беды! (Уней, уххь згеит!), — говорит хозяин посетителю. — «Как это можно! Ты хозяин — тебе и идти первым!»

Экспромтом сложились строчки:

пожалуйста зайти в мой дом
ну нет я только после вас
так и скончались на пороге
за них несуг дежурство дети

— Но ярче, ажурнее наш этикет проявляется в застолье, — горячился Нугзар.

У нас приличное застолье — та же проповедь: хвала Богу, дань уважения народу, старшему... Это настоящий церемониал гостеприимства... — Нугзар самодовольно хохотнул. — Застолье у абхазов начинается и кончается омовением рук. Дочь или невестка хозяина берёт в

одну руку кувшин с водой, в другой держит мыло, чистое полотенце перекинута через плечо, подходит к гостю. Все встают. Между почётным посетителем и старшим в доме происходит сцена, во время которой они настойчиво приглашают друг друга совершить омовение первым. «Помой руки, да приму на себя твои беды!» — просит хозяин. На что другой отвечает: «Как можно раньше тебя, ты — хозяин!» Подобные взаимные излияния повторяются неоднократно, и наконец хозяин, уступая обычаю, начинает омовение. Все стоят в знак уважения к вставшему. Когда очередь доходит до гостя, он снова отказывается от омовения, пока не сядет на свое место старший.

И, наконец, застолье!..

Фото

«Между первой и второй — перерывчик небольшой»; «Между первой и второй — можно выпить ещё шесть!»; «С запозданием выпитая вторая — испорченная первая» — эти поговорки не про абхазов. Здесь фуршет — самостоятельное искусство, а виночерпий [2] по влиянию, выше жреца. Помните фильм «Осенний марафон»? Диалог героев стоит того, чтобы воспроизвести его полностью:

«— Палыч, чего это он не пьёт?
— Вино утром вредно.
— Всего по 150, разговора... Чистая формальность.
— Выпейте, Билл, он всё равно заставит. Пригубите.
— Будьте здоровы.
— Не, так нельзя. Тостуемый пьёт до дна.
— Не понимаю.
— Я за Вас выпил, значит, Вы тостуемый. Я — до дна, и Вы — до дна. Такой у нас порядок.
— Спасибо, я всё.
— Василий Игнатьевич, оставь. Ну что ты насел? Видишь, человек не привык. Я же выпил. Нет, все народы мира должны с ним пить.
— Профессор, я обижусь.
— !..
— Вот и хорошо.
— Стоп! Стоп, я больше не буду. Мне работать.
— Не обратно же выливать? Палыч, что он о нас подумает?
— Ладно, только учти, последняя.
— Будем здоровы!
— Будем здоровы!
— Ваше здоровье!
— Ы-ыы! Тостующий пьёт до дна...»

Герои фильма хорошо посидели...

А вот абхазы за столом не сидят. Все тосты — стоя. (Стулья не изнашиваются!)
И к тому же традиционное застолье абхазов гораздо жёстче.

абхазец гостю за столом —
и скорый суд и обвиненье:
сегодня с нами ты не пьёшь
а завтра родину продашь

Упрекают абхазов в лени.

Какой?

Попробуйте сами ежедневно строго блюсти все каноны и ритуалы, пассы и поклоны.
Монахи-схимники! Верней будет.

А речи?!

Вам довелось хоть раз слышать речи абхазских аксакалов на сходе?

Нет?!

Да вы жизни не знаете.

Волга в половодье — жалкий высохший ручей по сравнению с ними.

По сей день абхазы не в силах забыть народного трибуна, который, выступая на Лыхненском сходе, произнёс перед людским морем страстную речь, длившуюся восемь часов кряду. Как значится в документах, переводили её по очереди три переводчика, но все они совершенно охрипли и не могли больше говорить, а знаменитый оратор всё гремел над возбуждённой площадью [3]. В Очамчырах Осипа Мандельштама изумил оратор-старик, который «замучил сход: говорил-говорил и кончить не мог» [4].

Помню, в бытность дорогого Леонида Ильича, когда Генеральному секретарю ЦК КПСС на пленумах и съездах приходилось толкать речуги по четыре-пять часов кряду, всерьёз прорабатывался вариант установки в трибуне писсуара.

И в Абхазии не всё так просто...

Думаю, и здесь кроется какой-то секрет, современные технологии... страшная тайна.

тоста бескрайний ритуал
как нескончаемое эхо
а где сосед его доклад
он не одел сегодня памперс

Сознаюсь, иногда мне хотелось, как Шарикову, легендарному персонажу из фильма «Собачье сердце», обратиться к собравшимся за столом: «Вот всё у вас как на парад! Салфетку — туда, галстук — сюда, да «извините», да «пожалуйста, мерси». А так, чтобы по-настоящему, это нет... Мучите сами себя, как при царском режиме». В Абхазии строго соблюдается иерархия и последовательность обязательных тостов: первый тост — традиционное обращение к Всевышнему с просьбой ниспослать «теплоту его очей» («Анцва ил-пха», здесь «Анцва» — «Бог», «илпха» — «его милость», «теплота его очей»); второй тост — обращение ко всем святилищным силам ниспослать народу милость, благословение («Аныхакуа рылпха» — буквально «теплота очей святилищ»); третий тост — за народ («ажвлар»); четвёртый тост — за Абхазию (Апсны), пятый тост — за старших и так далее.

И всё — стоя, часами!..

Я из последних сил потакал хозяевам, пыжился-кажилился, блюл хитрозаумный протокол. (Чей хлеб ешь, того и обычай тешь — у себя, как хошь, а в гостях, как велят!) Но это не отдых — повинность! Блаженство сидеть и просто выпивать с Нугзаром вдвоём. Тогда никаких тебе церемониалов, никаких «равняйся-смирно»... Гуляй, душа, нараспашку!

Хозяин дома Шаки Салакая дирижировал в гостиную, наблюдая, как супруга подносит одно блюдо за другим, изредка давал ей «ЦУ» и оправдывался:

— Аджика, инжир, мясо, сыр, вино, чача — больше ничего у меня нет.

Свежий инжир вкуснятина — они корочку счищают, я ем так.

— Пустой стол! — согласился Нугзар. — Это ладно! Ты лучше похвастай, как предложил найти зарытый в огороде жбан с чачей, который якобы мать припрятала во время войны. Александр, не поверишь! за день перекопали ему весь огород, так и не нашли. Оказывается, не было ничего.

— У меня весной спину прихватило, — нехотя сознался Шаки, — сам копать не мог, а землю пустой не оставишь.

Сперва, пока трезвые, пока при памяти, мы сидели в гостиной, потом с кувшином вина перебрались во двор, под навес... Уже без хозяина, с Нугзаром вдвоём, и — до самого утра. Закусывали консервированными зелёными помидорами. (Ни разу до этого не пробовал — а-бал-деть!) Нугзар, вылавливая из банки очередной овощ, вспомнил пословицу:

— Гость гостя уважает, оба хозяина ненавидят.

— Повтори, запишу!

— Гость гостя ува-жа-ет, оба хозяина не-на-ви-дят.

— Про нас!

Зрелые груши время от времени грохались на крышу, сбивая с мысли, а мы всё беседовали, беседовали, не смолкая.

— С нашими традициями нужно считаться всем, чтоб не попасть впросак, — гнул своё Нугзар. — Во времена Союза сын члена Политбюро ЦК КПСС оттяпал себе кусок черноморского побережья, отгородился от народа трёхметровым забором. Сухумчане тут же запрудили улицу, выразили решительный протест, вынудили открыть доступ к морю. Решётки убрали за ночь. Чиновника подкупить можно, народ — нет. А есть примеры и посвежее... Помню, на прошлых выборах кандидат в президенты пригласил из России нашего любимого певца, поддержать. Ну, как у нас полагается, перед выступлением основательно выпили... Выходит артист на сцену, площадь вся забита, ликует... Народ в предвкушении: «Эх, сейчас порадует песнями, душу поласкает!» И тут наш любимец берёт микрофон, машет людям и орёт:

— Привет, Аджария!

Провожатый его толкает в бок, подсказывает:

— Это не Аджария, это Абхазия. Скажи «Абхазия»...

— Как-а-аая разница?! — ржёт в микрофон.

Все возмущённо загудели, слушать не стали, засвистели, согнали его со сцены. Ладно. Кое-как успокоились... Следом выходит Депутат Государственной Думы Российской Федерации (он у вас типа шута при королевском дворе): «Если не подержите нашего кандидата, мандарины везите в Грузию, свою границу мы перекроем».

Ты бы видел, что тут началось?! Мне докладывают:

— Ситуация накаляется! Надо прятать депутата.

Инвалиды войны взбунтовались, колясочники ломанулись к Красному мосту:

— Идём гадёныша мочить. Он нас оскорбил!

Высокие ворота охрана успела захлопнуть у них перед носом... Но для ветеранов спецназа это не помеха: смотрю, уже перебираются через ограду. Кто без ног — на руках, у кого одна рука — зубами... Лезут на штурм с матерками, угрозами. Депутата быстренько посадили на катер и под покровом ночи — в Пицунду. Если бы не такое выступление российской группы поддержки, этот президент был избран ещё тогда, в 2004 году.

Ляпы случились из-за незнания менталитета Абхазии.

— Нугзар, давай за это!

Честно сказать, не помню, как расходились...

Примечания:

[1] (нем.) Knicksen — делать реверанс, приседать — светский этикет;

[2] Виночерпий, муж. В древности — должностное лицо, заведовавшее напитками и подносящее их пирующим (ист.). Царский виночерпий, наливающий вино;

[3] Г. А. Дзидзария. Восстание 1866 года в Абхазии. Сухуми, 1955, с. 144.;

[4] Станислав Лакоба «Крылись дни в Сухум-Кале...»

Правила абхазского дорожного движения

*В кувшин закричишь,
и он на тебя накричит.*

Абхазская поговорка

Если смотреть только на дорогу, на кульбиты джигитов-водителей, забываешь про границу... Настолько всё напоминает российский Дагестан! У меня на глазах в Сухуме на перекрёсток, на зелёный сигнал светофора выехала шестёрка. С двух сторон на «красный» в неё врезались два джипа. Водитель шестёрки остался виноват: «Смотри, куда прёшь!»

Правила абхазского дорожного движения...

Я подробно описал их ранее, повествуя о Стране гор, в главе «Дорожные адаты» [1]. Повторяться не хочется... На трассе повсюду те же важные коровы да, вдобавок, ещё свиньи в деревянных хомутах, которых надо объезжать лесом.

Фото

Р. S.

Скорбным эхом джигитовки — поминальные «скворечники» по обочинам дорог.

Фото

Примечания:

[1] «Дагестан (дневник поездки)». Материал можно скачать одним файлом в формате PDF на сайте <http://kostjunin.ru/konkurs.html>. На страницах книги размещено много уникальных авторских фотографий, публикуемых впервые.

*

Язык

*Тяжело на чужбине.
Слышу дикарский язык.
Перемолвиться не с кем поэту.*

Овидий

Абхазский язык.

Я ожидал, что знакомство с языком начнётся с имён.

Имя — своего рода код, определяющий принадлежность к роду. Однако, как и в случае с верой, ничто в Абхазии не является очевидным. Мой блокнот, по мере расширения контактов, стал пополняться телефонами Саш, Марин, Юр... Иванами да Марьями... Вот так Закавказье! Маму Давида Дасаниа, вообще, звать Раиса Максимовна (золотой души женщина!) Согласитесь, трудно в России найти человека, который не слышал про Раису Максимовну...

Как выяснилось, не только меня застали врасплох такие имена. Крупный абхазский учёный-этнограф Шалва Денисович Инал-ипа тоже обескуражен: «У абхазов вызывают чувство недоумения, стыда такие самоновейшие женские «имена», как Электричка, Пиуа (от слова «пиво»), Вайна, Адеса, Курица, и др., мужские: Батинка, Папа, Вагон, Маладец, Салдат, Машина, Газет, Радио, Телефон, Золотинск, Камуна, Диуан, Лодка, Каманда, Прицел, Камфет, Музыка, Штат и др. Бывают случаи, когда одного из братьев зовут Ванчка, другого — Иван. ... Зная, как ревниво относились абхазы к своим личным и фамильным именам, трудно даже найти объяснение тому, что многие теперь так легко отказываются от традиционных личных имён. Ведь ещё недавно они очень дорожили своими именами. Понятия «имя» и «слава» по-абхазски выражаются одним словом — «ахидз» (ахъз), а лишение имени (ахъзыххра), как и фамилии (ажэлахыххра), считалось большим оскорблением и наказанием».

— Секрет кроется в истории, — пояснил Игорь Герзмава, — наша судьба неразрывна с Россией. Во время Великой Отечественной войны в доме у деда жили две русских семьи, у многих так. А сколько воевали с русскими плечом к плечу? У-уу!.. Двадцати двум абхазам! присвоено звание «Герой Советского Союза», это на такой маленький народ. Мой дед воевал в Дикой дивизии, кавалер трёх георгиевских крестов. Отец во время ВОВ служил в авиации лётчиком.

Российская журналистка недавно задала мне вопрос:

— Скажите, как абхазы относятся к России?

Я опешил:

— Ну, как Вам сказать подходчивей... Фамилия у меня абхазская Герзмава, зовут Игорь, отец Виктор Дмитриевич. Погибшего брата звали Сергей, сестра Наташа, мать Евдокия. А у Вас отчество, фамилия татарские. Теперь скажите: кто из нас больше россиянин?

— Вас поняла.

Абхазский язык.

Он послужил яблоком раздора, обожествлён народом, он живой дух абхазов...

«Кто владеет языком, тому община принадлежит», — учит абхазская мудрость.

Из каких глубин появился язык в речевой форме доподлинно не известно, а письменность абхазы получили после присоединения к России. Абхазы — младописьменный народ. Первый абхазский алфавит разработал русский языковед Пётр Услар в 1862 году. Главная его цель от альтруизма была далека: «Мы и горцы как бы находимся на двух противоположных берегах реки, через которую нет переправы, — писал царский военный чиновник барон Услар, — ...Родные языки — самые надёжные проводники для распространения между горцами нового рода понятий. Забрать эти проводники в свои руки, суметь распорядиться ими ... дело трудное, но заслуживающее того, чтобы подумать о нём» [1]. Считается, что алфавит создан на основе кириллицы. Не знаю... У многих букв рудиментом — таинственные хвостатые окончания. От того транскрипция в словарях нуждается в своей транскрипции, а её нет.

— Нугзар, я, кажется, так надрался, что у меня сливаются «т» и «ц»...

— Александр, стыдись!.. Так пишется любимая абхазская буква «тцы»!!!

Абхазский язык...

Судьба его во многом напоминает мне карельский — язык древней Калевалы. У него тоже не было своей письменности, он тоже как и собрат из Закавказья, подвергался гонениям в годы советской власти: говорить на нём даже в быту... не приветствовалось. (Из всего словарного запаса у меня на языке крутится единственная созвучная фраза, да и то благодаря названию лекарства «имунал»). Сегодня, вроде, разработали письменность, дали возможность изучать карельский язык в Карелии даже в двух школах. И говори себе сколько захочется, хоть заговоришься... Сейчас, когда носителей языка практически не осталось, его сунули, как пустышку грудничку. А чуть дитя вырастет, сам от неё откажется.

Моё знакомство с абхазским языком происходило скачкообразно.

Сперва думал, после аварского никакой другой язык меня не удивит. Отзывы мэтров поэзии заставили усомниться... Осип Мандельштам относился к абхазскому языку, как к «будущей речи» человечества: «Язык абхазцев мощен и полногласен, но избыточен верхне- и нижнегортанными слитными звуками, затрудняющими произношение; можно сказать, он вырывается из гортани, заросшей волосами. ...В отдалённом будущем академии для изучения группы кавказских языков рисуются мне разбросанными по всему земному шару. Фонетическая руда Европы и Америки иссякает. Залежи её имеют пределы. Слава хитрой языческой свежести и шелестящему охотничьему языку — слава!» — воскликнул Осип Мандельштам [2].

С благоговением я «снял шляпу» пред абхазским языком.

Историк, этнограф Константин Мачавариани выразился ещё круче:

«Язык абхазский гибок и звучен; он одинаково передаёт не только торжественный тон возвышенного пафоса, но и ласкает слух самыми нежными выражениями. Как грозные звуки природы, так и мелодия тихого дуновения ветерка, журчание ручейка, горе и радость, гнев и ласка, глубина страсти и нежность находят в этом языке своё полное выражение. В нём выражаются, точно в зеркале, неуловимые движения души, туманные впечатления окружающего нас мира, ускользающие, обыкновенно, от слова, знака и красок... Звуки абхазского языка так резко отличаются от звуков индоевропейской семьи языков, что можно изучить этот язык прекрасно, вполне овладеть духом и свойством его, но всё-таки произношение так и «останется варварским». Для объяснения звуков приходится создавать совершенно новые правила фонетики. Одними известными органами (губы, зубы, гортань и др.) нельзя здесь ограничиться» [3].

«И др.» органами и отверстиями — это про меня! Здесь-то блесну...

Однако при личном знакомстве язык показался мне не то чтобы лёгким — лубочным: «амагазин», «афильм», «асувенир», «аресторан»... «Забавный диалект!» — решил я, вновь «напяливая шляпу».

Фото

- Нугзар, почему все абхазские слова начинаются с буквы «А»?
- А, х... его знает!
- Получается, лепи букву «А» к каждому русскому слову, и получится древний говор.
- Разбежался!.. И, кстати, не думай, что «алашара» — это «лошара» по-абхазски.
- Не буду.

А затем Нугзар стал открывать волшебные грани родного языка:

— Абхазский говор — отголосок первоосновы земли, реликтовый цветок, сохранивший через века аромат. Ты вслушайся:

Позабывши сам — откуда,
 Он приобрёл тропинкой горной,
 Древних рас живой осколок.
 Море синее шумело
 У подножья гор зелёных.
 И приморье полюбилось.
 И нагорье приютило.
 В заповедной чаще леса
 Взял он дрёмный шёпот листьев,
 У змеи он взял шипенье,
 Взял у птицы сладкий щебет,
 У цикады стрекотанье,
 У ручья певучий лепет —
 Ими речь свою украсил
 И в гортанный влил их говор,
 Тот, что вынес издалёка.
 Он у горного потока
 Научился злой отваге... [4]

В Институте гуманитарных исследований в Сухуме я однако уточнил:

— Учёные полагают, что через триста лет на планете останется четыре языка: английский, китайский, испанский и...

— И абхазский! — сурово отрезал седовласый горец.

— Но ведь... Богиня Абхазии — великая Сатаней Гуашья была матерью ста знаменитых героев-нарттов. Нынче-то рождаемость снизилась. Говорят, чтобы язык сохранялся, требуется более ста тысяч носителей.

— Да нас больше, чем китайцев!

Вы бы нашлись возразить? Я нет.

Да, у абхазского языка судьба счастливей, чем у карельского. Родной язык сплотил абхазский народ, с ним они одержали победу, его теперь торжественно несут над головой, как знамя.

Пройдя сквозь тьму тысячелетий
 От нартских далей — в наши дни,
 Осилив натиски наречий,
 Сберёг ты отчие огни.

О мой язык, святой и правый,
 Принявший столько смертных мук,
 И многосмысленный, и здравый
 В тебе живёт наш каждый звук! [5]

P. S.

Администратор «Абхазской интернет-библиотеки» Алексей Дбар у меня на глазах **СОЗДАЛ** транскрипцию абхазского языка в кириллице [6]. Тем сильно помог... А, главное, в одиночку, за несколько лет он перевёл все литературные абхазские первоисточники в цифровой формат, сохранив произведения для будущих поколений, сделав доступными для всего мира [7] (В России не найдёте ни одной подобной региональной библиотеки!) Мне есть с чем сравнивать... Уж

я поездил по библиотекам, поверьте... Нагляделся на заторможенных бабок, ненавидящих книги. Всех их гуртом обменял бы на одного Алексея.
Стоя тост за него!

Примечания:

- [1] Услар П. К. «Этнография Кавказа, Языкознание. Т. 1: Абхазский язык»;
- [2] Мандельштам О. «Записные книжки. Заметки»;
- [3] Мачарвариани К. Д. «Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу»;
- [4] Виктор Стражев, поэма «Песнь о голубоглазом», Сухум, 1923 год;
- [5] Руслан Кокович Аджинджал «Мой язык».
- [6] Транскрипция абхазского языка (в кириллическом варианте) в конце книги.
- [7] В сгоревшей библиотеке Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) оцифровку прошли только примерно 7 тысяч книг из 14 млн (0,05%), сообщает «Интерфакс». /epochtimes.ru/ 03.02.2015

*

Недобитые

— Это могила неизвестного солдата Гурама.
— Почему неизвестного?
— Неизвестно, был ли Гурам солдатом.

Абхазский анекдот

В какой-то момент подбор собеседников застопорился.

Валентина Харитоновна Дзидзария никого не могла склонить к беседе со мной. Раз за разом, зачастую в самый последний момент, они срывались с крючка.

— Кого же найти? — сокрушалась она. — Звонила двоим однополчанам, здоровье ухудшилось, оба в больнице.

И тут мне на выручку пришёл мировой опыт: помните, в фильме «Летучая мышь» жена инструктировала мужа-прокурора, как следует подцеплять дочери кавалеров?..

— Тина, ты позови, а зачем, не объясняй!

— Попробую...

И вскоре радостно доложила:

— Сейчас приедет один.

— Кто?

— Чкабелиа Иродион Михайлович, пулемётчик, не раз контужен, ранен, с войны у него сидят два осколка в голове. Мы называем друг друга «недобитые»! — Тина горько усмехнулась. — Золотой парень! Заместитель председателя ассоциации инвалидов войны. Для меня каждый, кто прошёл пекло, — настоящий мужчина. Я сразу определю, кто не был на фронте: глазки у них бегают... крысят. А вот и Рудик... Рудик, умоляю, только не ругайся, сейчас всё тебе объясню.

У запыхавшегося мужчины недоумённо вытянулось лицо. Он переводил вопросительный взгляд с Тины на меня, а уже вскоре давал признательные показания:

— Поговорки-моговорки особо не держу в голове, а про апсуару что рассказывать... Помогла победить! Сосед пошёл воевать, дядя пошёл воевать и мне надо идти. Стыдно прятаться под кроватью, бежать, как Попандопуло, переодевшись в женское платье. Стыдно трусить, когда рядом братья-добровольцы демонстрируют чудеса храбрости: идёт шквальный обстрел, казак вылез на бруствер, шашку вытащил и давай рубить воздух налево, направо... Забавно! Во время войны народ был — единый кулак. Мы все сплотились вокруг лидера и не рвались к власти, ни в грош не ценили собственную жизнь, сердца наши стучали в унисон... Нация стояла перед вопросом «быть или не быть», как у Гамлета. Мы забыли про деньги, друг друга братьями называли. Выхожу на трассу, водитель первой проезжей машины останавливается, не ожидая просьбы:

— Брат куда подвезти? — если не по пути, сперва путника отвезёт.

Памяти хватило лишь на два года, а после... На энтузиазме, на голой идее, всю жизнь не проедешь. Святым духом вечно сыт не будешь, мы существа земные, из плоти-крови. У каждого своя семья, своя цель, наша общая дорога распалась на множество тропинок, кулак разжался, пальцы разделились. Если бы все одинаково, тогда да. Но когда ты питаешься идеей, я идеей, а рядом чёрт жирует. Жизнь-то одна. Искушение сильное, соблазн неодолимый. После войны приехали люди с чемоданами денег, увидели, что мы на подсосе, сориентировались, подцепили на крючок значимых авторитетных незапятнанных людей, стали через них обдирать свои делишки. Продались не все, конечно, но такие есть... Кто не продался, потому что не покупали — не герой.

— Как в анекдоте: «Почему Неуловимого Джо никак не поймают?» — «Да потому, что он на хрен никому не нужен!»

— Вот-вот. Деньги — тяжкое испытание. Поставь сейчас передо мной дипломат с долларами, не знаю, как себя поведу, я сам в себе не уверен... Во время войны все решения принимались справедливые, а вот как сохранить справедливость в мирное время? Как избежать кривоколенных решений? Почему после войны даже командиры батальонов сменили окраску? Сегодня всё покупается, дело в цене. Он не побоялся на врага пойти, на танк с голыми руками, а шуршание банкнот околдовало. В итоге преданные собаки: за кусок хлеба в лице дезертира обрели хозяина. Апсуара на фронте помогала вести себя достойно, помогла нам победить, а вот после

войны, в мирное время оказала медвежьёю услугу. Эх! Во время войны клялись: подлецов, предателей, которые бросили родину, не только на порог не пустим, похоронить в абхазской земле не разрешим. (Почему за них должны воевать?) Тогда все были единокорны. Но вот война закончилась победой... эйфория! У кого смалодушничал брат, у кого сват, и начинаются уговоры:

— Давайте, простим. Я-то ведь кровь проливал.

— Нет.

— Ну, он же не воевал против нас.

— Едрёна мать, ещё чего не хватало... Я ещё и спасибо ему за это должен говорить.

— Его жене здесь не дали бы жить...

— А что, во время войны мало грузин воевали с нами плечом к плечу?

— Хватало.

— Разве кто-нибудь когда-нибудь упрекал человека за то, что он не абхазец?

Тихо-тихо-тихо... мы даже не заметили, как они появились здесь, потом командовать стали.

Мы в очереди первыми стояли,
А те, кто сзади нас, уже едят [1].

И началась у нас катавасия...

Только сейчас, с помощью Боженки, мы избавились от гнилья, содрали со ствола свисающее лыко...

Фото

К власти пришли горцы, у кого за плечами фронт. Народ терпит, терпит, терпит... потом принимает решение.

— «Народ суров, когда, восстав, не просит, а берёт», — писал мудрый Шандор Петефи.

— ...В двадцать четыре года у меня закончилась молодость, полноценная жизнь закончилась, с тех пор не вылезая из больниц, из операционных. Я женился в сорок четыре, два года назад, до этого не решался, было неясно со здоровьем. Плодить детей-сирот зачем? И теперь

получаю пенсию и думаю: как на семь тысяч протянуть? Может ли не-фронтовик понять нужды ветеранов войны? Нет! Его это не волнует. Звучали призывы: «Забудьте войну!» А кругом люди болели, страдали. Сегодня в Правительстве даже контузию не хотят считать за болезнь, хотя это болезнь, да ещё какая. У нас много суицидов, причин знать не хотим. Почему люди, кто принесли на плечах победу, оказались не нужны никому? Фонд помощи инвалидам создали три года назад, до этого, семнадцать лет — пустота. Попрошайничали. Малая червоточина источила сердцевину дуба, обескровила его, лишила сил. Железная древесина превратилась в гнилую труху.

— Своего рода вирус «троян» в операционной системе компьютера. Тоже тихо, незаметно — и жёсткий диск можно выбрасывать.

— Да, так. Началось, наверно, с того, что после войны Ардзинба объявил: «Мы маленький народ, давайте простим друг другу обиды, прегрешения, распри, кто воевал, кто не воевал... пусть абхазы возвращаются на родину, будем вместе её возрождать». Вот, пожалуй, с этого началось... Наверно, пригласить можно было, но сразу твёрдо, недвусмысленно обозначить их место в обществе — второсортное место. Пусть бы они сперва своей жизнью, делами доказали преданность Родине, потом претендовали на хлебные места. Многих дезертиров даже записали в участники войны. Они за взятки купили себе биографию, положение в обществе.

Припёр к стенке своего комбата:

— Как человек, который не воевал, попал в число участников войны?

— Ну, понимаешь, он мой родственник, ты же знаешь. Я не смог отказать. Мы ведь абхазы. Апсуара!

Я разбирался: «участник войны» — человек, который с оружием в руках лично принимал участие в боевых действиях. В группе «Ураган» вместо пятидесяти участников войны, оказалось более трёхсот! Как эти двести пятьдесят «мёртвых душ» попали в список военкомата ума не приложу! Двести пятьдесят человек, знакомых с войной по телевизору, сегодня ходят по Абхазии, дают интервью, бряцают боевыми наградами, учат подрастающую молодёжь!.. Это по одной только нашей группе! Если бы у нас в строю реально было триста бойцов, б..., мы б маршем прошли до Тбилиси.

нас всех контузило на фронте
иначе как могли забыть
про тех кто мысленно сражался
болельщики нужней солдат

— Так? — подивился я.

— Выходит... И ещё: никак не можем прийти к единой точке зрения, каким должен быть в идеале наш Президент. Одним нравится руководитель властный, решительный, другим наоборот — мягкий, понимающий.

— Как в старом анекдоте: «Слушай, Иванов! Говорят, ты спишь с моей женой. Так вот, хочу тебе заявить, мне это не нравится!» — «Вас Петровых не поймешь — ей нравится, тебе не нравится!..»

— Точно. Слава Богу, все сомненья — в прошлом! — Рудик не скрывал радости. — Впервые после Ардзинба избрали достойного мужа: воевал на Восточном фронте и ровно прошёл всю войну, занимал высокие должности в Правительстве, в коррупции не замечен, то есть медные трубы преодолел тоже. Мы, ветераны, должны объединиться и встать с ним рядом.

А то, что я до этого Вам... вгорячах... — не мнение всей Абхазии, лично моё. Я человек контуженный, в голову раненный.

— Не беспокойтесь, так и укажу.

У Иродиона зазвонил мобильник. На входящих — музыка Трофима «Алёшка»:

Говорят, на земле был Бог
Говорят, он учил добру
А у нас целый взвод полёт,
Где служил старшиной мой друг.

Он отклонил звонок...
— Познакомьте с кем-нибудь из однополчан!
— Александр, сегодня мы встречаемся в ущелье: группы «Ураган» и «Сатурн», отмечаем День Победы. Хочешь, поехали.
— Это не то... Нужна тихая беседа с глазу на глаз.
— Давай так, если бы Тина сказала честно, я бы не приехал. Но она ведь что брякнула: «Рудик, у меня проблемы. Выручай!»
— Она молодец!
Иродион рассмеялся:
— Не знаю, кто согласится...
— Им не нужно всего сообщать заранее, пусть диктофон станет приятным сюрпризом.
— Нежданчиком! — подсказала Тина.
— Да уж...
— Тина сперва тоже заявила: «Ой, не могу о войне говорить, ой, больно!» А я вспомнил свою мамочку, которая прошла советскую ссылку, шахту, носила клеймо «дочь врага народа», и затем, как Тина, стала учителем русского языка и литературы. Она понятия не имела, что такое «хочу», но твёрдо знала «надо». Кто расскажет о войне, если не ветераны?
— Тоже верно, — нехотя согласился Рудик.
Но сам никого из друзей не выдал и на «минное поле» не завёл.

На протяжении всей поездки я созванивался с Валентиной Харитоновной, с этой героической женщиной, сообщал о новых встречах, просил совета в затруднительных ситуациях:
— Тина, подскажи, с кем из знаковых людей ещё не встретился?
— Ты не встретился лишь с одной категорией, с «крысами». Но я заранее знаю, что они скажут: «Не мы такие — жизнь такая!»

P. S.

Когда Иродион сетовал на трудности в создании молодого государства, я сидел и помалкивал... Мы, как держава, слишком молоды раздавать советы другим. Ведь Российская Федерация старше Республики Абхазия всего на год: официальная дата образования России 25 декабря 1993 г., день когда была принята новая Конституция, в которой страна провозглашалась президентской республикой; в Абхазии это произошло 26 ноября 1994 г. (Согласитесь, считать «РФ», «бесправную часть СССР» и «Российскую империю» одним и тем же государством — нелепо!) В голове у многих россиян до сих пор каша. На бытовом уровне доходит до курьёзов... Мой близкий друг, как выпьем, сразу пускается в мечты: «Надо, чтоб как у батьки в Белоруссии или как в Финляндии... Там порядок!» Серёга (мы втроём работали в комсомоле) обычно пьяненько кивал, помалкивал, но один раз... чёрт его дёрнул! Возразил, мол это два взаимоисключающих общественных строя.

— А скажи тогда, почему в Финляндии дороги такие хорошие?
— Да, потому, что нас с тобой нет там.
Друзья потом полгода не разговаривали.

Я родился в государстве «Из огня да в полымя!»
Жванецкий дивился: у нас «...или бунт или диктатура. В этом тире мы и живём». Проехали, слава Богу! Считается, наше теперешнее государственное устройство ближе к царизму — нормальная, испытанная форма правления. Абхазские абырки наставляют: «Чему народ сказал «да», не говори «нет». И я — всей душой за нашего Царя-батюшку! Он воцерковленный, а для меня это значит — ВСЁ! (Сильней не хвалю по одной-единственной причине — сглазить боюсь...)

Примечания:

[1] Владимир Высоцкий;

*

Создатели матрицы времени

*Если с уважением относишься к тому,
что имеешь, приобретёшь и то, чего
нет у тебя.*

Абхазская поговорка

Владимир Анатольевич Попов — личность в Абхазии известная. Он не только последний из могикан советской школы фотожурналистики, но и директор фотоагентства «Абхазпресс-АРТФ», устроитель многих фотовыставок в Абхазии, за её пределами...

Под вечер Володя с приятелем заехали за мной в гостиницу:

— Предлагаю вместе поснимать волну. Такое интересное состояние моря... ветра нет, ни один листочек не колыхнётся, а волна накатом метров в десять!..

Фото

И уже через двадцать минут мы идём, шурша вязкой береговой галькой, любуемся огромным розовым солнцем, скользящим к горизонту. Волны с грохотом накатываются на землю, дробятся в белую пену и, в низком реверансе, ажурным подолом белоснежного бального платья закрывают берег.

— Захлебнуться... от восторга! — признался я.

Володя согласно улыбнулся:

— Погоди, что ещё запоёшь у костра... Абхазские старейшины с горечью сетуют: векового друга — очаг — «арестовали». Согласен с ними: открытый огонь — мистика, древнейшая философия...

В вечернем воздухе цикадами стрекотали затворы наших фотокамер.

Володин приятель заметил:

— Попов всю жизнь продаёт Абхазию в розницу и оптом, но ему прощают. Даже благодарны, поскольку он продаёт возобновляемые ресурсы.

Володя остановился:

— Кстати, познакомьтесь: мой друг Рауф, руководил во время войны Латским направлением.

— А как фамилия? — я достал блокнот.

— Записывайте: Дмитрий Жорж Игорь Коля Иван Рая Борис Андрей.

— И всё это Вы?

— Да. Что получилось?

— «Джикирба»?

— Попали с первого раза.

Сумерки неумолимо гасили нарядные закатные краски.

Вскоре стемнело так, что «не видишь под носом жерди, грозящей проткнуть глаз». Фотообъектив своё дело сделал, ночь — вотчина слова. Спустя полчаса мы уже сидели в пацхе у костра и неспешно беседовали. Каштановые поленья, потрескивая, жарко пылали, над очагом на закопчённой цепи висел котёл с мясным варевом, расточая аппетитный аромат. Володя помешивал шумовкой, проверял на вкус готовность, добавлял последние специи:

— Без жидкого не могу...

— Володя, сразу скажи гостю, что конкретно имеешь в виду? — улыбнулся Рауф.

— Борщ, конечно, не водку. Бывает, такое пригостишь... А ещё люблю в подсолнечное масло — приправы: чеснок, укропчик, перец... Аперитивчик с хлебушком... Нравится, но обычно о себе забываешь, где время? Люблю по ночам суп варить...

— Если по ночам делал суп, когда делал детей? Четыре попытки — пятеро наследников.

— Успеваю. Причём, суп люблю варить, когда выключен свет — я лесной человек. Приготовлю, вкусенько так... Поем одну миску, вторую — с удовольствием, третью... я... неудобно мне, стыдно... А хочется. Знаешь, из чего сварено, как... Боже ты мой, как благодарен таким часам.

— Володь, расскажи, как принёс в газету фото героя труда с надписью: «В эту минуту он добывает рекордную тонну угля!»

— Было такое! — рассмеялся Попов. — Изначально я работал фотокорреспондентом в газетах: в областной, партийной, национальной. Языка абхазского не знал, все смеются, и я смеюсь. Главный редактор с подозрением:

— Ты-то чего хохочешь?

— За компанию.

Вот однажды так, за компанию, я опубликовал материал о герое труда — фоторепортаж с рабочего места. Обычно выручал личный архив: если человек отснят, зачем выезжать в командировку, фотографировать повторно?.. И вот к материалу о шахтёрах понадобились иллюстрации, портрет передовика. Звоню на предприятие, уточняю:

— Гоги работает?

— Да.

— Передовик?

— Ещё какой!

Но я спрашивал об отце, а мне сообщили про сына: фамилия одинаковая, имя одинаковое, шахта, всё... На абхазском языке нету слова «проходчик», поэтому в статье появился такой текст: «Знатный шахтёр Гоги решил не подниматься на поверхность земли, пока не добудет угля на пятнадцать процентов больше, чем в прошлом году!» Портрет вышел удачный: чумазый, только что из забоя, он широко улыбался, с уверенностью глядя в завтрашний день. Снимок разместили на первой странице абхазской газеты с броским заголовком: «В эту минуту, под землёй, Гоги добывает рекордную тонну угля! Молодёжь, равняйтесь на Гоги!» А Гоги, оказывается, уже три года под землёй, но совсем по другой причине: умер! Что тут началось... Шахтёр по национальности грузин! В обед главному редактору позвонили из приёмной Первого секретаря, от Шеварднадзе:

— Вам надлежит завтра явиться в Тбилиси в ЦК КП Грузии.

Главному редактору объявили выговор, меня турнули с работы, лишив права публиковаться по всему краю. Было не смешно — времена Андропова...

А сейчас, Александр, предлагаю тост за тебя, за нашего гостя. Это не подхалимаж — форма мужской поддержки. Тост — не анекдот, не сказка, не прибаутка — сакральная мужская молитва, часть абхазского ритуала: «Мы с тобой одной крови — ты и я». Ты в нашем лесу, ты — наш брат. За тебя! За твою книгу!

Вторым поднял бокал Рауф:

— У нас в Абхазии традиция: когда человек умирает, близкие люди, друзья собираются за столом, произносят о нём хорошие слова. Это важный, ответственный момент, поскольку усопший всё слышит. Думаю, ещё правильнее согласовать с покойным тезисы выступлений при жизни. Каждое застолье — репетиция похорон, у нас как раз такое мероприятие... А выпить предлагаю вот за что... Фазиль Искандер бичевал изнутри себя и всех нас. Почему об этом вспомнил? В книге не надо лоска, Александр, не нужно слащавости, ласкательных суффиксов,

особенно сегодня, в годы становления нашей государственности. Нельзя допустить чтобы гордость переросла в спесь! Нам нужен цензор: объективно посмотреть со стороны, дать дружеский совет, лучше через призму юмора. Вы слышали легенду, как Бог все народы оделил землёй, лишь абхаз опоздал на раздачу — встречал гостя?

— Слышал много раз.

— Хочу дополнить эту легенду некоторыми существенными деталями.

— Это всё происходило на Ваших глазах?

— Мой прадед присутствовал.

— Интересно, — я приготовился писать.

— Так вот абхаз квасил с гостем, а утром, с бодуна, объясняет причину опоздания Богу:

С лучом простился с ним я первым
И стал совсем каким-то нервным.

А Боженька укоряет:

Ты будешь жить вот так, рискуя,
Дождёшься лишь большого...

— Евангелие от Рауфа?

— Да.

— Записано.

— Сама жизнь требует от нас более активной позиции. Этого же абхаза подхватило течение горной реки, он взывает:

— О, Боже, не дай утонуть, спаси, помоги!

Фото

Господь с небес отнекивается:

— Я помог, когда сотворил тебя с руками и ногами. Не опускай рук, сделай усилие и ты не утонешь, выплывешь.

А сегодня спас от грязи и Россию, и нас таджик. Он успеваеет везде...

— Причём один и тот же, — заметил я.

Я, прищурившись, глядел на спокойный огонь, слушал остроумные речи и мне было покойно на душе. Сладкая и неопределённая истома нежной кошкой возлегла мне на плечи.

— Володя, спасибо за бархатный вечер, за ваших слов брильянтовых вкрапления... Диву даюсь, насколько искривлён образ горца в умах россиян — никто не хватается за кинжал.

— Кавказец без кинжала, как русский, бегающий по улице без топора...

— Согласен: абсурд, нелепица полная...

Володя вновь наполнил бокалы:

— Если хочешь остаться, нужно постоянно уходить. Мы собрались у костра не навечно — на миг. Каждого из нас ждёт своё дело, сохранить которое можем, лишь шагая в ногу с жизнью.

А спустя несколько дней я встречался с Николаем Обаничевым: в Гудаутах единственная фотостудия у него. Для меня каждый фотограф — родная душа.

И снова коснулись войны...

— Я учился в десятом и всё помню отчётливо.

Война — постоянное чувство голода. Город бомбили один раз, школа продолжала работать. Перед уроками вставал в шесть утра, шёл с карточками в очередь за хлебом, как в старых фильмах... С окончанием войны сытней стало не сразу, добывал пропитание в море, что поймал, то и кушали. Решил заняться фотографией, ещё застал химикаты, красный свет, окна занавешены одеялами, семья не ходит, не дышит — идёт процесс. Потом перешёл на цифру.

Обстоятельно поговорить нам не дали... Люди шли со своими малыми бедами один за другим. Пожилой горец в чистом мятом костюме хлопнул входной дверью, степенно прошёл к стулу, гордо уселся под выключенным софитом:

— Сфотографироваться, ора, на паспорт.

— На российский?

— На заграничный.

Николай навёл объектив «Сапон» на посетителя, укрощённой молнией пыхнул софит.

— Завтра будет готово.

Старик напялил кепку и с достоинством покинул помещение.

Следующий клиент попросил распечатать фото утонувшей старухи. Николай вывел на монитор десяток мини-изображений. Труп синий, разбухший...

— Так, вот эту, где она во весь рост, вот эту, где крупно голова, — посетитель с улыбкой Мефистофеля разглядывал экран, — и где отдельно вещи.

Николай отправил снимки на печать, принтер брезгливо отрыгнул глянцевые листки.

— Сколько с меня?

— Тридцать.

Довольный расплатился, ушёл.

— Он некрофил?

— Нет, следователь прокуратуры.

А потом по мобильнику вызвали меня, в общем, не дали поговорить...

Володя и Николай любезно позволили в книге про Абхазию использовать свои снимки.

Я пытливо изучаю фото и по этой зеркальной матрице времени восстанавливаю кадр за кадром минувшие события, канувшие в лету лица, даты, саму жизнь. Воссоздаю, пытаюсь в оттиках прошлого найти ответы на вопросы сегодняшние.

Примечания:

[1] Алфавит абхазского языка, (Транскрипция в кириллице по версии Алексея Дбара)

Тыл первого Президента

*Посмотрите — вот он
без страховки идёт.
Чуть правее наклон —
упадёт, пропадёт!
Чуть левее наклон —
всё равно не спасти...
Но должно быть, ему
очень нужно пройти
четыре четверти пути.*

**«Натянутый канат»
Владимир Высоцкий**

В моём понимании жена — теневое правительство.

Мужики не любят сознаваться в этом, но где-то глубоко в душе чувствуют: жена — моральная поддержка, тайный советник, тыл... Я в гостях у вдовы первого президента Абхазии — Светланы Иродионовны Джергения.

— Начало войны застало меня в Гаграх, вспоминаю, как фильм ужасов... За день до этого дочка уехала на учёбу в МГУ, Слава — в Сухум. Связи нет, мобильных не было тогда. Я думала, война бывает только Великая Отечественная, ну, ещё где-то далеко, во Вьетнаме, в Ираке... и вдруг такое у нас.... Да, столкновения на национальной почве происходили часто, история у конфликта давняя, но никто не подозревал, что посреди бела дня прилетят самолёты, вертолёты, будут бомбить пляжи с отдыхающими, мирные кварталы города... Трудно поверить, что в XX веке эдакое возможно. Случилось. А у нас ни оружия, ни военных подразделений. В этом мало понимаю, но саму атмосферу помню. Я по натуре оптимист и верила: справедливость должна восторжествовать. Когда стали привозить с передовой убиенных ребят, ропот начался. Мы малочисленный народ, у нас каждый гражданин — Тысяча. Он не знал, что делать, был на грани застрелиться... но воспитание, духовная закалка, рассказы отца — инвалида ВОВ — помогли выстоять. Во время войны я с дочерью находилась в Москве, оставлять дочь одну опасно. Время от времени Слава звонил, спрашивал, как, что у нас. Когда приезжал на переговоры в первопрестольную, несколько раз встречались, обменивались парой-тройкой слов, но это, знаете... Трагедия! Время очень страшное, тяжёлое. Весь этот шквал чёрной информации, безбожного вранья с экрана телевизора... Это безумство, бесовство вельзевула! [1] Сколько слёз пролито... В конце 92-го разнёсся слух, что на него совершено покушение!.. убили.

Вы не пред-став-ля-етееее...

В тысячах километров от страны, от него...

Такой в Сухуме устроили фейерверк, такой праздник: наконец-то убили! Оказывается, его бы не было — ничего не случилось! Мир, дружба процветали б... Мне оборвали телефон, откуда только ни звонили люди, звонили и плакали: правда — нет? А я сама не знаю правды. Это такой надрыв, такой психологический удар, невозможно передать... Ты, вроде, просто жена, но ощущение прямой причастности к событиям, личной ответственности не отпускало. Я всех успокаивала: «Это неправда! Телефонистки рыдали в телефон... Хоть бы кто успокоил меня. Нас убеждали люди: «Ну что вы!.. Грузины не могут быть такими жестокими! Цивилизованнейшая нация!!! У них вековая традиция государственности, древняя культура».

— Да, у них фильмы-то какие: «Кувшин» Ираклия Квирикадзе, «Отец солдата» Резо Чхеидзе, — вспомнил я.

— ...«Интеллигенты высшей пробы не могли сжечь архив!» Мираж устойчив. Как видим — смогли. Им правда не по нутру. В первую очередь уничтожили исторические документы с неугодной информацией. Вандалы! Историю сочинили свою.

— Каждый диктатор переписывал историю под себя.

— Да, но эти превзошли всех и вся. Всё, что попадало под руку ценного, объявлялось грузинским. Хорошо помню, когда меня, школьницу, не брали в музыкальную школу, потому что абхазка. Наш крупный учёный Шалва Денисович Инал-ипа издал труд «Абхазы», Слава с

коллегой из Института востоковедения написали положительную рецензию. Вы не представляете, какой шквал критики обрушился на нас, обвинили во всех «измах». И началась война умов...

Муж — чистой воды кабинетный учёный: работа, работа, работа в тиши библиотек, фолиантов. Я была молодая, доставало это... Сходить в гости — целая проблема. Сразу протест:

— А!.. Какие гости?! Надо туфли одевать, натру пятки, там будешь сидеть без толку. Лучше дома, лучше пусть они к нам.

— Пойдём тогда...

— А!..

— Давай сходим...

— А!.. тебе бы только гулять.

У него свой кабинет, но всё принесёт на кухню, разложит на угловом диване. Убирать ничего нельзя: «перепутаете!» Собрались покушать, документы накрываем газеткой, быстро перекусили, газетку собрали, опять работает, потом снова переселяется в кабинет. Где комфортнее работается, там и сидит. До того, как вышла замуж, я нагляделась на брата: он тоже учёный, так же корпел, разбирая мемории [2]. Когда приезжали к ним в гости, будто слышит и не слышит, весь в делах. Тогда думала: «Господи, спаси от такого!» А у самой ещё хуже. Иногда на кухне что-нибудь шкварю и сама журчу, журчу, журчу, по ходу что-то спрошу. В ответ: «Что?..» Вот это рассеянное «что» меня буквально выбивало из колеи, выходит, всё, что рассказывала, пропустил мимо ушей. Я начинала раздражаться, закипала... Особенно по молодости. Зато присутствовать при его беседах с другими людьми мне было крайне интересно. Разговоры не о колбасе — о высоких материях. Вот где ненавязчиво проявлялся интеллект. Тогда я им гордилась. Выростала в собственных глазах: «Это мой муж!» Понимала: он — Божий избранник. Находиться с таким человеком рядом непросто, о себе надо забыть полностью: никаких претензий!.. Помочь ему мало чем могла, старалась не мешать, думаю, это у меня получилось. Политика выбросила его в депутаты, а потом человек, который даже в армии не служил, стал Верховным Главнокомандующим. Вы представляете, сколько нужно было работать над собой, — фактически перевернуть себя.

Когда беда нагрянула, он не принял решение единолично, а собрал людей и спросил: «Что делать? Сдадимся без боя и станем рабами или будем защищаться?» Народ решил: «Сражаться!»

Вот тогда у него выросли крылья:

— И я буду с вами до самой смерти!

Он выдержал шторм и довёл наш корабль до тихой воды.

Он сделал, что мог.

Он сделал больше, чем мог.

Понятно, почему Владислав Григорьевич Ардзинба добился оглушительных побед: с таким-то тылом чего не побеждать. Одно меня озадачивает: почему матушка-земля крайне не избирательна... Отчего на одной почве растут и розы, и сорняки, одна нация подарила миру и Баха с Гёте и Гитлера, другая — Ардзинба и Берию.

Примечания:

[1] Вельзевул — Из Библии. В Новом Завете так именуется верховный злой дух, глава адских сил (сатана), например (Евангелие от Матфея, гл. 12, ст. 24);

[2] Мемория (от лат. *memoria* — память) — в государственном делопроизводстве России 18-19 вв. памятная записка, выписка, представленная на утверждение.

*

На идеологическом фронте

*Одно и то же слово два
раза скажешь — вонять будет.*

Абхазская пословица

Нугзар немало рассказывал мне о своей работе в газете:

— Журналистов пора причислить к лику «инженеров человеческих душ!»

— Да, журналисты сраму не имут... Подписываюсь! — я полез за стаканами.

— Тяжело работать в редакции газеты в Абхазии, сам видишь. Народ хлебосольный, из гостей так просто не уйдёшь. Нужно поднять бокал, и не один...

— Умеешь ты заинтриговать, прям как Чехов: «Рассказ мой начинается, как начинаются вообще все лучшие русские сказания; был я, признаться, выпивши...» [1]

— ...Пока добираемся до редакции, пока приходим в себя, опохмеляемся, материал устаревает — опять надо ехать. Выручает, что мы, журналисты, в душе немного циркачи, волшебники. Ценим всякие розыгрыши, любим бесшабашность, яркие представления. Когда в душе праздник, в руке бокал с вином, тогда и перо наше скользит по бумаге непринуждённо, изящно. Как-то утром мы сидели с Русиком в редакции и размышляли, как бы нам в это чудное состояние попасть.

— Слушай, — осенило меня, — ведь у твоего отца наверняка есть вино, неужели не угостит.

— Нугзар, сегодня нет никакого праздника. Если отец и выставит на стол кувшин, два-три стакана нас не спасут.

— А как у него со зрением?

— Толком не видит ничего, по голосу нас различает.

— Тогда пойдём, скажешь, парикмахера вызвал. А уж за работу...

Так и условились. Заявляемся, Русик с порога:

— Отец, ты у нас совсем неухоженный, волосы пора стричь. Я парикмахера привёл.

— Спасибо, сынок.

Я достал ножницы, поцвиркал ими в воздухе, усадил старика посреди комнаты, обернул шею пелёнкой, взял расчёску, с одного бока зашёл, примерился, с другого прицелился... А как стричь, не знаю. Волосы недлинные, причёска аккуратная, хоть бы не испортить...

Сам уверенно командую:

— Не крутите головой.

— Хорошо, хорошо.

Делать нечего, пряди перебираю, ножницами то над одним ухом вхолостую пострекочу, то над другим. «Видит плохо, а слух у него ого-го!» — предупреждал сын.

— Всё! По-моему, нормально, — деловито подвёл я итог.

— Какой нормально? — возразил сын. — Отлично! Отец, надо отблагодарить.

— Да, да. Принеси кувшин вина.

— Один?

— Один, один...

Мы невесело переглянулись: неужели погорели? Но рук не опускаю... И сразу в голове прожект: вместо традиционных тостов, в нарушение всех мыслимых предписаний я, стоя, — тост:

— За ваше здоровье, отец! Сто лет Вам жизни...

— Мне уже сто три.

— ...Желаю двести лет Вам счастливой жизни без капитального ремонта. Шарда амта! [2]

Вы святой человек для всего абхазского народа. До сих пор помнят старцы, как Вы призвали махаджиров не покидать Абхазию, сохранить верность нашей родине. Удары Вашего священного посоха слышала от края до края вся благословенная земля Апсны...

«Что несущ? Бред-то какой...» — стучало в голове. — «Откуда эта чушь?! Сейчас выгонят вшей. Во времена махаджирства даже дед его ещё не родился...» Но остановиться я не мог. Кто-то подкидывал на язык одну фразу безумней другой, голос мой от волнения дрожал:

— Ваши слова священны для каждого абхаза, они и сегодня хранятся в наших сердцах. Вы для всего народа, как знамя...

Старик после этих слов как-то неестественно дёрнулся, подался вперёд и хрипло выдавил:

— Поднимите меня.

Русик подскочил к отцу, помог встать.

Меня трясло от возбуждения, лицо пылало жаром дикого стыда, я с ужасом представлял, что будет дальше... В комнате повисла томительная, тревожная тишина. Голосом, не терпящим ослушания, старик отчётливо произнёс:

— Сын, налей мне!

Русик плеснул вина.

— Полный!

Кровавая изабелла расплёскивалась в дрожащей руке почтенного старца.

— За Абхазию! — сиплым голосом прокричал он и осушил бокал до дна.

Старик ещё долго в состоянии аффекта стучал посохом по полу и, запальчиво брызгая слюной, исходил истошным ором.

— Отец, человека задерживаем, некрасиво.

— Молчи... — грубо оборвал его старик и, повернувшись в мою сторону, нараспев проворковал: — Ты мой самый дорогой гость, сегодня ночуешь у меня. Сын, что стоишь, беги в подвал, носи на стол бочонок лучшего вина.

На следующий день на работу в редакцию появляться не имело смысла.

Примечания:

[1] Антон Чехов «Святочный рассказ».

[2] Шарда амта! (многие лета) — застольное восклицание.

*

Как я искал в Абхазии юмор

*Весела наша компания,
а кто не хвалит, тот каналья.*

Русская пословица

Юмор — есть правда.

С абхазским юмором у меня сразу не задалось.

Перерыл местных классиков, забрался на специализированные сайты, вслушивался в анекдоты и... стал всерьёз волноваться. Где искромётные шутки? Как я умудрился проскочить между каплями дождя — не встретить остроумия. По закону компенсации: если одна нога короче, вторая обязательно длиннее. Может, взамен чувства юмора, у абхазов что-то другое развито? Я решил проконсультироваться по данной проблеме с дипломированными, «остепенёнными» специалистами. Директора Института гуманитарных исследований я прямо так и попросил:

— Помогите найти абхазский юмор! Читал подборку местных анекдотов, подскажите, в каком месте нужно смеяться.

— Юмор? Сейчас найдём.

Он собрал импровизированный консилиум, предоставил мне слово:

— В текстах, заявленных как комичные, ищу соль, ищу повод для улыбки, смеха... и не нахожу. Помогите, пожалуйста, найти мне абхазский юмор!

Самый авторитетный мужчина сделал шаг вперёд:

— У абхазов сильно развита смеховая культура. Можно определенно сказать, смех традиционно служил одним из регуляторов поведения человека в обществе. Абхазы умеют смеяться, иронически, сатирически относиться к себе и другим даже в самых экстремальных условиях. Об этом красноречиво говорят многочисленные анекдоты...

— Тогда, с Вашего позволения, я зачитаю несколько?..

— Читайте!

Я зашёл в интернете на страничку «Абхазские анекдоты» и, преодолевая смущение, прочитал:

«Басиат пришёл к сельскому знахарю Луману.

— Блохи на нас напали, покоя не дают, что с ними делать, подскажи!

— Это очень просто, нужно их выловить, выколоть им глаза и выбросить в реку, они все там и утонут, — ответил мудрый Луман».

Повисла пауза. Абхазские учёные-лингвисты сурово молчали.

— Ещё:

«Прилетели американские астронавты на Луну. Видят: идут им навстречу двое мужчин в черкесках, с кинжалами. Американцы удивились, стали спрашивать:

— Кто вы и откуда?

— А мы абхазы, вот тут на поминках были, сейчас обратно идём».

Напряжение на симпозиуме нарастало.

— Или вот, — не унимался я:

«— Я, Президент Республики Абхазия, торжественно клянусь мамой... Если же я нарушу клятву, и кто-то заметит...»

Вглядываясь в хмурые лица абхазцев, я уже жалел, что затеял эту этнографическую экспедицию. Авторы романов в подобных случаях прямо сигнализируют читателям: «В воздухе пахло грозой». Директор личным примером старался поднять в атаку подчинённых:

— Посерьёзнее, коллеги! Объясните, в каком месте смеяться?

Наконец седовласый аксакал бросил мне в пику:

— Вы сперва сами приведите примеры истинного юмора.

— Я?

— Да, Вы...
— Ну, не знаю, попробую...
Аудитория недобро молчала. Я решил зайти с козырей:
— Может, Жванецкого?
— Да какой это юморист? Он враг, наймит Запада.
— А я считаю гением. Послушайте! — и на память процитировал:

«У нас чего только может не быть. У нас всего может не быть. У нас чего только ни захочешь, того может и не быть.»

Мадам, мы с вами прекрасно дополняем друг друга. Я умный, весёлый, добрый, сообразительный, незлопамятный, терпеливый, интеллигентный, верный, надёжный, талантливый...»

«По тому как он плевал, сморкался и икал за столом, было видно, что он старается держаться прилично».

В ответ — гнетущая тишина...
Теряя надежду, я почти прокричал:

«На вопрос: «как живёшь?» — завыл матерно, напился, набил рожу вопрошавшему, долго бился головой об стенку... В общем, ушёл от ответа».

— Не смешно! — по слогам произнёс аксакал.

Учёные стали расходиться по кабинетам, я остался посреди комнаты один, растерянный, огорчённый... непонятый. Вдруг дверь приоткрылась, молодой человек просунул голову и отчётливо прошипел:

— Магазин «Вина Абхазии», там Гамисония Виктор Хаитович — знает много анекдотов.
— Спасибо! — прошептал я.

Указанную торговую точку нашёл довольно легко.

Захожу...

У входа брился мужик: щёки, подбородок в мыльной пене, он стоял и напряжённо вытягивая шею, разглядывал себя в крупный осколок зеркала.

«Уже смешно!» — обрадовался я.

— Где мне увидеть Гамисония?

— Это я, — мужчина невозмутимо продолжал орудовать опасной бритвой.

— К вам.

Небольшое торговое помещение магазина напоминало нечто среднее между рюмочной и кабинетом школьной пионервожатой: пустые бутылки, ценники, два общепитовских столика, портреты Ленина, русских писателей, горн, барабан, вымпелы...

Фото

Виктор Хаитович, заметив мой интерес, пояснил:

— Школа освобождалась от наглядной агитации, всё выбрасывала, так я — сюда. До сих пор испытываю ностальгию по Советскому Союзу. Я был молодым, московский ВУЗ заканчивал, хлеб был дешёвый, 20 копеек! жили счастливо. Родился в 1937-м, самые лучшие годы...

— Не все считают 37-й самым счастливым годом в Союзе. У вас магазин частный или государственный?

— Частный.

— В СССР Вам бы за него впаяли приличный срок.

— Это так, — миролюбиво согласился Виктор Хаитович. — Тогда мы входили в состав Грузии...

— Это плохо?

— Очень.

Я силится понять абхазов: все хвалят Советский Союз, но при этом политические репрессии им, видишь ли, не нравятся, отсутствие статуса государства раздражало, запрет частного предпринимательства — невыносим. Начинаешь выяснять, оказывается, главное завоевание СССР состояло в том, что сами тогда они были моложе, и за это от всей души генсекам спасибо:

Если женщина красива
И в постели горяча —
В этом личная заслуга
Леонида Ильича [1].

— Виктор Хаитович, я записываю абхазские байки, тосты, анекдоты... К вам, как ходоки к Ленину, попал не просто так, направили из Института гуманитарных исследований.

— Вам за анекдотами надо к начальнику транспортной милиции. Однажды я оказался с ним на мероприятии, заслушался... Вот уж где Ходжа Шарадын [2]. К нему Вам!..

Хозяин магазинчика устроил мне дегустацию абхазских вин, но анекдота местного разлива не смог припомнить ни одного. Я поблагодарил за «наводку» и отправился по указанному адресу. Его совет меня нисколько не смутил: я уже в Дагестане усвоил — на Кавказе самые талантливые весельчаки-юмористы сконцентрированы в милиции, словно туда идут на повышение из «Театра эстрады».

Контора транспортной милиции Гэ Сухум — напротив железнодорожного вокзала, мрачного здания без стёкол, в пробоинах от снарядов. «Пока не слишком весело», — мелькнуло у меня в голове. Дежурный на входе за стеклом, тёмный длинный коридор, приёмная начальника, кабинет... Крупный мужчина в цивильном костюме заканчивал чихвостить подчинённого по телефону... а глаза у самого добрые.

— Аслан Тачевич, спасайте-выручайте!

— Что с вами?!

— Не со мной, с Абхазией. Спасайте престиж родной республики! Нужны остроумные люди...

И я изложил просьбу.

— Тридцать восемь лет на службе, с такими просьбами никто в милицию не обращался, но Вас понимаю: нельзя писать лишь о войне — человек с ума может сойти. Жизнь богаче! Юмор позволяет перезагрузить закипающий мозг. Я стараюсь, когда ситуация тупиковая, перевести разговор в шутку. В милиции ухочешься! Да что Вы...

А уже через два часа мы сидели на набережной в знаменитой «Брехаловке» в компании его друзей. Солировал Аслан Тачевич:

— Помню начало работы: я молодой лейтенант, после учёбы, в первый же день меня отправили на место происшествия. По дороге знакомлюсь с напарником:

— Меня Аслан зовут, а тебя?

— Т-ттоже А-ааааа-слан.

— Ты не равняй! Я хоть и Аслан, но не такой длинный.

Добираемся по адресу: новый дом, опрашиваем жильцов, ищем свидетелей разбоя. Пока сержант заикается в одной квартире, я обойду пять. И тут на площадку, шарыхая тапками, выходит старушка.

— Бабушка, Вы случайно грабителей не видели?

— Видела, сынок...

Говор у неё с сильным абхазским акцентом.

— Опишите этих негодяев, какие-нибудь особые приметы.

— Один выше, другой ниже!

— Ну, теперь мы их быстро поймаем! «Один выше, другой ниже»... А по национальности, не обратили внимание: армяне, грузины, русские... абхазы...

Только дошёл до абхазов, старуха, как взвизгнет.

— А!.. Как можешь наш народ позорить. Разве бывают абхазы бандитами?!

Она сорвала с плеча полотенце и давай хлестать, гнать меня вниз по лестнице, осыпая проклятиями, как орлица налетела... В общем, выполнение моего первого боевого задания бабка сорвала.

Александр, постепенно буду знакомить тебя со своими друзьями. Этого уже знаешь — Рома, судья. Мы обменялись поклонами.

— Сегодня думаю, кого взять в компанию, на разговор? Рома, три раза тебе звонил, ты не взял трубку.

— У врача был.

— На слово мы тебе, конечно, бы не поверили, но убедились сами: едем, гляжу Рома топает по центру Сухума в синих бахилах... Кричу Александру:

— Смотри! Вот тот нам и нужен!

— Потому что из больницы сбежал?

— Нет, потому что мой друг.

Я согнулся от хохота, вспоминая ситуацию.

— Уа-хаа-хаа! — вторил Аслан.

— Забыл в больнице снять, — сконфузившись объяснил Роман.

— Представь!.. какие решения на су-де-еее... он выноси-иит!.. — стонал Аслан.

— А-га-ааа! Хр... хорошо, на... ноги... — подхрюкивал я. — При мне в Очамчырах, в поликлинике, старик бахилы на голову напялил... думал, шапочка...

— Да ладно вам! — отмахнулся Роман.

— Александр, вчера у нас инаугурация президента была — наш национальный праздник. Хотел кого из коллег позвать на разговор с писателем, но мужики опухшие, все по размеру сделались больше меня. Я к Валерию Шаловичу с утра заглянул, мне сразу такие две штуки дали, — Аслан показал на вазу. «О, — думаю, — не напрасно зашёл!» Сидим, заходит со своим стаканом зам (он всюду ходит со своим стаканом), мы — пятый раз по второй... А ещё сегодня свадьба. Думал, хоть один день не буду пить, куда там... Как тяжело, Саша, жить у нас в республике. Вчера там, сегодня здесь, завтра в селе друг пьянку устраивает...

Говорят: «Работай!» Когда-аа?!

Аслан повернулся к франту в белом костюме:

— Бесик, теперь ты давай свои байки!

Бесик поправил золотую оправу очков и ломаться не стал:

— Рубен недавно приезжал, сейчас в Америке живёт. Жалко Вы не познакомились... Заглянули с ним сюда, в «Брехаловку», выпили по пятьдесят. Раньше-то мы частенько заходили.

— «Частенько»!.. Вы не частенько заходили, — хмыкнул Аслан, — вы не уходили отсюда! «Часто заходили», говорит.

— ...Аслан, не сбивай! До войны он в Сухуме лучшим следователем был, а сейчас в США простой каменщик, жаловался: «Совсем жизни нет, не могу найти другую работу. Обхожу конторы, первый вопрос на собеседовании: какое, мол, образование? Объясняю им популярно: «Юрфак»! — «Fuck me?!» Глаза по пять копеек, и сразу выгоняют».

Бесик довольно хохотнул.

— Подвыпили, шнобелем уткнулся мне в плечо и давай душу изливать: «Бесик, — хнычет, — не поверишь, кругом жучки: за Америку плохого не скажи. На жену, дочку, сына не смей голос поднять, не то что руку — сразу посадят. Дочка приводит домой гориллу: «Это мой бой-френд!» Заводит в комнату, и он там дерёт мою дочь. В моём доме! Я — живой, за дверью стою, слушаю...

Скажи, ну, какой абхаз может это вынести? Я ему говорю: «Пошёл на ...уй!» Главное, сразу оделся, ушёл. Это мы здесь привыкли, тебе говорят «иди на ...уй!» А ты хочешь — идёшь, не хочешь — не идёшь. За стенкой у меня немцы живут, прикинь. Настоящие немцы! В пять утра перфоратор врубил — не понравилось, немчура проклятая... Гавкают что-то по-своему... Жена переводит: «Как вы смеете нас будить в пять утра? Будем жаловаться в полицию!» Я им через стенку на абхазском: «Вы когда войну начинали, ваш Гитлер всю нашу страну разбудил в четыре утра! У меня дед, чтоб знали, до Берлина дошёл!» Сразу заткнулись, примолкли... Сволота! Мне жизни никакой нет в этой Америке, я там на птичьих правах! — задирает штанину, показывает ногу: — Весной травму получил. Поднимал кирпичи вверх, сорвался блок, раздробил большой палец на ноге. Я сразу бот скинул, ногу — в холодную воду. Хозяин тук как тут: «Чего стоишь?» Показываю, нога бордовая вся, опухшая, в ботинок не лезет. «Хорошо», — буркнул. Обрато идёт, опять увидел меня: «Всё стоишь?!» Раз живой, должен работу продолжать».

А кто его просил из Абхазии уезжать? Глаголет умно, а зад в навозе. Я извиняюсь, по-русски скажу: «Твою мать!..» — в сердцах произнёс Бесик.

— Э!!! Ора-аа! — встрепенулся Аслан. — У нас так нельзя говорить!.. Делать можно.

— Александр, по-русски ведь можно матюгаться? Иногда хочется...

— Владимир Владимирович писателям разрешил [3]. Наши предки не для того ломали голову, выдумывая магические слова-обереги, чтоб они пылились в запасниках. Это как гласные, попробуй любую фразу произнеси без них, самую замечательную: «Псть всгд бдт слнц!» На что похоже?!

— На абхазский похоже! Давайте за наш язык, дадраа! [4]

Мы дружно выпили, как за такое не выпить? И Бесик продолжил:

— В составе официальной делегация абхазов я ездил в Африку подписывать договор о признании республики. В ресторане официант предлагает на выбор:

— Есть чёрная икра, чёрная колбаса и чёрное молоко.

Мы переглядываемся:

— Ну, «чёрная икра» — понятно, «чёрная колбаса» — куда ни шло, можно представить. Но «чёрное молоко» не видели ни разу. Давайте закажем!

— Нам всем чёрного молока.

— Хорошо.

Заходит негритянка, по пояс обнажённая, из груди сочится молоко.

Мне руководитель под столом наступает на ногу:

— Хорошо, не заказали чёрную колбасу.

— Записано! — радостно сообщил я.

Аслан указал на следующего приятеля:

— Александр, это Леван, великолепный человек, но армянин. Всё равно наш, будем считать... Мы с ним дружим, просто, по-человечески, без приводов в милиции. Леван, теперь ты, наши местные легенды, притчи...

— Были...

Абхазец проезжает туннель в Кодорском ущелье, на выезде гаишник с жезлом.

Останавливает:

— Ты почему свет не включил?

— А откуда я знаю, где у вас в тоннеле свет включается.

— Есть!

Гаишника приняли на службу: удостоверение выдали, пистолет, жезл. И он ушёл. Неделью нет, вторую, месяц проходит. Начальник приказывает:

— Найдите человека, ему уже зарплату получать.

Разыскали в родном ауле:

— Ты когда за получкой?

— А у вас ещё и деньги платят?

— Ещё! — не унимался я.

Абхазец попадает на необитаемый остров, никого нет. Десять лет провёл в молитвах... Наконец смотрит, к острову кто-то плывёт... Выходит кра-саавица... идёт к нему:

— Я принесла то, о чём ты столько лет мечтал.

— Мамалыгу?!

— Следующий!

Студента медфака на экзамене спрашивают:

— Что такое склероз?

— Можно своими словами?..

— Ну, пожалуйста.

— К нам в Абхазию мингрельцы приехали в гости, а уехать забыли.

— Понят-ноооо...

Я не заметил, как за разговорами, за смехом пролетело время.

На прощанье мы обнимались, словно старые друзья:

— Аслан, мужики, спасибо вам! Вы закрыли брешь в материале практически своей грудью.

— Раскудахтались немножко...

— Берегите себя! — умолял я. — Вы — живое национальное достояние.

Примечания:

[1] Советский фольклор;

[2] Шутник-балагур, герой абхазских сказок;

[3] Forbes.ru, 28.01.2015 «Путин допустил использование мата в литературе»;

[3] Дадрaa (абх.) — абхазское торжественное обращение к собравшимся.

*

Мужское братство

Плеть держится кольями, а человек — человеком.

Абхазская поговорка

Водителю маршрутки, молодому парню, я выразил искреннее восхищение:

— У тебя акцента нет совсем.

Он ухмыльнулся:

— Мама русская, родился в Иваново, прожил там до 18 лет.

— Ты-то мне и нужен... И как? Где лучше?! Чем люди отличаются?

— В России люди — ...овно.

— ?.. Сурово.

— Называют другом человека, с которым живут рядом, вместе выпивают, откровенничают, а случись что — его нет: «Мама не пустила, жена не разрешила». Не понимаю такого. Мне есть с чем сравнивать... в Абхазии не так.

— Твоя русская мама в курсе, как ты оцениваешь соплеменников?

— Причём здесь она? У подруги умерла родная тётя, так она даже на похороны не соизволила пойти, дом через дорогу — «пьяница!»

— Однако, Россия единственная помогла Абхазии во время войны...

— ...Ну, я же не за весь народ.

Нугзар позже выдвинул версию:

— Этот парень почувствовал разницу в понятиях «друг» здесь и у вас. Мужское братство у абхазов в чести... Про это тоже сложили легенду.

Жил в стародавние времена смелый и удачливый охотник Керим.

Как-то раз подстрелил он лань. Керим срезал виноградную лозу, крепко связал ею ноги лани и поволок добычу домой, в долину. Долго волок Керим тяжёлую ношу, устал, вечер опускался на землю, а до родного селения ещё далеко. «Переночую у старого приятеля, живёт тут недалеко». Он спрятал добычу в яму, забросал ветками, когда озарила неожиданная мысль: «Интересно, верный ли он друг? Надо испытать, ведь дружба познаётся в беде...»

Дружок встретил Керима радостно:

— Заходи скорее! Ты всегда желанный гость!

Но Керим с порога трагически произнёс:

— Сегодня не гостем к тебе, со мной беда!.. Я убил человека...

— Убил человека? — ужас застыл на лице дружка.

— Да. Убитый там, у дороги. Помоги закопать, чтоб не осталось следов. Спешить надо, пока ночь, идём!..

— Ты убил челове-еека?

— Да, да!.. Видишь, весь в крови. Пойдем скорей! Один не справлюсь. Захвати лопаты...

— Послушай! Я, конечно, никому не скажу... Я твой друг, можешь на меня положиться...

Всё готов делать... Но... тогда и меня...

Керим не дослушал, круто развернулся, ушёл.

«Вот она, дружба!» — с горечью думал он, направляясь в соседний дом, там жил сверстник, вместе они ходили на охоту, в один год женились. Керим и его попросил помочь.

— Плохо твоё дело, — посочувствовал тот. — Но зачем ты хочешь, чтобы я, как сообщник, отвечал за твоё преступление?

— Значит, не выручишь?

— А ты хочешь навлечь беду и на меня? На меня, ни в чём не повинного?

— Прощай! — крикнул Керим и снова отправился в путь.

Он обошёл одно село, затем соседнее, всюду встречая отказ. Уже под утро Керим внезапно вспомнил брата Дахара: семь лет они враждовали, старательно избегая встреч друг с другом. Невеста Дахара в день свадьбы убежала с Керимом в горы. Дахар тогда Кериму пригрозил:

— Ты опозорил меня! Братоубийцей не стану, но никогда не показывайся на глаза, слышишь! И знай: отныне у меня брата нет!

Прошло семь лет... С тех пор они ни разу не сказали друг другу ни слова.

Близился рассвет, когда Керим постучал в дверь пацхи Дахара.

— Кто здесь? — окликнул глухой голос.

На пороге стоял Дахар.

— Ты?

— Да, я... твой брат... — проговорил Керим.

— Нет у меня брата! — резко ответил Дахар.

— Прошу тебя... выслушай...

— И слушать не хочу! Прочь!

— Беда, Дахар! — взмолился Керим. — Я убил человека... Спаси меня! — простонал Керим и рассказал Дахару то, что рассказывал в эту ночь всем. — Скорей же, Дахар, торопись! Погибну, если не поможешь...

Светало, когда братья подошли к яме.

Керим разбросал листья, ветки, указал Дахару на лань.

— Вот, её я убил! Не убивал человека. Хотел только узнать, кто мой друг? Теперь знаю, что мой истинный друг ты, Дахар!

— Мужское братство ценится у нас, абхазов, превыше всего! — признался Нугзар. — Торговля, кустарное ремесло не для нас. Испокон веков наши мужчины, чтоб не закисала кровь, предпочитали заниматься каким-нибудь опасным делом — войной, грабежами, воровством... «Княжество Абхазия — это непрерывная бойня родов, кинжальщина, интриги и разбои...» — так отзывались о нашем благодатном крае в 1912 году [1].

Слушая Нугзара, я вспомнил у Фазиля Искандера: «В наших краях доблесть мужчины проверялась способностью с наибольшей дерзостью угнать чужого коня, стадо овец или, в крайнем случае, корову. Это была своеобразная восточная джентльменская игра, при которой хозяин, обнаружив пропажу, гнался за обидчиком и стрелял в него без всякого предупреждения. Игра была благородной, но опасной. Вот почему горец, показывая на своего коня, клялся всеми святыми, что он у него ворованный, а не какой-нибудь купленный или дарённый. Иногда конь оказывался именно купленным или подаренным, тогда клеймо позора ложилось на хвастуна до тех пор, пока он его не соскребал строго доказанной дерзостью» [2].

Нугзар поднял указательный палец, заостря внимание:

— Истари абхазы считают: именно лихие дела и роднят нас с русскими. В Абхазии бытует убеждение: «Россия чисто военная держава, в ней только и делают — что сражаются да покоряют других, а не торгуют и почти не занимаются земледелием» [3]. Однако, как ты заметил, Александр, всё в Абхазии имеет свою особенность, воровство в том числе. Повсюду воровское сообщество — теневое правительство над государствами, у вора нет идеологического врага, воры — граждане мира, интернационалисты, миротворцы. Вор не имеет права, по законам общака, воевать. Но абхазский вор — прежде всего патриот, а уж потом член тайного ордена... Мужское братство для него выше любого закона, выше любых понятий.

— Лихо!

— Во время войны у нас вор в законе воевал, после кто-то из блатных на сходке в Москве показал фото, где он стоит с автоматом в руках. Ему «дали по рогам» — лишили высшего воровского звания: «Нарушил воровской закон!»

Да, воровское сообщество — параллельный мир.

Не зная его, не понять и устройство государства. Воруют повсюду, даже в Америке... И всё же в Абхазии к ворам отношение особое... Не просто уважительное — восхищённое, как у нас к космонавтам! Профессия эта в Стране души окружена ореолом романтики. Более того, в пантеоне абхазских богов бог воровства и разбоя Эйрих-Аацных занимает почётное место [4].

повсюду тырят и всегда
с момента сотворенья мира
но Бога-кореша имеют
лишь воры сказочной Апсны

Честно написать про Абхазию, обойдя стороной тему воровства, нельзя.

Я так считаю не потому, что на рынке у меня дважды вскрывали молнию на рюкзаке, и не после личного знакомства с вором в законе (кстати, очень эрудированным, обаятельным горцем). Просто многие собеседники заводили на эту тему разговор сами, отмечая: воровские понятия справедливее светских законов.

Иосиф Бродский разоткровенничался в «Письмах римскому другу»:

...Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.
И от Цезаря далеко, и от вьюги.
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все наместники — ворюги?
Но ворюги мне милей, чем кровопийца.

Я хочу повторить, вслед за поэтом, и «мне милей»...

Примечания:

[1] «Из кисловодской старины» Кавказский край. Пятигорск, 1912. 27 ноября.

[2] Фазиль Искандер «Айша»;

[3] Станислав Лакоба «Крылились дни в Сухум-Нале». (Капиталист Уинстон Черчилль проводит эту же мысль: «Я думал, что умру от старости. Но когда Россия, кормившая всю Европу хлебом, стала закупать зерно, я понял, что умру от смеха». Викицитатник ru.wikiquote.org/wiki/Уинстон_Черчилль)

[4] Роман Петрозашвили «У стен Анакопии».

*

Природа

Без Апсны и абхазу не быть.

Абхазская пословица

На берегу озера Рица писатель Джума Виссарионович Ахуба воздел бокал:

— Над Абхазией до небес возвышаются ледяные горы, от них даже летом веет холодом, у ног — ласковое Чёрное море. Абхазия заключена навек между злом и добром, между жизнью и смертью. Мы, абхазцы, похожи на братьев, у которых сказочно красивая сестра. Мы всегда должны быть настороже, кинжалы наши наполовину вынуты из ножен. Ведь многие хотят умыкнуть красавицу. Всем она нравится, все хотят ею обладать.

Хотел бы посмотреть, кто откажется за такое выпить стоя?

На этой благодатной абхазской земле природные жемчужины — россыпью. Одна на другой! А кто может рассказать о природе лучше охотника, кто её подмечает зорче? Никто. Руслан Гварамия — один из таких, и когда он пригласил в гости, я не раздумывал. Его коренной — родительский дом — в предгорье Кодорского хребта. Мы расположились на просторной лужайке, Руслан вынес альбом с фотографиями, а я всё поглядывал на небо — собирался дождь.

— Станет накрапывать, спрячемся под крышу, — успокоил он. — Ткуарчал раньше всегда считался мочевым пузырьём Абхазии. Сейчас климат меняется, надвигается большая засуха. Птицы, звери чувствуют её заранее. Раньше в лесах енот не водился, теперь есть. Белая сова — вообще северная птица. Попала в капкан, несъедобная, зачем должен убить? Вылечил, отпустил. А некоторые птицы наоборот пропали, рупала, например. (Авт. Со своей стороны отмечу ещё одну биологическую странность: ни с того ни с сего в последние два года в Карелии резко сократилось количество комаров.)

Руслан раскрыл альбом:

— У нас очень красиво... Здесь на склонах Кодорского хребта более тридцати озер: Адуада-Адзыш, Орка-Цкали, Дериквара-Адзыш, Кабирваш... Это место называют «голубым ожерельем Кодора». В верхних горных цирках шумят водопады. Среди скал, альпийских лугов прячутся малые и большие ледниковые озера и среди них, в истоках реки Бутыхах, одно из самых глубоких, красивых в Абхазии — озеро Адуада-Адзыш. На террасе перед озером каскадный водопад. В конце июля жара, а здесь ещё цветут рододендроны.

Горы даны для созерцания, для радости души.

Нельзя ходить в лес за куском мяса. Ты иди, не ставя перед собой такую цель, и Бог даст тебе. Где бы ты ни был, твой кусок тебя найдёт, хоть на другом конце света. И когда отправляешься за дровами, топор не должен быть направлен лезвием к лесу, лес не должен чувствовать угрозу...

Предпочитаю ходить в горы один.

Сам на сам.

Люблю слушать, как распускаются цветы.

Люблю быть выше облаков.

Ступаешь, как в сказке...

А вечером... Озеро под облаком и тишина...

Темно-синяя гладь воды покоится в чаше из воронёных скал. Сверху по уступам стекает ручей, поверхности озера касается чистый белый снежник.

Разведу на привале костёр... В котелке варится дичь, ароматом дурманя...

Это и есть счастье!

Я с детства — так. Отец у меня был прославленным охотником, с природой на «ты». Сто семнадцать лет прожил. Отец-долгожитель знал день и час своей смерти. Однажды пригласил нас с братом за стол и сделал это как-то необычайно торжественно: одет с иголки, чисто выбритый. (Думаю: «С чего бы?»)

— Здоровье у меня неважное, — говорит. — Собираюсь умирать, но прежде должен поднять два тоста. — Сам налил бокал вина. — Я оставляю после себя самое дорогое — сыновей и нашу уникальную абхазскую природу. У нас об этом не принято... но в час, когда ухожу, — другие законы.

— А второй тост за что хочешь поднять, баба?

— Второй за долгожданную скорую встречу...

И опять выпил бокал до дна... Затем поднялся, ушёл в свою комнату.

Через пятнадцать минут мать выходит бледная:

— Отец умер.

Я смелый-смелый человек, но у меня мурашки по телу...

Руслан Гварамия, фото

Описывать природу Абхазии — занятие бестолковое.

Приезжайте и полюбуйтесь сами.

Такое стоит увидеть лично, прочувствовать, проникнуться...

А рассказывать о водопадах, в которых купался, о белоснежных вершинах на фоне ярко-голубого неба, о россыпи дурмящих цветов... Можно, конечно. Можно-то всё. Но довольствоваться этим?! Не знаю... Это всё равно, как свидание с любимой променять на чтение занудной научной статьи о размножении чаек на Белом море.

Единственно, что мне, любителю дикой природы, не понравилось:

Голубое озеро, жемчужину Абхазии, как мухи зеркало, загадили торговыми палатками фарисеи, облепили фотографии с обезьянами на поводках.

Этот брильянт должен быть в оправе нежной зелени.

Нельзя пускать торговцев в Храм природы.

*

Вера

*Чья страна, того и вера (того и религия).
Cuius regio, eius religio [1].*

Фото: Районная больница в городе Гал

Абхазия позиционирует себя как православный регион...
Приколно!
Насколько всё-таки русское православие отличается от православий других.
Взять лишь одну деталь...
Православный человек в России входит в храм задолго до церкви.
Ещё не ласкают глаз маковки золотых куполов, ещё петляет тропинка в высоких росистых травах, а навстречу из-за холма уже льётся малиновый благовест.

Как нежный звук любимых слов
На языке полупонятном,
Твердит о счастье необъятном
Далёкий звон колоколов [2].

Ни разу за полтора месяца я не слышал в Абхазии живого колокольного звона — один раз довелось услышать перезвон на «входящем» мобильного отца Виссариона, настоятеля Сухумского кафедрального собора.

В Западной Европе при православных храмах тоже висят колокола, но у них функция сигнальная — «сбор на духовный обед». Стиль православной храмовой музыки далёк от западных традиций... Русская православная на колоколах — другая. Не «Подмосковные вечера», не танго... Православные колокола — не «бим-бом, загорелся Кошкин дом». На Руси на колокола возложена миссия искусства, подобного нет нигде в мире. У нас колокола не настраивают по нотам: до, до диез... Это иная музыка. Это музыка стихии, музыка природы... В основе её — ритмическое постоянство. Это триада: верхние зазвонные колокола, высокие — звонарь звонит правой рукой; мелодические колокола — звонарь звонит левой рукой; и бас — один, два или больше — звонит ногой. Сбалансированная ритмическая структура... В итоге получается мелодия, но не в обывательском смысле слова, чтоб песню спеть, а со своим особым звукорядом. Спеть его

невозможно, можно только услышать. В Западной Европе карильонный колокол нивелируют, чтобы поменьше обертонов: до диез, ми, фа. А в православной культуре: отлили колокол и — не трогают, не подтачивают, как есть, как Бог дал. У нашего колокола огромный комплекс обертонов. Послушайте особенно большие колокола — каждый поёт голосом своим, уникальным. Коли их много — получается сочная богатая симфония. Из этой музыки русские звонари изобрели разные жанры: погребальные звоны, будничные, праздничные, красные, великие, малые. К тому же каждая церковь обладает звонами собственными, наборами колоколов неповторимыми.

За годы советской власти культура колокольного звона пришла в упадок. Сейчас по крупицам, шаг за шагом её восстанавливают. Когда после семидесяти лет молчания впервые зазвучали колокола, вся Красная площадь на колени встала.

Русь тысячу лет на этом воспитывалась, теперь пробудилась.

Это только, что касается колокольного звона. И так можно перечислять, перечислять...

В Абхазии православие иное.

Игорь Герзмава мне объяснял популярно:

— Есть «аныха» — святилище общенародное, их семь, а есть ажира — святая кузница, святилище рода. Там находятся железные предметы, доставшиеся по наследству от предков: наковальня, щипцы, кованые части от арбы, там хранится энергия рода, там молятся, приносят жертвоприношения Богу, забывая козла. Я чуть-чуть православный, чуть-чуть язычник. У меня тоже дома кузница, как в старину у наших предков. Поклоняюсь Духу гор, Духу воды, Духу леса.

— Удивляюсь, как вы не запутали Господа?

— Господь милостив... Именно такую дал нам веру. Ведь как-то сохранить себя надо, хотя очень трудно. Вон Греция, колыбель мировой цивилизации, оттуда пошла поэзия, арфа... И что мы видим сегодня? В Греции нет собственного оркестра народных инструментов. Страна, народ, этнос деградируют, исчезают. В Абхазии целых два оркестра народных инструментов, свои мастера, которые изготавливают инструменты по старинным технологиям. Стоит забыть истоки, предать забвению культуру, и потеряешь себя. Чем сильны абхазы? Корнями. Вроде бы такой маленький народ, целиком на стадионе Уэмбли весь поместится, ещё и свободные места будут, а страна оказалась непобедима. Выходит, наша вера сильнее.

Когда задаёшь вопрос, кто ты по вере: православный или мусульманин, часто можно услышать ответ: «Я абхаз! Зачем мне такой ислам, который мешает быть абхазцем? Ислам откуда-то пришёл — апсуара была всегда». Абхазские мусульмане с удовольствием едят свинину, пьют вино, водку, никакого намаза не делают, в мечеть не ходят (в Абхазии нет ни одной мечети!), но искренне считают себя мусульманами. Никогда у абхазов при создании семьи не смотрят на религию, уважают все традиционные веры. Если дедушка христианин, бабушка мусульманка, то дети соблюдают те и другие религиозные обряды. Существует твёрдое убеждение: если отдать какой-то вере предпочтение, душа обидится. Такого больше нет нигде в мире! Единственно, абхазы не любят сектантов.

Сила ажира — могущественная, сила аныхи — много больше. Все абхазы в это верят. Мы уважаем и боимся святилища. Жрецы у нас — на первом плане, они нам ближе, чем церковные священники, чтим их больше. Человек спокойно, не моргнув глазом, может соврать под присягой любому, здесь солгать не смеет. Это не прокуратура, не суд, никого подкупить не удастся. На святилище Дыдрыпш первый Президент Абхазии давал клятву. Более трёхсот лет идёт там служба. На горе той растёт дуб, обложенный камнями. Абхазы, когда клялись, оставляли в залог топоры, ножи — они и сегодня там. Один род проклял другой, принёс в качестве жертвоприношения козла и попросил у Бога:

— Пусть проклятие висит над этим родом, пусть беды настигают до тех пор, пока они не построят золотой мост через реку.

Век висело проклятье, много умерло из-за него молодых и старых. Главе рода удалось снять порчу, когда догадался построить мост, вбив в первую и последнюю ступеньки по золотому гвоздю.

Я спросил себя: где ещё есть такая колоритная вера?

Нигде.

В православной церкви Абхазии — раскол, поэтому я встречался с одним пастырем и с другим, был у ясновидящей Аиды Кове в Гудаутах, побывал в гостях у жрецов в сёлах Ачандара и

Лыхны. Каждого «смотрящего» я попросил помочь через своего Бога написать мне лучшую в мире книгу об Абхазии. Все пятеро с пониманием восприняли просьбу и согласились.

Рассказывать об этих встречах не стану... Крайне деликатная сфера.

Да и разве стоит рассказывать всё, что знаешь?!

Чёрта спросили:

— Как ты стал чёртом?

— Я говорил обо всём, что видел.

А потому, любопытство, по швам!

Нугзар допытывался:

— А ясновидящая? Зачем тебе вся эта «херомантия»?

— Хочу написать про Абхазию книгу лучшую в мире, значит, навалиться надо всем миром — кашу маслом не испортишь.

Нугзар Салакая, фото

Отец Виссарион, благословляя, напоследок сказал:

— Абхазы со славянами в одной духовной упряжке — наследники вечного. Неужели мы настолько неразумны, чтоб променять этот дар на какие-то мелкие, сиюминутные цели? Желая каждому не размениваться. Желая каждому стремиться к небу!

Да, стремиться нужно именно к небу.

Мне близко отношение абхазов к религии.

Жрецы, священники, ясновидящие, муллы, якобы православие, якобы мусульманство гармонично уживаются в сознании абхаза. Не противоречат друг другу, наоборот, дополняют, придавая новый, более глубокий необычный вкус жизни. Оно и понятно... Все мы бывшие октябрята, пионеры, комсомольцы. Теперь россияне опять стали православными. С другой стороны отнять языческие праздники у нас никто не смог. Неразрывно связанные с природой, они таят в себе глубокую сакральную суть. Обряды, которые совершали в старину наши великие предки-пращуры, призваны обеспечить мирное сосуществование, лад с Матушкой Природой, связь с нашими родными славянскими Богами. В день весеннего равноденствия славяне по-прежнему отмечают великий праздник Масленицы, летом Яблочный Спас, 21 ноября (грудень) — приход Морены-Зимы, день богини смерти Марены, с 25 декабря (стуженья) по 6 января (стуженья) отмечают Большие Велесовы Святки — двенадцать святодней, символизирующих собой двенадцать месяцев в году. Советский Новый год мы тоже отмечаем за милую душу, причём два раза: новый Новый год и — контрольный выстрел по печени — старый Новый год, заодно Рождество Христово по католической традиции и по русской православной, не забыв выпить за

год «козла» и «дракона» по восточному календарю... Мы ни от чего не отказываемся, ничего не выбрасываем. В хозяйстве всё сгодится... Ни дня без праздника, ни вечера без повода!

Всё потому, что родина у нас одна — красный Советский Союз.

советские мы — это значит свой
партилет храним в божничке
доклад читаем скрестив пальцы
плюёмся видя чёрну кошку

В Абхазии не все крещёные, но все верующие.

Непонятно только, что это за вера?

Это мой вопрос знатокам...

P. S.

Адгур, что возил меня на святилище, размышлял вслух:

— Не понимаю одного: аныха — всеильны. Однако махаджирство они попустили, а в отечественную войну нас защитили. Может, оттого, что Россия тогда была против, а сейчас «за»? Старики учат: «Рассветает не потому, что прокукарекали петухи».

Примечания:

[1] Константин Бальмонт;

[2] Краткая формулировка принципа, положенного в основу Аугсбургского религиозного мира (1555). Она приводилась уже в мемориале группы сеньеров (крупных французских феодалов) на Генеральных штатах в Орлеане 1560 г. >История Франции. – М., 1972, т. 1, с. 194. Имелось в виду, что подданные принимают веру своих правителей. В 1599 г. немецкий каноник и правовед Иоахим Стефани включил эту формулу в «Установления канонического права» (1, 7). > Kasper, S. 65; Markiewicz, s. 395.

*

Надежда

*В правде Бог помогает,
в неправде запинаят.*

Русская пословица

Председатель Народного собрания Славик Евгеньевич Квеквескири припомнил:

— Чтобы исключить фальсификации во время выборов, решили пометать палец проголосовавших краской. Но краска нужна специальная, чтоб не смывалась, аллергии не было. Нашли в Китае, отправили посыльного. А сколько брать? На выборы обычно ходит не больше ста... Прикинули: краски нужно на двести тысяч, вдруг будет два тура. Китайцам чудно:

— Двести тысяч? Кого выбираете? Председателя сельсовета?

— Президента страны.

Изумляются китайцы, у них в деревне жителей больше.

Им наших масштабов не понять. Абхазия — крошечная держава. Пилоты самолётов при посадке боятся проскочить страну, это как на авианосец садиться.

— Велик буйвол, да воду возят, мал сокол, да на руках носят.

— Согласен, размер — не главная наша проблема... Абхазы — максималисты. Мы хотим всё и сразу. Ко всему с ленцой относимся, нас природа расхолаживает: не напрягаясь можно прожить. Прав учёный Иван Ильин, который считал, что переход от коммунизма к государственности возможен только через национальную диктатуру и авторитарный режим.

Сейчас главой республики избрали авторитетного, знающего абхаза, он разберётся...

Вновь избранный Президент Абхазии Рауль Хаджимба.

Ещё задолго до встречи с ним я был под впечатлением от восторженной людской молвы. И вот на приёме... Рауль Джумкович принял меня, несмотря на многократно перегруженный график:

— Народы России оказали нам в обретении статуса независимости помощь неоценимую, абхазы этого не забудут никогда. Верю, наше сотрудничество будет лишь укрепляться. Об этом нужно полнее рассказывать... Дай Бог, чтоб ваша книга об Абхазии удалась.

Война — страшное испытание, страшное горе. Война показала силу духа абхазского народа, который сплотился вокруг лидера, объединился в одном порыве ради спасения Родины, ради сохранения святой земли наших предков. И победил. Абхазы, чеченцы, армяне, мингрелы, русские стали единым целым. Нам и теперь, в мирной жизни, нужно достигнуть такого же единства, сотворчества, согласованности, тогда мы победим и в труде. После инаугурации я планирую провести коллективный молебен на святилище в селе Лыхна. Эта наша традиция, а от традиций отступать не хочу. Хочу встречи с народом на исторических площадях в Лыхнах, в Мыку сделать регулярными, не ограничиваясь посланиями Президента и встречей с чиновниками. Людям нужно откровенно рассказывать, что получается, где проблемы, обозначать причины, пути устранения. Нужно, чтобы народ из созерцателя превратился в соратника, союзника. Однако молебен — не всё... На Бога нужно надеяться, но и самим работать напряжённо. В одночасье не получится преодолеть все трудности, но дать импульс, начать движение мы обязаны. Люди хотят лучшей жизни здесь и сейчас. Политические декларации, прожекты хороши, если реальную отдачу почувствует на себе каждая семья. Нужно предоставить горцам работу, гарантированную зарплату. Планируем развивать частный малый и средний бизнес, обеспечив тем самым включение молодёжи в процесс созидания. Нужно сократить число чиновников. Не секрет, чем больше чиновников, тем больше проблем! Больше хаоса, больше коррупции... Это везде так. И для того, чтобы снизить у чиновников интерес к государственной казне, планирую использовать наши абхазские традиции...

При этих словах я решился предложить свой рецепт:

— Жрецы открыли мне секрет огромного могущества, которым обладают святилища. Я был там, убедился лично... В силу святых мест твёрдо верят все абхазы, соврать там не решается ни один. Пусть каждый министр поклонится на святом месте, что никогда не станет казнокрадом...

Много ещё о чём хотелось переговорить с Президентом молодой республики, но его ждали дела государственной важности. Завтра инаугурация.

Владимир Попов, фото

P. S.

В ноябре 2014 года Президент России Владимир Путин и Президент Республики Абхазия Рауль Хаджимба подписали новый договор о союзничестве и стратегическом партнерстве. Документ предусматривает формирование общего пространства обороны и безопасности, в том числе с помощью создания объединённой группировки войск двух государств, которые будут подчинены объединённому командованию. Надежда абхазского народа на крепкий мир, стабильность начала воплощаться в жизнь.

Причём, обратите внимание: «общего пространства!», «объединённой группировки!»...

А то больно мнительные абхазы в беседе со мной предрекали, мол «договор — лишь прикрытие, Расея приберёт нас к рукам, подомнёт под себя!» Всё! Времена, когда Советская власть предлагала государствам свою опеку в обмен на суверенитет и, не дождавшись ответа, вводила войска, — прошли безвозвратно! Живём, прям, как в песне:

Чужой земли мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим [1].

Примечания:

[1] Борис Савельевич Ласкин, «Марш танкистов».

*

Любовь

*Пусть скачет твоя лошадь
силой, а моя счастьем.*

Абхазская поговорка

Владимир Попов, фото: «Обида»

Берадзе Лаврентий Григорьевич, ветеран ВОВ, Председатель Совета ветеранов вооружённых сил Гальского района в любви толк понимает. Нугзар, немного с завистью, заочно отрекомендовал его так:

— В восемьдесят лет снимал квартиру и тайком приглашал туда женщин.

При встрече я напрямки так и спросил:

— Про квартиру для тайных встреч — правда?

Лаврентий Григорьевич сразу приосанился и помолодел лет на двадцать:

— ...Без женщин нельзя жить, — философски ответил аксакал. — Ведь женщина — самое дивное творение Бога. Мужчина был одинок в раю, и Господь взял пучок солнечных лучей, меланхолию луны, дрожание оленихи, ласковый взгляд джейрана, красоту лебедя, серьёзность павлина, пение соловья, безобидность голубя, грациозность тростника, запах розы, сладость мёда, нежность пуховика, притяжение магнита, чистоту родника и невесомость воздуха. Смешал всё это и добавил хитрость лисицы, яд змеи, алчность акулы, жёсткость тигра, язык сороки, изменчивость ветра, трусость зайца. Так получилась женщина. Бог оживил своё творение и передал мужчине с наказом:

— Береги, повторения не будет!

Мы прожили с женой почти пятьдесят лет. Прожили хорошо. Я её очень уважал и после смерти больше не женился.

Маквала Чолария, корреспондент газеты, с надеждой в голосе произнесла:

— Лаврентий Григорьевич — преданный своей семье. Жене он никогда не изменял...

Старик весь напрягся и, не удостоив женщину взглядом, отчётливо произнёс:

— Изменяют предатели родины. Водиться с женщинами — другое.

Лицо Чоларии вытянулось в недоумении.

— Настоящий мужчина должен всегда делать шаг навстречу желанию женщины. Иначе она обидится: «Какой дурак! Не обратил на меня внимания».

— Ну, ведь не все женщины такого спектра, — растерялась Чолария.

— Все хорошие мужчины — такие, — и по лицу Лаврентия Григорьевича скользнула блаженная улыбка, взгляд затуманился, он покинул нас, улетая далеко-далеко...

Нугзар, безучастно наблюдавший пикировку Лаврентия Григорьевича со своей сотрудницей, потом пояснил:

— В Абхазии — патриархат. Наша культура не допускает либеральных взглядов в вопросах домостроя, не приемлет джигита в стрингах, в юбке, с накрашенными губами... мы не хотим ломать раз и навсегда установленный Богом порядок, смешивать, путать...

— Путать женское «начало» и мужское «кончало»?

— Точно так. У нас много сложено легенд о любви, о том, как правильно строить отношения мужа и жены. Сейчас одну расскажу...

Несколько лет Шахан не виделся со своим другом Мшвагу и вот приехал навестить его.

Радостная картина открылась его взору: красивый дом на высоких сваях, просторный, утопающий в зелени двор, в траве под фруктовыми деревьями в изобилии индейки, куры, гуси. Он постучал в ворота, и на веранде появилась молодая женщина.

— Мшвагу дома? — крикнул ей Шахан и, не услышав ответа, зашёл во двор. — Мшвагу дома? — повторил он.

— Нету! — фыркнула женщина.

Шахан подошёл к развесистой тенистой чинаре, присел на скамью.

— Где же Мшвагу?

— Кто его знает? Не сказал.

— Мы с ним с детства дружны. Жизнь разлучила, не виделись больше семи лет.

Она слушала и молчала.

— Ну и жара сегодня! — смахнул пот Шахан. — Ну что ж, отдохнул, мне пора. Желаю вам всего хорошего! — и, выходя за ворота, добавил: — Да! Жаль, не застал Мшвагу. Скажите, хотел повидаться с ним, искренне рад, что всё у него отлично, только... двери в доме неважные... Не могу скрыть, я плотник, строю дома...

Поздним вечером вернулся Мшвагу и узнал, что приходил Шахан.

— Как досадно, что ты отпустила его! — воскликнул он. — А что он рассказывал о себе? Где и как живёт? Чем занимается? Подумать только, как давно мы не виделись!

— Он тоже жалел, что не застал тебя. Вообще, он плотник, — вспомнила она, — и вот просил тебе передать...

— Что?!

— Сказал, двери у нас неподходящие. Так и заявил: этому дому нужны бы лучшие двери.

Внимательно осмотрел Мшвагу входную дверь, но никаких изъянов не обнаружил.

Прошёл год. И снова Шахан заглянул к своему другу.

— Эй, Мшвагу! Ты дома?

Молоденькая женщина торопливо сбегала вниз по ступенькам навстречу гостю, Шахан сразу заметил, что это не прежняя, другая.

— Добро пожаловать! — напевно произнесла она.

— Мшвагу дома?

— Пока нет, но должен скоро вернуться. Входите, входите!

— Нет, спасибо, — ответил он. — Мне здесь хорошо. — И направился к тенистой чинаре.

— Что вы! — встрепенулась она. — Да войдите же в дом! Отдохните с дороги!

В её голосе было столько радушия, что Шахан весело улыбнулся:

— Уговорили! — В доме действительно было хорошо: и прохладно, и уютно. — Давно я не видел Мшвагу! — с грустью сказал Шахан. — Как мне хотелось встретиться с ним, и вот невезенье: опять не застал! Простите меня за вопрос, Вы, наверное, жена?

В знак согласия она опустила голову.

— Поздравляю, — обрадовался Шахан. — Мшвагу — замечательный человек!

Женщина ушла на кухню и вернулась с кувшином вина:

— Пейте, не скупайтесь, а там и хозяин подъедет! — и она принялась быстро накрывать стол.

«Вот так хозяйка!» — подумал Шахан, откушав с наслаждением.

Солнце близилось к закату, а Мшвагу не возвращался.

— Очень сожалею, — сказал он, — но мне пора в путь.

Женщина проводила его до ворот.

— Что передать?

— Скажите Мшвагу, — загадочно произнёс Шахан, — что его приходил навестить друг детства. Передайте, я очень рад, у него превосходный сад, красивый дом... И больше всего в доме мне понравились входные двери. Да, да, так и передайте, пожалуйста. Я, видите ли, плотник... Так не забудьте, прошу Вас: чудесные, превосходные двери!

P. S.

Когда пишешь о любви, взгляд невольно оценивает окружающих...

В гостинице молодая семья из Ставрополя: мама, дочь — писанные красавицы, глаз нежится... Да... Пожалуй, это единственный случай, когда можно, не краснея, с гордостью признаться: «Сделано у нас! в России!!!»

Фото

*

08.08.08

Блажени миротворцы: яко тиши сынове Божии нарекутся.

Библия на церковно-славянском языке, Евангелие от Матфея

В Абхазии воцарился желанный мир...

Знак восклицательный был поставлен русскими миротворцами в 2008 году. Очевидец этих событий профессиональный фотограф Владимир Попов поделился со мной своим архивом:

— Это операция «Принуждение к миру 08.08.08». Лето, Сухум, грузинские войска, русские миротворцы. Тут могло начаться... Это правда, здесь не игра, не военные учения. Грузинский генерал спрашивает у русского командира:

— Что будет, если мы не уйдём?

— Вы будете жить в мире, у вас будут яблоки, цвести мимозы... А если вы не уйдёте, я всё сожгу вокруг, — русский офицер говорил ему так мягко, так легко. — Всё сожгу. У меня приказ.

Владимир Попов, фото

Порой становится обидно за Россию...

Горько.

Мы ко всему миру с любовью, а в ответ упрёки, нелепые беспочвенные подозрения, вечные придирки... попытки очернить. Дался им автомат Калашникова, мирно, как гусли, оттягивающий плечо. Слепцы. Вы оцените нашу чистую, нараспашку душу. Не нравится, что мы за границу — на танке? Ну ведь не на русской же печи разъезжать, словно сказочному Емеле.

«Елей огня не угасит!»

Как маленькие...

меня всегда корбит фраза:
«ввели российские войска...»
на деле — зарубежные гастроли
ансамбля русской песни с плясом

*

Соседей не выбирают

*Грузин порядочным человеком
быть не может!..*

Сергей Довлатов, «Заповедник»

Фото

Никогда не соглашусь с таким тенденциозным эпитафием...

Ни время, ни преступления отдельных политиков не смогут вытравить из моего сознания грузинскую культуру: фамилии Руставели, Чавчавадзе, Бараташвили, Церетели — останутся кумирами. Фильмы «Кувшин» Ираклия Квирикадзе, «Отец солдата» Резо Чхеидзе, — буду смотреть и пересматривать. А генерал-полковник К. Н. Леселидзе, Герой Советского Союза, чей монумент абхазские радикалы свалили в селе Гечрипш, беззаветно служил командующим армией на Закавказском, Северо-Кавказском и 1-м Украинском фронтах. Его брат Виктор, тоже Герой Советского Союза, подполковник, погиб в рукопашном бою под Видлицей в нашей Карелии. Хотя Леселидзе-младший грузин, а вовсе не карел, в Видлице ему установлен памятник — он отдал свою жизнь за нашу общую Родину.

Нелепо утверждать, будто абхазы хорошие, а грузины нет.

Весь народ не может быть плохим. Может ли правая рука быть лучше левой, ценней? «Укушу правую — болит, левую — тоже болит», сказано в абхазской пословице. (Этой мыслью утешаюсь всякий раз, когда вспоминаю рыжеусого Тараканища, который, забравшись в Кремль, тиранил всю страну.) Грузия — сосед Абхазии. И по-свойски меж ними случалось всякое, как у всех. Но не бывало в истории, чтобы соседи держались на штыках.

Невозможно разделить общую историю.

Не разделить семьи.

Нельзя разделить любовь.

Никак не разделить небо...

Родины разны, но небо едино.
Небом единым жив человек [1].

Не получается разделить и реку...

Энергетическая система на пограничной реке Ингур: вода поступает по каналу из Грузии, а турбины, энергоблок, выработка электроэнергии — на территории Абхазии. Двадцать лет политики ломают голову: как расчленить предприятие. Для инженеров очевидно: энергетические мощности неделимы! Никак друг без друга не обойтись. Политикам не под силу разорвать связь между народами, живущими бок о бок тысячи лет.

Это символ!

Фото

В романе грузинского писателя Константина Гамсахурдиа «Похищение луны» приводится мифологическое предание. Под стенами Рухской крепости, неподалеку от левого берега реки Ингури, шла когда-то война между абхазами и грузинами. Тщетно пытались грузины взять крепость. Наконец решено было покончить спор единоборством палаванов. Грузины выставили своим бойцом некоего Чолокашвили, абхазы — одного из Эмхвари. Чолокашвили в годах, сед, Эмхвари — безусый юноша. Встретились палаваны в том месте, где причал парома. Эмхвари выхватил саблю, ринулся на противника, но тут же опустил оружие.

— Чего ты ждёшь? — спросил Чолокашвили юношу.

— Жду, чтобы первым замахнулся старший.

И они расцеловались, как друзья [2].

Абхазам и грузинам пора, как и тогда в старину, забыть распри и обняться.

Пусть скажет решающее слово богиня мудрости Атана [3].

Надо восстанавливать мост «Дружбы», хоть понятно, на это и уйдут годы-годы...

Владимир Попов, фото

Примечания:

[1] Андрей Вознесенский;

[2] См.: К. Гамсахурдиа. Похищение луны. Тбилиси, 1964, с. 17.

[3] Одно из божеств абхазского языческого пантеона — богиня мудрости Атана.

*

**колокольчик
сильно
встревожился!..**

Душа земли

Душа не яблоко: её не разделишь.

И. С. Тургенев

Я рассказал ему про своё неожиданное открытие, сделанное на необитаемом острове в Белом море: оказывается, у человека в экстремальных условиях открываются новые творческие грани, сама природа в этом соучаствует [1].

Руслан согласился:

— Подобные территории называются местами силы. Там, при благоприятных условиях, открывается незамутнённая ничем, чисто работающая земная энергетическая локаль. Именно в таких условиях и открывается Истина.

Как всё просто...

Так мы и познакомились, потом Руслан читал свои стихи:

Остановись к хребтам всходящий
В ущелье, издавна святом
Здесь камень, истоиво гудящий,
Гневлив и милостив притом.

Встань над рекой бурливо-пенной
И подыми неспешно взор.
Решись, с мольбой проникновенной
Себя яви преддверью гор.

Взгляни попристальнее, путник,
В откос всевидящей горы.
Теперь она твой строгий спутник
До той ей ведомой поры.

Когда, путями утомлённый,
Войдёшь обратно в этот створ
И будешь верить, умудрённый,
В святую силу духов гор.

Руслан Кокович Аджинджал — Поэт с большой буквы, философ, лингвист и многое-многое что ещё. Представление об Абхазии будет неполным без знакомства с ним.

Он закурил, на секунду задумался и, пристально глядя мне в глаза, стал рассказывать:

— Мудрости категории противоположаны! В изолированных замкнутых системах типа племени, затерянного в дебрях Амазонки, или монастырской братии, отрешённой от внешней жизни, от благ цивилизации за стенами монастыря, — существуют уникальные условия. В таком сообществе выбор поступков облегчён, упрощён. Меньше шумовых отвлекающих помех, в итоге — меньше ошибок. Человек поступает по природе Божьей, более искренно, естественно. Не по воле случая или дикту обстоятельств. А в миру человек редко принимает решение по душе, хотя самый правильный выбор тот, который сделан именно по душе, подсказанный сочувствием к человеку, любовью к ближнему. Прав Даль, одним умом тут не возьмёшь, ум есть и у скота: «Ум лишь часть духа человека (ratio, Verstand), низшая степень, а высшая, разум (intellectus, Vernunft); ...Умён, да не разумен; С ума спятил, да на разум набрёл, с будничного ума, по людским пересудам, а напал на путь истинный, высший, духовный». Ум сочетается с нравом, нравственностью, хотеньем, любовью, страстью лишь у человека.

По этимологии Руслана Аджинджала... Не морщи лоб, Александр, и не пытайся вспомнить ветхозаветного мудреца. Руслан Аджинджал — это я. Так вот, по моему убеждению, «раз-ум» — означает разящий, поражающий ум. «Ума палата» — в этой палате нет места сердцу. «Ума полон», полонён умом — жалкая, незавидная участь.

Зачастую, изучая этимологию слов, в самых простых созвучиях, комбинациях букв может открыться глубинный смысл. Взять слово «огонь». Вслушайся в звучание — «о-гонь». Фонетика раскрывает смысл: огонь гонит. Когда горит степь, когда верховой пожар в лесу, пламя летит со скоростью курьерского поезда, с гулом и гонит, вынуждает спасаться бегством всё живое. А реверсивное чтение этого слова: «ного». Не может быть случайностью результат обратного чтения. Это всё равно, что, зарывшись пальцами в песок, в секстиллиарде песчинок найти нужную и выцепить её.

В русском языке бесчисленное количество вариаций. Невообразимо богатая лексика, способная передать эмоции, подтекст, мистику... Значения слов переворачиваются на глазах, становясь совершенно иными, меняя первоначально заложенный смысл лишь от соседства с другими словами. Классическая форма русского стиха гениальна. И тем сильнее заметны огрехи современной поэзии. Зачастую её невозможно читать: отрывистые, не связанные между собой строки. Вместо стройного изложения — выкрики, всхлипы, лохматость фраз, мысль теряется на пути от первой строки к концовке, нет идеи в словах... Мне не нравится рваная поэзия, но я понимаю этих неустоявшихся людишек. По-своему такая поэзия эмоций тоже ценна... Как свидетельство истории. Когда нет опыта жизни, когда человек городской... Видимо, какова жизнь, такова и поэзия. Русский язык — чудовищно чуткий, оттеночный язык. Одна из причин его богатства в том, что он вобрал в себя, переварил много других языков. У него хорошая наследственность — древнерусский язык глубже, многослойней любых других. Он явился прочным фундаментом, на который наслаивались новшества. Есть и особо насыщенные значимые слова, несущие с собой образы, вобравшие в себя менталитет народа, его опыт. Я абхаз, коренной. У меня мать почти не говорила по-русски, отец так... с пятое на десятое. В пять лет я читал и писал по-русски, читал и писал по-абхазски. Метрику переправили, и в пять лет я пошёл в русскую школу с гуманитарным направлением. В третьем классе учительница поймала меня за чтением «Декамерона» Боккаччо. Её удивило, где достал книгу.

Я верующий, крещёный. Крестился поздно, после войны, человека надежда влечёт. И ещё говорят, крещение снимает грехи. Все. Война — страшная штука... Грузия заложила этой войной в абхазском народе ненависть, которая будет преодолеваться долго. Несколько поколений понадобится, чтобы пригасить. Друзья любимы, когда ценимы. Отдельные учёные Грузии были против агрессии, например, философ Мамардашвили. Мир стоит до рати, а рать стоит до мира. Из войны этой я вышел удручённым, мой дух подавлен. На войне победы нет! Только распоследний негодяй, идиот, олух, может считать, что орден-медаль — награда за войну, альтернатива тем усилиям, что он приложил! — рыжие пышные усы его с негодованием встопорчились.

Нельзя заставить уверовать, к Богу надо прийти самому. Можно подсказать, объяснить, направить, убеждать надо, но принуждать человека верить — самый страшный грех. Принуждать нельзя, он должен сам к этому прийти в этносе, в этнокультуре. Но и другой вере в христианском мире дозвлететь нельзя, в массе, в общности: там, где звонит колокол, призывы муэдзина неуместны, они должны быть обособлены.

От первых дней

«Нас несовершенных создавший, Великий Боже...»
Из абхазской молитвы.

Когда-то Гоги и Магоги
Смущали лютостью людей.
Смиряли мир с Олимпа Боги,
В угоду корысти вождей.

Но мы, абхазы — человеки,
Не льнули к ложному крыльцу.
От первых дней и днесь, вовеки,
Верны Единому Творцу.

Живём, верны Его Уделу,
Верны божественному делу —
Служенью чистому Апсны.

И к Алтарю Его склоняясь,
В трудах и в войнах очищаясь,

Смиренья мудрого полны!

Хотя в иную веру вникающий, — в своей укрепляется. Может, когда-нибудь веры и сомкнутся, Бог даст, не знаю... Но искусственно ускорять этот процесс не стоит.

У абхазов тень — предвестник ночи!.. Мир так устроен.... Вот попомни моё слово, говорят же о приближении последних дней? Они наступили уже. Просто люди не видят. Армагеддон, апокалипсис, жестокие времена уже наступили. Мир уже рухнул. Мир уже летит в бездну... Предстоит очень тяжёлый период для человечества. И во всей этой катавасии твёрдо будет стоять только Россия. Сильно стоять! Богородица свои снежные крыла держит над Россией ежедневно, еженощно. Она — покровительница России. Мощнейшая!..

А что касается Абхазии... «Апсны» переводят, как «страна души». Неверное прочтение».

— Как правильно?

— Душа земли. Планета Земля — живой организм, её душой является наша Абхазия.

Душа земли

Растаяли снега Килиманджаро.
Пожарче стал над Африкой зенит.
Весь в трещинах скрипит Мохенджо-Даро,
И сельва в Амазонии горит.

Из мутных рек воззрились крокодилы
На гордостью обуянных людей.
Они до нас на этом свете жили
И, может быть, пребудут больше дней.

Дрейфуют потихоньку континенты,
Молчит Земля, обиду затая.
Но, слышите, земные континенты!
Стоит, как встарь, Абхазия моя!

Святейшими горами Семиречье
Возносится, размеренно дыша.
На стороне той Божьей, Человечьей,
Земли сырой содержится Душа!

P. S.

Я уехал и тепло Души мира навечно увёз с собой...

Не покидает ощущение, что я не спал, а сон видел.

В Абхазии остались святыни, ставшие теперь и моими, остались друзья. Наши души тонко вибрируют, единым оркестром исполняя ноктюрн солнечного созвучия... И духовная близость, невзирая на расстояния, лишь крепнет.

В день разлуки в Сухуме зацвёл жасмин, благоуханье на полгорода...

Не хочу верить, будто это природа облегчённо, радостно выдохнула, расцвела... по случаю моего отъезда. Просто напряжённая поездка подошла к концу, все участники старались, как могли, отработали на «5», и цветы — шикарный торжественный букет, по случаю успешного завершения первого этапа работы. Большой, ответственной, почётной работы над книгой «Абхазия».

Примечания:

[1] «Весь сборник»: «Пёрышки», «Вешки» <http://kostjunin.ru/konkurs.html>

*

Искусство «БЫТЬ»

Абхазия далеко, а перед глазами, как наяву, стоят люди с героическими судьбами... И настойчивым камертоном стучит в мозг: «А как бы поступил ты? А как правильно?» Что ни беседа, ни ситуация — вопрос один.

Один и тот же вопрос!..

И в повседневной жизни, и в переломные ключевые моменты судьбы: какую из дорог выбрать? Какая верная?! Взлёты и падения, обещания и отказы, надежды, разочарования, локальные успехи и поражения сменяют друг друга волна за волной на всём пути к цели. А что если подножки, неудачи — знак Свыше. Знак «остановиться». Может, пора поднять белый флаг? Раз само не идёт в руки, стоит ли пытаться сорвать банк, шагая по головам, расталкивая локтями?..

Гордыня — великий грех!

«Смирение! Смирение! И ещё раз смирение!» — назидательно поучает Библия.

- От Луки святое благовествование, 1.52: «...Низложил сильных с престолов, и вознес смиренных».
- Первое соборное послание святого апостола Петра, 5.7 «Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас».
- Первое соборное послание святого апостола Петра, 5.5, 5.6; Соборное послание святого апостола Иакова, 4.6; Послание к Филиппийцам святого апостола Павла, 2.3; Послание к Колоссянам святого апостола Павла, 3.12; Первое соборное послание святого апостола Петра, 3.8; Послание к Римлянам святого апостола Павла, 12.16;

И так далее...

Но тот же Новый Завет призывает нас к благим значимым деяниям. Возможно, человек, забывший о своём Божественном сотворении, хуже дьявола...

- От Луки святое благовествование, 12.48: «И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут».
- От Матфея святое благовествование, 7.7: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам»; 8 «Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят».
- От Матфея святое благовествование, 25.28: «Итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов», 29 «Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет».
- Послание к Колоссянам святого апостола Павла, 2.18; Послание к Римлянам святого апостола Павла, 12.21; От Иоана святое благовествование, 3.27; Послание к Римлянам святого апостола Павла, 12.17; Первое послание к Тимофею святого апостола Павла, 4.14;

И т. д. и т. п.

Ничто не происходит само по себе.

Ничто не гладко...

Всё с боями, всё с потом... каждый кусок хлеба, как и завещал Господь Адаму.

И вот уже не выступает пот, терпение переходит в стойкость, стойкость — в напор!

Не получается открыть дверь? Сейчас мы её... плечиком...

— А-ну, пад-нажж-мём! За ценой не па-астаи-иим!

Не поддаётся?!

Ломиком... Ну, я не знаю... динамитом! Под песню Евгения Долматовского:

Не созданы мы для лёгких путей,
И эта повадка у наших детей...

Или смиренно ждать, пока откроется сама?

Вопрос.

А если дверь выбрана ошибочно?! Как простому человеку «Быть»?

Как знать, на что направлять волю: на обуздание желаний или на преодоление препятствий? И как правильно выбрать цель?!

Поднимаю взор в далёкое, бездонное, холодное небо:

— Э-ге-гей!!! Кто-нибудь ответь: «Как Быть?» Подскажи!!!

— Ты сам...

— ?

— ...Сам знаешь ответ на свой вопрос.

— Са-аам?

— Да. То, что внутри тебя, что во много сильнее, диктует, как поступать здесь и сейчас.

— Диктует?

— Да. И за каждый шаг в сторону ты ответишь на Страшном Суде.

Автопортрет: на фоне репродукции картины Микеланджело «Страшный Суд»

P. S.

Мне не забыть с каким ехидством Заур Хварцкия провозглашал горькую правду (я уже писал об этом): «Ясновидцев, прорицателей полно везде... Одна беда: они не реагируют адекватно на свои же прогнозы. Это всё равно, как заявить: «Скоро с моря придёт цунами, нам осталось жить десять часов». Сообщить и преспокойно пойти домой, завалиться спать. Где логика? Если про цунами знаешь точно, беги в горы, спасайся сам, спасай родных».

Я не могу «преспокойно пойти домой, завалиться спать...»

Бог по силе крест налагает, и моя миссия — видя опасность, бить в набат... сигналить колокольчиком. Что, собственно, и делаю.

*

Война и Мир

*Иахуалак! — «Всякий, кто может!
Каждый, кто в силах!» —
древний клич абхазов, зовущий,
предупреждающий, вдохновляющий.*

В центре села Ачандара растёт богатырский платан — двадцати метров в объёме!
Дереву около тысячи лет.

А с большого дерева и листьев падает много. Во время войны сухие листья загорелись, огонь охватил великана, в стволе выгорело дупло: джигит верхом может заехать, не сгибаясь, такое оно огромное. Дома перебирал фотографии и до меня вдруг дошло: этот платан и есть символ Абхазии — я поместил его на обложку книги. Война калёным железом выжгла зияющую рану, но дерево сильнее. И абхаз, у которого от всех этих бед в какой-то миг просто опустились руки... соберётся с духом. Воскреснет его душа!..

И тогда на земле, дарованной Богом, вновь зацветут деревья.

Всем миром мы одолеем войну, собором и чёрта оборем!

Иахуалак!

P. S.

Получил от Нугзара письмо:

«Как ты уехал, у нас в селе Мыку Очамчёрского района был сход по случаю празднования двадцатилетия независимости республики. Там у каждого села свои пацхи, где угощают гостей. Я побывал в каждой... Уже ночью, в темноте понадобилось отойти в кусты... Шагнул в заросли... Больше ничего не помню. Очнулся, когда меня укладывали на носилки. В больнице сделали снимок, не нашли ни одного полома. Специально потом измерил высоту обрыва — 32 метра! Разве трезвый я бы остался в живых? Вот и верь после этого сказкам про вред алкоголя».

Нугзар, дорогой, жизнь продолжается!

Жизнь сильнее Смерти!

22 января 2015 года

С уважением,

Ваш Александр Костюнин

*

Словно тысячи весён назад,
Птицы с юга на север летят.
Не хотят задержаться нигде,
А торопятся к талой воде.
Талая вода, шалая вода,
Всё с тобою связано — радость и беда.
Шалая вода, талая вода, —
От меня — вчерашнего — больше нет следа.

Примечания:

[1] Лев Ошанин, «Талая вода».

*

Содержание

Наказ
Экскурс в историю
Начало маршрута

Война

Да будет кровь!
Они сражались за Родину:

- Джамал Шуген и Гурам Габечия
- Вячеслав Вардания
- Чёрный капитан
- Лаврентий Миквабия
- Славик Квеквесири
- Беслан Ахуба
- Мзия Квициния
- Роман Осия
- Леонтий Берулава и Отар Ломия
- Валерий Авидзба
- Вячеслав Сакания
- Игорь Герзмава
- Жужуна Салакая
- Валентина Дзидзария
- Мираб Кишмария
- Нугзар Салакая

Победа
Когда пушки молчат

Мир до войны...

Абхазия превыше всего
Сладкое слово «свобода»
Три гвоздя
Рыба-лоцман
Да здравствуют гёзы!

...Мир после войны

Открытый путь
Гостеприимство
Апсуара
Символы Абхазии
Отцы и дети
Этикет
Правила абхазского дорожного движения
Язык
Недобитые
Создатели матрицы времени
Тыл первого Президента
На идеологическом фронте
Как я искал в Абхазии юмор
Мужское братство
Природа
Вера
Надежда
Любовь
08.08.08
Соседей не выбирают
Душа земли
Искусство «Быть»
Война и Мир

*

Словарь

- Ааюны анхера (абх.) — жертвоприношение за полученный дом;
Абчарах (абх.) — старшина пастушеской общины;
Абырк (абх.) — почтенный абхазский старец;
Абыста (абх.) мамалыга — горячая слипшаяся бессолая каша из манки и кукурузы;
Адоух (абх.) — чародей;
Ажвейпшаа (абх.) — божество охоты, покровитель дичи;
Ажвлар! (абх.) — третий тост за народ;
Ажира (абх.) — родовое святилище, кузня;
Ажрацъра (абх.) — родственные узы, не женятся на сёстрах до 7 колена;
Ажэлар, шэхадкы! (абх.) — Народ, да положу я свою голову вместо вас!
Ажэлахыхра (абх.) — лишение фамилии;
Айныхра (абх.) — поминальные угощения;
Акыта (абх.) — сельская община;
Алабаша (абх.) — посох старца с металлическим острым наконечником;
Аламыс (абх.) — совесть;
Аламысда (абх.) — бессовестный;
Амашир алпха (абх.) — жертвоприношение, когда сыну исполняется 18 лет мама вокруг его головы обносит петушка и отпускает птицу в лес;
Анцва ил-пха! (абх.) — первый тост — традиционное обращение к Всевышнему с просьбой ниспослать «теплоту его очей», здесь «Анцва» — «Бог», «илпха» — «его милость», «теплота его очей»);
Анча инохера (абх.) — молебен Богу один раз в пять лет с жертвоприношением козы;
Аныха (абх.) — святилище Абхазии;
Аныхакуа рылпха! (абх.) — второй тост — обращение ко всем святилищным силам ниспослать народу милость, благословение (буквально «теплота очей святилищ»);
Апсны (абх.) — Абхазия, Страна души;
Апсуара (абх.) — сама суть абхазского народа, кодекс чести, вера! У Лихачёва «русскость» и «русский» — здесь Абхазия и абхазскость, Апсны и апсуара;
Апшалас (абх.) — северный ветер;
Асду (абх.) — большой снег;
Аталбаш (абх.) — председатель пира;
Атана (абх.) — одно из божеств абхазского языческого пантеона — богиня мудрости;
Ахаша (абх.) — кувшин, всегда заполненный красным вином, зарытый в землю;
Ахаца (абх.) — герой;
Ахацара (абх.) — мужество;
Ахидз (абх.) — «имя» и «слава» по-абхазски выражаются одним словом;
Ахъзыхра (абх.) — лишение имени;
Аца (абх.) — плетёный либо дощатый кукурузник на высоких столбах;
Ащапа (абх.) — навес для пирующих, крытый обычным брезентом;
Ащапа; Махаджирство;
Баба (абх.) — отец, папа;
Бзиала шзаабейт! (абх.) — Добро пожаловать!
Дад (абх.) — у абхазов обращение старшего по возрасту к младшему;
Дадраа (абх.) — абхазское торжественное обращение к собравшимся;
Дида (абх.) — непереводимый возглас возмущения в речи женщин;
Иахуалак! — «Всякий, кто может! Каждый, кто в силах!» — древний клич абхазов, зовущий, предупреждающий, вдохновляющий;
Итабуп (абх.) — спасибо;
Иуатзасшьоит аха; Урацэоуп аха! (абх.) — Хотя такое поручение и не достойно тебя!
Киараз (груз.), ауаахэ (абх.) — трудовая взаимопомощь;
Мациони — что-то среднее между кефиром и сметаной — объеденье! (Молоко кипятят, отстаивают, охлаждают до температуры чуть больше, чем тёплый, туда закваску, постоит часа три шалью закутанная и — в холодильник);
Пацкха (абх.) — хижина-плетенка;
План — (конопля) наркотик;
Сатамзааит, сышьтахъ уаерхан стэоуп! (абх.) — Прости, что сижу спиной к тебе!
Уага дуагабуааит! (абх.) — Пусть врагу придётся благодарить тебя!
Уара иузымдыруа сара иуасхэозеи, аха! (абх.) — Хотя что я могу сказать такого, чего бы ты не знал!
Узшаз уисасуп! Анцва уисасуп! (абх.) — Ты — гость самого Творца! Ты — гость Господа!
Уней, ухъ згейт! (абх.) — Проходи, да приму я на себя твои беды!
Уней-сней (абх.) — взаимные уговоры, приглашения;
Упату схы икууп! (абх.) — Твоя честь на моей голове!
Ухацазар ухыс! (абх.) «Если ты мужчина — стреляй!»;
Хай, амарджа! (абх.) — ободряющее восклицание («подтянись!», «живей!»);
Хайт! (абх.) — междометие для выражения досады;
Шоу удыруама? (абх.) — Знаешь ли, в чём дело?
Эйрих-Аацных — абхазский Бог воровства и разбоя.

Алфавит абхазского языка

(Транскрипция в кириллице по версии Алексея Дбара)

Написание	Произношение	Написание	Произношение
А (а)	А	Б (б)	Б
В (в)	В	Г (г)	Г
Гь (гь)	Ги	҂ (҂)	Хы
҂ь (҂ь)	Хьы	Д (д)	Дд
Дә (дә)	Ды	Ц (ц)	Джы
Ць (ць)	Джьы	Е (е)	Е
Ԃ (Ԃ)	Тшы	Ԃ (Ԃ)	Тчи
Ж (ж)	Ж	Жь (жь)	Жь
Жә (жә)	Жы	З (з)	З
З (з)	Дзы	Зә (зә)	Джи
И (и)	И	К (к)	К
Кь (кь)	Кьы	Қ (қ)	Кы
Кь (кь)	Кьи	К (к)	Кьо
Кь (кь)	Кьы	Л (л)	Л
М (м)	М	Н (н)	Н
О (о)	О	Ө (ө)	Ю
П (п)	П	Пь (пь)	Пы
Р (р)	Р	С (с)	С
Т (т)	Т	Тә (тә)	Пю
Т (т)	Тьы	Тә (тә)	Пью
У (у)	У	Ф (ф)	Ф
Х (х)	Х	Хь (хь)	Хьы
Х (х)	Хьы	Хә (хә)	Хьё
Ц (ц)	Ц	Цә (цә)	Цчы
Ц (ц)	Тцы	Цә (цә)	Цьы
Ч (ч)	Ч	Ч (ч)	Чё
Ш (ш)	Ш	Шь (шь)	Щ
Шә (шә)	Шы	Ы (ы)	Ы

*

